

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

Дорогие друзья!



С.Н. Сильвестров,
главный редактор, д-р экон. наук,
проф., действительный член (академик)
Российской академии естественных
наук, директор Института экономической
политики и проблем экономической
безопасности

Завершился 2017 год. Прошло десять лет с того момента, когда вышел первый выпуск нашего журнала «Мир новой экономики». Задуман он и начал выпускаться благодаря усилиям и таланту удивительно яркого и творчески разностороннего человека Натальи Николаевны Думной.

Профессор Н.Н. Думная обладала даром видеть новое в том, что только обретало контуры реальности и оставалось невидимым и непонятным для многих. Глубокий интерес, как теоретика, к научным поискам, не скованный догмами взгляд на жизнь, в сочетании с легким пером и мастерством лектора помогли ей воссоздавать и делать доступным для понимания мир того нового, что несколько позже обретало осязаемую реальность и даже обыденность. Натальи Николаевны нет с нами.

Однако редакция и обширный круг авторов журнала продолжают изучать и объяснять быстро меняющиеся явления в развитии человеческой цивилизации, в науке и технологическом прогрессе, мировой и отечественной социально-экономической среде, в конкретных областях реальной и виртуальной экономики, дополняющей и развивающей традиционное понимание и содержание привычной реальности. Миссия журнала состояла и состоит в выявлении последствий происходящего научно-технологического переворота для различных форм организации социума и его сосуществования с окружающей средой, частью которого он является.

Такого подхода придерживался наш журнал в предшествующие годы и продолжит придерживаться в наступающем 2018 году, собирая фрагменты пазла мира новой экономики.

Спасибо, что вы были с нами.

Примите сердечные поздравления с наступающим Новым 2018 годом и пожелания всего наилучшего в Новом году!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто г. Лечче (Италия);

Мазараки А., ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» (Германия)

Хан С., д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Блумсбургского университета, (США);

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, зам. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН;

Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., директор Института экономических стратегий (ИНЭС);

Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Герасименко В.В., д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой «Маркетинг» МГУ;

Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по научной работе Института экономики РАН;

Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финуниверситета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;

Иванов В.В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, заместитель президента РАН;

Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;

Могилевский Л.М., д-р техн. наук, проф., генеральный директор РОАО «Москва златоглавая»;

Нуреев Р.М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

Сорокин Д.Е., д-р экон. наук, проф., член-корр. РАН, научный руководитель Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., действительный член (академик) Российской академии естественных наук, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности;

Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. Департамента экономической теории Финансового университета;

Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;

Звонова Е.А., д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета;

Куприянова Л.М., канд. экон. наук, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;

Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф. Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета;

Сумароков В.Н., д-р экон. наук, проф., советник при ректорате Финансового университета;

Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф., заместитель руководителя департамента по НИР Финансового университета;

Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento, Lecce (Italy);

Mazaraki A., Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

Simon G., Doctor, Professor, President of "Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy" (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Deputy Director of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES);

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Gerasimenko V.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair "Marketing", Lomonosov Moscow State University;

Golovnin M.Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, First Deputy Director of scientific work of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., PhD. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Ya.M. Mirkin, Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Mogilevskiy L.M., Doctor of Technical Sciences, Professor, CEO of Russian public company "Moscow of Golden Domes";

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Sorokin D.E., Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of RAS, Science and Research Coordinator of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of The Institute of Economics and Industrial Engineering (Siberian Branch of RAS);

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-chief, PhD in Economics, Leading Researcher of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Yudanov A.Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, the assistant manager of the Economy of Intellectual Property Chair of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor of the Global Finance Chair of the Financial University;

Sumarokov V.N., Doctor of Economics, Professor, Adviser at administration of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor, the deputy head of Chair on NIR of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Institute of Industrial Policy and Institutional Development.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
«МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ».
Свидетельство
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.
Издается с 2007 г.
Усл. печ. л. 12,09
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Корректор
С.Ф. Михайлова

Переводчик
О.Н. Ефимова

Верстка
С.М. Ветров

**Оформление подписки
в редакции**
по тел.: (499) 943-94-20
e-mail: VAShadrin@fa.ru
Шадрин В.А.

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@mail.ru;
http://www.fa.ru.

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Перепечатка материалов
только с письменного
разрешения редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Подписано в печать:
18.01.2018
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 67
Отпечатано
в Отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Ткаченко А.А.

Проблемы общемировой цивилизации:

экономические и экологические сдвиги..... 6

Васильева Е.В., Деева Е.А.

Методы экспертных оценок в прикладной информационной экономике

для обоснования преимуществ информационных систем и технологий.....14

Подвойский Г.Л.

Мир труда: контуры будущего.....23

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Казанцев С.В.

Неравенство уровней социально-экономического развития субъектов

Российской Федерации.....32

Екимова Н.А.

Упреждающая эконометрическая диагностика: в поисках новой парадигмы....40

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кошмаров М.Ю., Трубецкой А.Ю.

Экономические теории и эволюция пропаганды.....48

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Красавина Л.Н., Лукьянович Н.В.

Интеграционное взаимодействие государств – участников

Евразийского экономического союза как фактор обеспечения

их национальной экономической безопасности.....55

Эскиндаров М.А., Перская В.В.

Инициатива большого Евразийского партнерства – новый подход

к формированию международных отношений в рамках одного континента

на основе сложившихся международных правовых норм и правил.....63

Сумароков В. Н., Марганя Л.О.

Развитие торгово-экономических отношений России и ЕС:

временные затруднения или начало долгосрочного кризиса.....70

Побываев С.А.

Неоиндустриализация как инструмент встраивания в глобальные

цепочки стоимости российских и белорусских предприятий.....78

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Бондаренко В.В., Танина М.А., Юдина В.А., Харитонова Т.В.

Разработка модели системы региональных институтов развития

в условиях формирования инновационной наукоёмкой экономики.....88

Воронов Ю.П.

Региональные суверенные фонды и перспективы

заимствования их опыта в России99

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Стародубцева Е.Б., Маркова О.М.

Реформирование банковских систем стран ЕАЭС

в преддверии создания единого финансового рынка 108

Андрюшин С.А., Кузнецова В.В.

Процентная политика Банка России в условиях рецессии балансовых счетов.... 114

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Малинецкий Г.Г., Иванов В.В.

Научная стратегия США 126

Содержание журнала «Мир новой экономики» за 2017 год..... 133

**THE ECONOMY OF THE XXI CENTURY***Tkachenko A.A.***Problems of the Global Civilization: Economic and Environmental Changes6***Vasileva E.V., Deeva E.A.***Methods of Expert Evaluations in Applied Information Economics for the Analysis of Efficiency Investments in Development of Information Systems.....14***Podvoisky G.L.***World of Labour: Contours of the Future.....23****ECONOMIC POLICY***Kazantsev S.V.***Inequalities of Socio-Economic Development of The Subjects of the Russian Federation32***Ekimova N.A.***Leading Econometric Diagnostics: in Search of New Paradigm.....40****THEORETICAL ASPECT***Koshmarov M. Yu., Trubetskoy A. Yu.***Economic Theories and Evolution of Propaganda48****WORLD ECONOMY***Krasavina L.N., Lukyanovich N.V.***Integration Interaction of the States Parties of the Eurasian Economic Union as a Factor in Ensuring their National Economic Security.....55***Eskindarov M.A., Perskaya V.V.***The Initiative of a Large Eurasian Partnership is a New Approach to the Formation of International Relations within a Single Continent Based on Established International Legal Norms and Rules.....63***Sumarokov V.N., Marganiya L.O.***The Development of Trade-Economic Relations between Russia and the EU: Temporary Difficulties or the Beginning of a Long-Term Crisis.....70***Pobyvaev S.A.***Non-Industrialization as an Instrument of Integration into Global Value Chains of Russian and Belarusian Enterprises78****SPATIAL ECONOMY***Bondarenko V.V., Tanina M.A., Yudina V.A., Kharitonova T.V.***Development of Model of System of Regional Institutes of Development in the Conditions of Formation of Innovative Knowledge-Intensive Economy.....88***Voronov Yu.P.***Regional Sovereign Funds and Prospects for Borrowing their Experience in Russia.....99****FINANCIAL ANALYTICS***Starodubtseva E.B., Markova O.M.***Reform of the Banking Systems of the Countries of the EEU on the Eve of Creating a Single Financial Market 108***Andryushin S.A., Kuznetsova V.V.***The Bank of Russia Interest-rate Policy in Terms of Balance Accounts Recession..... 114****EXPERT REPORT***Malinetsky G.G., Ivanov V.V.***Scientific Strategy of the USA 126****Contents of the journal in 2017 133**

© "WORLD OF NEW ECONOMY" Journal Certificate

ПИ № ФС77-67300.

of September, 30, 2016

Issued since 2007.

Relative printer's sheet 12,09

Founders: Financial

University Under The

Government Of The

Russian Federation

Founder and editor of the

magazine from 2007 to

2015 Doctor of Economics,

Professor N.N. Dumayaya

*Editor-in-chief***S.N. Silvestrov***Science journal editorship manager***V.A. Shadrin***Publishing editor***Yu.M. Anyutina***Proofreader***S.F. Mihaylova***Translator***O.N. Efimova***Makeup***S.M. Vetrov**

Editorial office address:

123995, GSP-5, Moscow,

Leningradskiy prospekt,

53, room 5.6

Tel.: 8 (499) 943-98-02.

E-mail: julia.an@maul.ru;

<http://www.fa.ru>.

Editorial board opinion may differ from authors' opinion.

To republish content explicit

written permission must be

obtained from the editorial

board.

Link to the journal is

mandatory.

Signed off to printing:

18.01.2018

Format 60 × 84 1/8

Order № 67

Printed in the Department

of Polygraphy of the

Financial University

(Leningradskiy prospekt, 49)



УДК 330,314
JEL F01

Проблемы общемировой цивилизации: экономические и экологические сдвиги

ТКАЧЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

*д-р экон. наук, профессор, зам. директора Института исследований МЭО, Финансовый университет,
Москва, Россия
alaltkachenko@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы мировой цивилизации, являющиеся, по мнению автора, ключевыми в эпоху становления новой экономики. При оценке экологического прогресса особое внимание уделено сельскому хозяйству наименее развитых стран, где повышение производительности труда невозможно без роста профессионального образования сельских жителей, а передача новых агротехнологий необразованному населению неэффективна. Рассмотрен вклад стран Азии в мировое развитие, для улучшения качества жизни населения которых необходимо радикальное снижение интенсивности использования энергии и природных ресурсов. Судьба экономики XXI в. связана с постарением населения и решением проблемы роста качества системы социального обслуживания пожилого населения. К важным проблемам глобальной экономики отнесены вопросы «труда по уходу», рассмотрены возможности учета неоплачиваемого труда по уходу в системе национальных счетов. Сделан вывод о непродуктивности введения автоматической индексации пенсионного возраста к росту ожидаемой продолжительности жизни и о пенсионных накоплениях как важнейшем источнике долгосрочного капитала.

Ключевые слова: цивилизация; глобальная экономика; развитые страны; быстроразвивающиеся экономики; старение населения; экологически устойчивая экономика; азиатский век.

Problems of the Global Civilization: Economic and Environmental Changes

TKACHENKO A.A.,

*Dr. of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
alaltkachenko@gmail.com*

Abstract. The article deals with problems of the world civilization, which, in the author's opinion, are key in the era of transition to a new economy. Special attention is paid to the agriculture of the least developed countries relating to the assessment of environmental progress; in these countries, the increase in labor productivity is impossible without the growth of professional education of rural residents, and the transfer of new agricultural technologies to the uneducated population is ineffective. The contribution of the Asian countries to the world development is considered. They need a radical reduction in the intensity of energy and natural resources use to improve the quality of life of the population. The fate of the 21st century economy of the relates to the ageing and the solution of the problem of qualitative improvement of the social services system for the elderly population. The important problems of the global economy include the issues of labor for care. The possibilities of accounting for unpaid care work in the System of National Accounts and national estimates of the contribution of such labor to the GDP of a few countries are examined. It is concluded that

the introduction of automatic indexation of retirement age is unfruitfulness in accordance with the increase in life expectancy and the conclusion about pension savings as the most important source of long-term capital.

Keywords: civilization; global economy; developed countries; fastest growing economies; demographic ageing; climate-resilient economy; Asian Century.

В статье рассматриваются некоторые проблемы современной мировой цивилизации, развитие которой подразумевает не только устойчивый экономический рост ради повышения качества жизни всего населения, но и иной подход к взаимозависимости решения экономических, социальных, демографических и экологических проблем. Важнейшие из них будут предметом данной статьи. Общемировая цивилизация очень мало продвинулась в решении задач, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН. Успешность дальнейшего пути, обозначенного теперь в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года как «17 Целей для преобразования нашего мира»¹, будет зависеть от принятия общих концептуальных подходов к вопросам развития человечества и решения проблем на основе долгосрочной стратегии.

Развитый и развивающийся мир современной цивилизации

Привычный тезис глобального развития, который существовал в течение нескольких десятилетий: «Юг отстает от Севера, развитые страны все более уходят вперед от развивающихся», в текущем веке становится несостоятельным. Этот же тезис распространяют на бедных и богатых как две полярные социальные группы любого общества и как бедные и богатые страны. Но если судить по индексу человеческого развития (ИЧР), который включает основные аспекты развития, то очевидно, что это представление также неверно. Если среднемировой показатель ИЧР вырос более чем на четверть за последние 20 лет, то в наименее развитых странах — более чем наполовину. Глобальная экономика меняется при очевидном росте влияния формирующихся экономик: доля развитых экономик в глобальном ВВП (в долл. США с учетом ППС) упала с 54% в 2004 г. до 43% в 2014 г.²

Существует устойчивый миф о росте разрыва между развитыми и развивающимися странами, о необходимости роста объемов помощи последним. По данным Программы развития ООН (ПРООН) (156 стран, 98% населения мира) видно, что за последние 25 лет большое количество стран и населения вышли из совокупной группы с низким уровнем человеческого развития: с 62 стран и свыше 3 млрд людей (1990 г.) эта группа сократилась до 43 стран и 929,2 млн чел. (2015 г.). За этот же период количество стран и численность населения в группах с высоким и очень высоким уровнем человеческого развития в совокупности выросли с 47 стран и 1,2 млрд чел. в 1990 г. до 105 стран и 3,7 млрд чел. в 2015 г.³

Само деление 188 стран мира всего на 4 больших группы устарело, это приводит к недостаточной дифференциации стран с разным уровнем человеческого и общего развития и даже к парадоксам в уровнях показателей. Так, (по данным Human Development Report 2016), средний валовой национальный доход в группе стран со средним уровнем развития (3-я группа) составляет 6,3 тыс., а в Самоа и Узбекистане, которые попадают в группу стран с высоким уровнем развития (2-я группа), этот показатель равен 5,4 и 5,7 тыс. соответственно при среднем по этой группе показателе — 13,8 тыс.

Говоря о достижениях в динамике ИЧР, доклад ПРООН «пропускает» второй элемент успехов в развитии: в наименее развитых странах за этот 10-летний период значительно снизилась рождаемость. Снижение в последней двадцатке (lower-20) из списка 189 стран по уровню ИЧР только у одной страны — Мали — суммарный коэффициент рождаемости (СКР) вырос с 6,8 до 6,9, а в большинстве значительно уменьшился. У 46 стран с низким уровнем человеческого развития СКР также снизился. Среди них такие густонаселенные, как Пакистан (185,1 млн чел.), Нигерия (178,5), Эфиопия (96,5), что оставляет этой группе стран «надежду» достойно войти в мир новой экономики. В среднем по группе стран с очень

¹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. A/RES/70/1. United Nations, 2015.

² Резюме. Доклад о человеческом развитии 2015: Труд во имя человеческого развития. UNDP. М.: Весь Мир, 2015. 48 с.

³ Human Development Report 2016. Human Development for Everyone. New York: The United Nations Development Programme, 2016.

низким уровнем человеческого развития СКР снизился с 6,0 (2000–2005 гг.) до 5,2 (2010–2015 гг.), но все еще значительно превышает показатель стран с высоким и очень высоким уровнем — 1,8 и 1,7 и почти в 2 раза показатель группы развивающихся стран в целом — 2,7 (Human Development Report 2016). Страны, в основном на африканском континенте, до сих пор сохраняющие высокий уровень рождаемости, вносят в современный рост мирового населения самый заметный вклад. Эта ситуация мало изменится до середины XXI в., что не может не влиять на проблемы глобальной экономики.

Международные организации считают, что в связи Целями тысячелетия прогресс измеряется с помощью шести показателей:

- 1) коэффициент материнской смертности;
- 2) доля деторождений при квалифицированном родовспоможении;
- 3) доля населения, пользующегося контрацептивами;
- 4) показатель рождаемости среди девушек-подростков;
- 5) охват родовым обслуживанием;
- 6) неудовлетворенная потребность в услугах в области планирования семьи.

Выделение именно этих показателей ориентировано в основном на потребности наименее развитых стран. Набор выбранных показателей при всей их важности не актуален для значительной части мирового сообщества, поэтому предпочтительнее нам представляются другие показатели измерения прогресса в любой экономике независимо от ее уровня и положения в глобальном мире. Это младенческая смертность и ожидаемая продолжительность жизни, которые всегда точно отражают проблемы стран по важнейшим направлениям развития: экономического, социального, экологического, здравоохранительного, социально-доходного.

Развитые страны выделяют огромные суммы в рамках официальной помощи и убрали таможенные пошлины на 80% товаров из наименее развитых стран. Но все усилия останутся малоэффективными, если не будет выполняться Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (The United Nations Framework Convention on Climate Change, UNFCCC, 2015).

Экологический прогресс — условие развития новой экономики

От зеленой революции мир (прежде всего, быстрорастущих экономик) переходит к эпохе зе-

ленной экономики. Теперь он стоит перед новой дилеммой, связанной с позицией крупнейших экономик мира. Многолетние засухи в ряде стран Африки привели к длительным неурожаям и голоду, вызвавшему, в свою очередь, массовое движение населения этих стран на европейский континент, которое поставило перед Европой проблему «Бюджетных последствий текущего кризиса в связи с беженцами и миграцией» (30 июня 2016 г., Евросоюз)⁴. С другой стороны, возникает проблема усиливающегося вклада в усугубление экологической проблемы со стороны наименее развитых стран, где в условиях растущего сельского перенаселения, несмотря на рост сельской миграции в города, происходит все большее вовлечение в оборот земель в экологически уязвимых районах. Необходимо понимать различие двух импульсов современной нарастающей миграции. Первый толкает массы людей для переезда в страны с высоким уровнем социальной защищенности, который, как они надеются, будет обеспечен и им. Второй связан с желанием мигранта собственным трудом улучшить уровень своей жизни и жизни своей семьи. В этом случае мигранты могут легально переехать, например, из стран Центральной Азии в Казахстан, но найти работу на нелегальных условиях. Поэтому как различны первопричины этих импульсов, так и различно следует относиться к этим потокам, так как любая даже нелегальная работа [в данном случае речь не идет о противозаконной деятельности (наркотрафик, принудительный труд и т.д.)] приносит пользу экономике страны вхождения мигранта и удовлетворяет ее экономические потребности. А вот социальные выплаты и льготы ищущим лучшую жизнь придется в любом случае уменьшать, иначе поток беженцев будет лишь возрастать и станет непосильным даже для самых богатых стран.

В рамках глобального реагирования на изменение климата поворотным моментом в отношении к климатостойчивому будущему экономики (climate resilient) с низким уровнем выбросов углерода считается принятие «Повестки дня 2030» (Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development). Развивающиеся климатически устойчивые сельскохозяйственные технологии являются неотъемлемой частью устойчивого сельского хозяйства в эпоху новой экономики

⁴ 30-06-2016 — Joint hearing on Budgetary implications of the current refugee and migration crisis.

и изменяющегося климата. Это хорошо видно на примере Индии и Эфиопии, осуществляющих специальные программы. Правительство Эфиопии инициировало инициативу по экологически устойчивой зеленой экономике (CRGE), которая поможет реализовать амбиции достичь статуса страны «среднего дохода» до 2025 г. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) считает повышение производительности труда в сельском хозяйстве условием *sine qua non* для развития наименее развитых стран и для структурных преобразований в этом секторе экономики. При этом необходимо заметить, что, во-первых, такое повышение невозможно без роста профессионального образования сельских жителей, а передача новых агротехнологий необразованному населению неэффективна, если не бесполезна. Во-вторых, форсирование структурных преобразований может ускорить сельскую миграцию в города, где мигранты без профессии и образования смогут быстро люмпенизироваться, лишь усилив проблемы нищеты.

Трудом в таких первичных отраслях, как земледелие, рыбное и лесное хозяйство занято в мире более 1 млрд чел., включая большинство крайне бедного населения (люди, живущие менее чем на 1,25 долл. США в день).

На эти виды деятельности приходится значительная доля выбросов парниковых газов из-за применения неустойчивых моделей водо- и землепользования, вызывающих обезлесение и утрату биоразнообразия. Равновесие «экология — производство» уже не является нерешаемой проблемой для развитых стран, которые за прошедшие десятилетия после первой конференции и затем в рамках Киотского протокола сделали очень многое. В какой-то мере проблема может возрасти для быстроразвивающихся экономик, но, как показывает пример Китая, сами условия жизни заставят правительства этих стран менять свою политику.

Переход к зеленой экономике, который осуществляют и развитые, и быстроразвивающиеся, и часть наименее развитых стран — это вклад человечества в решение экологической проблемы, без которого добиться прогресса в устойчивом развитии невозможно.

Вклад стран Азии в мировое развитие

Системное решение проблем устойчивого развития новой экономики с «зеленым уклоном», контролируемой рождаемостью и роста благосостояния показали страны азиатского континента. Но

правительства быстроразвивающихся стран Азии и азиатские сообщества, не менее чем западный мир, осознают проблему последствий роста уровня жизни огромного по численности населения, для улучшения качества жизни которого необходимо радикальное снижение интенсивности использования энергии и природных ресурсов. Если около 3 млрд азиатских жителей достигнут к середине века современного среднего дохода европейца (20 тыс. евро в год), что эксперты называют термином «ожидаемое богатство», то это окажет огромное давление на популяционно-демографическую емкость Земли и Азиатского континента.

И хотя понятно потенциально перспективное будущее этого региона, который к середине века станет производить более половины мирового ВВП, употребление в этой связи термина «азиатский век» представляется малопродуктивным по ряду причин как цивилизационного, так и экономического характера. Сможет ли так называемое азиатское ключевое сообщество, под которым понимаются круги ведущих политиков, лидеров большого бизнеса и ключевых лиц, формирующих общественное мнение, достичь консенсуса в отношении концепции и стратегии потенциального исторического роста Азии среди мирового сообщества наций? Япония, Индия и Китай уже определили свое место в мировой цивилизации и мировой экономике и вряд ли будут ориентироваться на долгосрочную перспективу развития Азиатского региона в целом при доминировании интересов субрегионов, каждый из которых имеет свои специфические проблемы. Единственная общая для государств Азии как континента долгосрочная проблема состоит в необходимости экологического оздоровления планеты. Но здесь уже просматривается единство интересов всего мира — стран, большинство из которых вполне осознают глобальность и серьезность этой проблемы.

Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что быстроразвивающиеся экономики Азии показали высокую способность региона поддерживать импульс эффективного развития. Но для его продления до середины текущего века требуется постоянная корректировка стратегии и политики для реагирования на изменяющиеся обстоятельства, которые приводят к смещению сравнительных преимуществ. Трудно говорить об Азии как некоем целом, которое имеет единые стремления и модели развития, но ясно одно — Азиатский регион будет продолжать идти

по пути к процветанию (как и вся человеческая цивилизация).

В своей работе “Asia 2050: Realizing the Asian Century” авторы подчеркивают приверженность и способность азиатских лидеров модернизировать институты управления и переустройства, но считают, что необходимо повышение прозрачности и подотчетности. В этой работе исследователи из Азиатского банка развития и Centennial Group Holdings, говоря о принципе междисциплинарности, подчеркивают необходимость использования множества данных об экономических, политических и культурных факторах, влияющих на развивающиеся рынки, для продвижения стратегий развития [1]. Какие российские программы, концепции или предлагаемые направления экономической политики учитывают культурные факторы, сообразуясь прежде всего с тем, что Россия является мультикультурной страной, построенной согласно Конституции на федеративной основе, предполагающей значительную автономию в решении сугубо экономических вопросов? Нет ответа.

Вполне логично, что успех стран Азии в укреплении взаимного доверия между основными экономиками континента имеет жизненно важное значение для регионального сотрудничества. Крупнейшей страной мира по численности населения в 2017 г. стала Индия, «опередив» прогнозы международных организаций. В докладе Давосского форума (2017 г.) говорится о том, что 65% детей, поступающих сегодня в начальную школу, в конечном итоге будут работать на совершенно новых типах работ, которые еще не существуют⁵. Поэтому перед этой страной, успешно осуществляющей различные программы обучения, стоит не менее амбициозная задача взрывного роста доходов населения и резкого расширения численности среднего класса. Авторы прогноза 2039 г. об Индии так символично и назвали свою работу «Богатое общество за одно поколение»⁶, считая, что экономическая экспансия сама по себе создаст добродетельный круг (в противовес известному понятию «порочного круга нищеты») повышенной производительности, увеличения экспорта и роста уровня жизни.

⁵ The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. Executive Summary. World Economic Forum. Cologny/Geneva, 2016.

⁶ India 2039: An Affluent Society in One Generationю Edited by: Harinder S. Kohli & Anil Sood. New Delhi, Delhi: SAGE Publications Pvt., 2010,

Экономические проблемы демографического старения

Мейнстрим споров о судьбе новой экономики связан с ростом числа людей старше 65 лет, доля которых будет только возрастать. Например, общемировой рост численности составит к 2050 г. 3,3 раза, увеличивая дефицит национальных пенсионных систем, который вместе с ростом нагрузки лиц рабочего возраста (15–64) пенсионерами преподносят как основную угрозу экономики в будущем. Это явно смещенная оценка ситуации. Во-первых, рост числа пожилых отражает национальные и общечеловеческие достижения в росте качества жизни. Во-вторых, рост нагрузки лиц рабочего возраста пожилым населением не идет ни в какое сравнение с нагрузкой работающих несовершеннолетними, которая также будет возрастать в самых экономически проблемных странах. В-третьих, даже рост доли пожилых не является обоснованным аргументом для рекомендаций по повышению пенсионного возраста как неизбежной меры для многих стран. В странах с очень высоким уровнем развития на 100 чел. в рабочем возрасте приходится почти равное соотношение нагрузки молодыми и пожилыми — 26,1 и 25,8 чел. соответственно (но и здесь нагрузка молодыми пока преобладает, а дефицит пенсионных систем существует давно). В странах с очень низким уровнем развития, соответственно 72,6 и 6,0 чел., что для нагрузки подрастающими поколениями значительно выше показателей развивающихся стран в целом — 42,7 и 9,6. Различия в нагрузке для крупнейших стран мира также значительны. В Индии соотношение составляет 42,9 в возрасте до 15 лет и только 8,3 старше 65 лет, в Китае — 25,1 и 13,1.

Даже такая компетентная организация, как Всемирный экономический форум (Давос), на 1-е место среди причин роста дефицита пенсионных выплат ставит увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения и лишь на 2-е — низкую доходность инвестиций пенсионных фондов. Если говорить о проанализированных экспертами Давосского форума шести национальных социальных системах, имеющих значительные проблемы с «пенсионным дефицитом», то мера постарения населения у них значительно различается, так же, как и ситуация в двух крупнейших странах мира, присутствующих в докладе⁷.

⁷ We'll Live to 100 — How Can We Afford It? White Paper. World Economic Forum. Cologny/Geneva, 2017.

Таблица

Оценка пенсионных систем

Страна	Доля лиц в возрасте 65+	Melbourne Mercer Global Pension Index (октябрь 2016 г.)			
		Общая величина	Величина субиндексов		
			адекватность	устойчивость	целостность
Нидерланды	18,7	80,1	78,2	77,0	87,7
Австралия	15,3	77,9	76,0	74,1	86,1
Канада	16,6	66,4	68,0	58,8	74,5
Великобритания	18,0	60,1	55,5	48,8	83,2
США	15,2	56,4	53,5	57,1	59,9
Китай	10,0	45,2	58,2	29,7	46,0
Индия	5,8	43,4	39,5	40,9	53,4
Япония	26,9	43,2	48,5	24,4	60,9

Источники: Melbourne Mercer Global Pension Index, 2016. Australian Centre for Financial Studies. Melbourne, 2016, p. 8; World Bank Data.

Эти страны применяют различные пенсионные схемы и имеют различный уровень охвата населения государственными (public) пенсионными выплатами. Поэтому для стран с низким уровнем охвата — Индии и Китая — более существенен вопрос роста доли пожилого населения, которому был бы гарантирован хотя бы минимальный уровень государственного пенсионного обеспечения. Представляется, что молодые поколения Индии способны эффективно ответить на 28-кратный рост дефицита пенсионных выплат к 2050 г. В настоящее время ежегодные темпы прироста заработной платы в Индии составляют 10%, что заметно выше показателя Китая — 6%. Посмотрим на различия этих стран по Глобальному пенсионному индексу (Melbourne Mercer Global Pension Index, MMGPI), позволяющему сравнивать различные пенсионные системы (см. таблицу).

Каждый субиндекс состоит из пяти показателей, но имеет разный вес в агрегированном индексе: адекватность (достаточность) пенсионной системы — 40%, устойчивость — 35% и целостность — 25%. Нидерланды наряду с Данией являются лидирующими странами по MMGPI с показателем выше 80 баллов. Великобритания и Нидерланды, также как Бельгия, Люксембург, Дания, Франция, Швеция и Ирландия, входят в число тех европейских стран, где даже в 2060 г. коэффициент демографической нагрузки пожилыми будет составлять

менее 50%⁸, что представляется вполне приемлемым для преодоления угрозы дефицита как со стороны государственной пенсионной системы, так (и особенно) частной. В то же время в самой «старой» стране мира Японии — один из самых низких показателей среди 27 стран, что свидетельствует о системности проблемы пенсионной нагрузки в этой стране. И хотя в Австралии, Великобритании, Италии, США, Японии 90% лиц старше 65 лет получают государственную пенсию, величина самих пенсий весьма различна, что связано с принятой пенсионной схемой, где госпенсия может играть лишь вспомогательную роль. Например, в США ежегодный размер пенсии — более 16 тыс. долл. США, в Нидерландах — более 25 тыс., в Австралии — только около 10 тыс. (рассчитано автором по данным национальной статистики стран по курсу долл. 2015 г.).

Проблема роста качества системы социального обслуживания пожилого населения в XXI в. представляется одной из важнейших в новой экономике. Самой непродуктивной мерой как с социальной, так и с экономической точек зрения мы считаем введение автоматической индексации пенсионного возраста к росту ожидаемой продолжительности

⁸ A Pan-European Pension Product. Filling the Pensions Gap and Refinancing the Economy. European Political Strategy Centre. Issue 26. June 2017.

жизни в ходе второй волны пенсионных реформ в ряде европейских стран после 2008 г. Подчеркнем, что рост числа пенсионеров означает и рост пенсионных накоплений, аккумулируемых в пенсионных фондах. С точки зрения финансового рынка содействие развитию пенсионных накоплений создаст важный источник долгосрочного капитала, который может быть использован для финансирования долгосрочных проектов по созданию рабочих мест и экономического роста в государствах со «старым» населением, прежде всего в странах — членах ЕС и Японии. Это также будет способствовать финансовой устойчивости благодаря углублению рынков капитала и снижению зависимости от банковских кредитов. Поэтому в новой экономике можно предположить развитие этих процессов благодаря усилению использования пенсионных накоплений как важнейшего источника долгосрочного капитала.

Европейские эксперты прогнозируют, что пенсионные доходы от государственных пенсионных схем будут падать, если политические реформы для смягчения последствий увеличения продолжительности жизни и демографических изменений не будут развиваться и дальше. Считается, что чем меньше возраст выхода на пенсию идет в ногу с увеличением продолжительности жизни, тем более серьезным будет падение. Если с первой частью вывода можно в какой-то мере согласиться, то вторая вызывает обоснованные сомнения: нет доказательств, что возраст выхода на пенсию должен идти в ногу с ростом ожидаемой продолжительности жизни. Во-первых, пенсионный возраст не менялся в развитых странах десятилетиями, в то время как продолжительность жизни росла постоянно, в большинстве стран — ежегодно. Во-вторых, рост продолжительности жизни даже на часть 1 года связан с огромными усилиями и достижениями каждого общества и цивилизации в целом, он обусловлен успехами социальной и экономической систем в устойчивом развитии, который также влияет на формирование пенсионных схем и пенсионных фондов. А вот деятельность последних (ее эффективность, соответствие процента прибыли общим процентам роста ВВП) во многих странах благополучна, а во многих — вызывает озабоченность.

Принцип «идти в ногу», по нашему мнению, во многом есть следствие практик некоторых стран по автоматической индексации возраста выхода на пенсию в зависимости от продолжительности жизни, но еще ни одна автоматическая индексация в любом виде не приводила к положительным

долгосрочным последствиям, а могла лишь на короткое время служить подпоркой в критической ситуации — далее она заводила в тупик, если не была вовремя остановлена или изменена на более взвешенную модель.

Процесс же роста продолжительности жизни и демографического старения населения — явление исторически долговременное, неизбежное и к нему надо относиться соответственно, не решая видимую часть проблемы простейшим, на первый взгляд, методом. Если общие установленные льготы и пенсионная схема с установленными взносами увеличились в объеме за 40 предшествующих лет (1975–2015 гг.) в странах ЕС в 32 раза, то почему то же самое не может произойти в последующие 40 лет (2010–2050 гг.), значительно уменьшив дефицит за счет роста доходов от частных пенсионных фондов и льгот? Например, снижение на один процентный пункт годовых расходов на обслуживание пенсионных активов приводит к увеличению активов пенсионной схемы на 27% после 40 лет взносов [2]. В новой экономике необходимо добиться решения проблемы неопределенности, риска и сложности, с которой сталкиваются все новые поколения занятых, выбирающие для себя подходящую пенсионную схему. Потребители не всегда ведут себя рационально, как это определено стандартной экономической теорией. Они часто, как считают эксперты ЕИОПА (Европейское управление по страхованию и профессиональным пенсиям), избегают или откладывают принятие решений, даже если это в их интересах⁹. Необходима стандартизация в рамках интеграционных объединений упрощенной информации о пенсионных схемах, которая помогает потребителям сравнивать предложения пенсионных фондов (их продукты) и преодолевать асимметрию информации.

Труд в XXI веке

В центре интересов развивающихся стран стоит неоплачиваемый и оплачиваемый «труд по уходу». Он также важен для развитых стран, но по другой причине. Для обеих групп стран проблема носит двоякий характер. Во-первых, это серьезная экономическая и социальная проблема современного глобального мира, так как «труд по уходу» остается вынесенным за рамки экономического фе-

⁹ Consultation Paper on the creation of standardised Pan-European Personal Pension products (PEPP). EIOPA-CP-15/006, 2015. Frankfurt, 2015.

номена, учитываемого в системе национальных счетов (СНС) и, следовательно, признаваемого как труд, увеличивающий ВВП. Несмотря на важность этого вида труда в человеческом развитии, он так и не находит отражения в экономических показателях. И если развитые страны мира идут по пути все большего гендерного равноправия в домашнем труде, все более усложняющейся техники для его облегчения, а следовательно, увеличивающейся стоимости каждого часа такого труда, то развивающиеся страны, где на этот вид труда тратится значительная масса времени женщин, хотели бы придать неоплачиваемому труду по уходу должное значение для оценки вклада женщин в домашние хозяйства и общины, а также привлечь внимание к их материальным условиям и благосостоянию. Труд по уходу остается незамеченным во многом из-за того, что является неоплачиваемым. Ряд развивающихся стран пытается измерить ценность такого неоплачиваемого труда, хотя варьирование имеющихся оценок слишком велико — от 20 до 60% ВВП. Вероятно, отсутствие общепризнанных методик оценки во многом сдерживает продвижение идей ученых к их практическому применению. Если исходить из национальных оценок таких крупных стран, как Индия (где стоимость неоплачиваемого ухода оценивается в 39% ВВП) и Южная Африка (15% ВВП), то в случае его учета в СНС при расчетах ВВП Индия переместилась бы в мировом ранжировании стран по объему ВВП с 7-го на 5-е место, обогнав Великобританию, а ЮАР — с 33-го на 30–31-е.

Во-вторых, это активно развивающееся поле взаимодействия рынков труда развитых и развивающихся стран, когда речь идет об оплачиваемом труде по уходу. ПРООН называет «поистине революционным документом» Конвенцию МОТ о достойном труде домашних работников, так как она создаст глобальные стандарты прав домашних работников по найму. Это одна из немногих пока

конвенций, которая, относясь к профессиональному слою занятых, в то же время способствует упорядочиванию взаимоотношений двух групп стран, так как в современном мире такая занятость все в большей мере связывается с трудом мигрантов из развивающихся стран, работающих не просто в развитых странах, а в экономиках стареющих обществ, требующих все большей доли квалифицированного труда по уходу за престарелым населением. Эту нишу занятости невозможно заполнить ни предложением на национальном рынке труда, ни родственниками пожилых лиц, ни социальными службами государственного толка. Домашние работники, среди которых преобладают мигранты-женщины, могут получать вознаграждение за труд (как оговорено в Конвенции) банковским переводом, банковским или почтовым чеком, что ставит этих работников в лучшие, по сравнению с занятыми другими видами труда, условия для превращения части заработной платы в ремиттансы.

Заключение

Международные организации более чем отдельные исследователи продвинулись в понимании категорий труда и занятости применительно к новой экономике. Доклад ПРООН (Доклад о человеческом развитии 2015: Труд во имя человеческого развития) расширяет рамки понимания труда за пределы производства с чисто экономической целью и под трудом предлагает понимать любую деятельность, которая может привести к человеческому благополучию в широком смысле слова как в настоящем, так и в будущем. К обычной триаде работодателей, работников и потребителей добавлен четвертый компонент — остальной мир, включая (и это необходимо выделить особо) будущих работников, т.е. подрастающие поколения, которые уже «трудятся» над созданием своего будущего человеческого капитала.

References

1. Kohli Harinder S., Sharma Ashok, Sood Anil. Asia 2050: Realizing the Asian Century. Washington DC, USA: SAGE Publications Pvt. Ltd, 2011. 412 p.
2. Bateman H., Mitchell O.S. New Evidence on pension plan design and administrative expenses: The Australian experience. *Journal of Pension Economics and Finance*, 2004, vol. 3, iss. 1, March, pp. 63–76.

УДК 004,007,519.8
JEL M15

Методы экспертных оценок в прикладной информационной экономике для обоснования преимуществ информационных систем и технологий

ВАСИЛЬЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА,

*д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры «Бизнес-информатика», Финансовый университет, Москва, Россия
evvasileva@fa.ru*

ДЕЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,

*канд. экон. наук, доцент кафедры «Бизнес-информатика», Финансовый университет, Москва, Россия
eadeeva@fa.ru*

Аннотация. Расширение информационной поддержки деятельности — актуальная задача для любой организации. Однако эффект от автоматизации бизнес-процессов не всегда можно выделить в улучшении экономических показателей деятельности. Поэтому проблема оценки внедрения или разработки информационных систем приобретает особую важность. Для управления инфраструктурой, понимания эффективных направлений развития информационных технологий в организации важно определять свой набор ключевых показателей эффективности и использовать комплексные методы их оценки. В статье приводятся примеры оценки качественных изменений от внедрения информационных систем или технологий с помощью прикладной информационной экономики (Applied Information Economics, AIE). Дается обоснование расширения этого метода путем использования экспертных оценок. Также дано обоснование возможности включения дельфийской процедуры в методику расчетов для формирования перечня критериев и применения метода индексной группировки мнений экспертов для определения весов критериев. Приведенная методика может быть полезна при обосновании разработки или внедрения информационных систем в организации.

Ключевые слова: информационная система; оценка эффективности; качественные показатели; прикладная информационная экономика; экспертные оценки; методы обработки экспертной информации.

Methods of Expert Evaluations in Applied Information Economics for the Analysis of Efficiency Investments in Development of Information Systems

VASILEVA E.V.,

*Doctor of Economics, professor of "Business Informatics"
Financial University, Moscow, Russia
evvasileva@fa.ru*

DEEVA E.A.,

PhD, associate professor of "Business Informatics"

Financial University, Moscow, Russia

eadeeva@fa.ru

Abstract. Information support activities is a critical task for any organization. However, the effect of automation of business processes is not always possible to allocate in improving economic performance. Therefore, the problem of evaluating the implementation or development of information systems is particularly important. It is very important to define its own set of key performance indicators and use integrated methods of evaluation for IT-infrastructure management and for understanding of effective directions of development of information technologies in organizations. The article illustrates the estimation of quality changes from implementation of information systems or technologies using the applied information Economics (Applied Information Economics, AIE). The authors present the rationale for the extension of this method by using expert assessments. The authors show the possibility of including the Delphic procedures in calculation method for the formation of a list of criteria, as well as the application of the method of the index group of expert opinion to determine the weights of the criteria. This method can be useful in the justification of the development or implementation of information systems in organizations.

Keywords: information system; performance evaluation; quality indicators; applied information economics; expert assessments; methods of processing expert information.

Парадокс производительности информационных технологий (ИТ) был озвучен профессором Массачусетского технологического института Робертом Солоу в 1987 г. Эта фраза впоследствии стала крылатой: «Мы видим компьютеры везде, кроме статистики производительности» [1]. И до сих пор самый неудобный вопрос, который может прозвучать после завершения проекта внедрения информационной системы: как же улучшатся финансовые показатели уже в текущем году? И второй вопрос, не менее трудный: во сколько обойдутся ИТ организации? В ежегодных отчетах аналитической компании Panorama Consulting анализируются результаты внедрения корпоративных информационных систем (ERP) от крупных поставщиков решений SAP, Oracle, Microsoft Dynamics, Epicor и Infor (<http://panorama-consulting.com/resource-center/2016-erp-report/>). Для изучения мировой практики внедрения ERP проводятся опросы организаций, внедривших их. Если проанализировать усредненные показатели результатов внедрения ERP-проектов в мире за 2009–2015 гг., то можно увидеть, что средний бюджет проекта составлял 5,7 млн долл. США (в 2015 г. — 3,8 млн долл. США). Перерасход бюджета при этом случался в 51–57% случаях ежегодно. По данным на 2015 г., средняя длительность завершенных проектов составляла 21,1 месяца. Заметим, что в отчетах Panorama Consulting за период с 2009

по 2015 г. проекты внедрения ERP в среднем имели продолжительность 16,9 месяцев. Превышались сроки в среднем за 7 лет в 59,4% проектах. В 2015 г. процент перерасхода проектного времени приходился на 57% проектов, в 2014 г. — на 75%, в 2013 г. — на 72%. 7% проектов были признаны в 2016 г. провальными и только 57% — успешными.

В России статистика с отклонением в финансировании проектов не столь критична. Так, по данным IC, 19% проектов превысили бюджет до 30%, а в 3% случаях — свыше 30%. Однако, так же как и в мире, продолжительность проектов увеличивалась в 54% случаях: в каждом десятом проекте на 30%, а 24% проектов не уложились в сроки до 11–30% (<http://www.tadviser.ru/index.php/>).

Разработка и внедрение информационных систем (ИС) в организациях — это проект, затратный не только на начальном этапе, но, в большей степени, уже при эксплуатации программных продуктов. Это делает важным выбор методов и инструментов для оценки экономического обоснования нового ИТ-решения. Особенно остро вопрос анализа эффективности ИС звучит сегодня, в условиях сложной экономической обстановки и тренда на цифровую трансформацию производства. Несмотря на естественные сомнения в эффективности автоматизации для бизнеса и привычное желание урезать в первую очередь бюджеты на ИТ, руководитель организации дол-

жен грамотно, с учетом перспективы, оценить все «за» и «против», понимая, что эффект от использования информационных технологий или систем не всегда можно выделить в улучшении экономических показателей деятельности организации.

Оценка эффективности может быть достоверна и обоснована только при анализе всех возникающих издержек и получаемых выгод, явных и неявных. Классические методы оценки эффективности ИС рассматривают проекты как инвестиционные и предполагают сравнение доходной и затратной части в расчете «денежного потока» с помощью показателей чистого дисконтированного дохода (Net Present Value, NPV), индекса рентабельности инвестиций (Profitability Index, PI), внутренней нормы окупаемости (Internal Rate of Return, IRR) [2]. И если затратную часть выделить несложно, то оценить эффект (доходную часть) в полной мере объективно трудно.

Использование ИС и ИТ само по себе не приносит прямых преимуществ, а только создает условия для их получения за счет улучшения в рабочих процессах. Так, среди наиболее распространенных выгод от проектов автоматизации называют повышение доступности информации (60%), улучшение взаимодействия (13%), снижение трудовых затрат и времени операций на 7% соответственно (<http://panorama-consulting.com/resource-center/2016-erp-report/>). Среди других эффектов от внедрения ИС можно отметить прозрачность бизнес-процессов и загрузки персонала, снижение риска ошибок (в том числе, за счет исключения «человеческого фактора»), уменьшение времени на обработку данных, повышение лояльности клиента (в том числе, за счет снижения ошибок и повышения скорости при обслуживании). Так, опосредованно ИТ и ИС оказывают воздействие на улучшение финансовых показателей организации. Однако качественный эффект трудно перевести в цифры, и определяемый этими критериями комфорт от владения ИС иногда оправданнее оценивать посредством качественных методов экономической оценки.

Прикладная информационная экономика (Applied Information Economics, AIE), разработанная Дугласом Хаббардом, руководителем компании Hubbard Ross, впервые была применена в 1999 г. для анализа ценности инвестиций в технологии безопасности с финансовой и экономической точек зрения [3]. Идея метода заключается в анализе

портфеля проектов, предлагаемых к внедрению, по факторам, влияющим на принятие решения об их стратегической ценности. Рейтинг опирается на оценки уровня значимости (качественных эффектов) и риска изменений от внедрения ИС. Далее, в зависимости от места в рейтинге проекта, определяются приоритетные направления инвестирования.

Метод AIE имеет различные модификации, одна из которых предполагает, что для каждой из целей ИТ-проекта определяется вероятность ее достижения. Такой анализ позволяет выбрать наиболее важные характеристики ИС, установив между ними соотношения, например, с помощью коэффициентов значимости. Данный подход может быть также применен для оценки явных и неявных факторов эффективности ИТ-проектов, обоснования значимости полученных качественных изменений от дополнительно автоматизируемых функций или задач, от внедрения информационной системы, любого из ее модулей или развития ее функциональности.

В любом случае для формирования перечня влияющих на принятие решения факторов, их весов, а также оценок качества внедрения ИС или доработки ее модулей при составлении рейтинга требуется привлечение группы экспертов и обработка информации для получения их обобщенного мнения. Как известно, сущность метода экспертных оценок заключается в проведении экспертами интуитивно-логического анализа проблемы с количественной оценкой суждений и формальной обработкой результатов [4, с. 9].

Авторы предлагают методику практического использования экспертных оценок в методе AIE для обоснования преимуществ ИС и ИТ. Рассмотрим предлагаемую методику на примере оценки эффективности от внедрения конкретного проектного решения (проект А). Следует отметить, что в рассматриваемом варианте метод AIE модифицирован за счет включения весов критериев, итоговые результаты работы экспертной группы оформлены в *табл. 1*.

Приведем необходимые комментарии, касающиеся заполнения *табл. 1*. Как было отмечено выше, заполнение *табл. 1* производится с участием группы экспертов, в состав которой целесообразно включать не менее 6–8 компетентных специалистов (число экспертов, входящих в состав экспертной группы, обозначим за N). Непосредственно перед проведением экспертизы дополнительно

Таблица 1

**Оценка основных критериев эффективности проекта автоматизации
(проект А) бизнес-процесса потребительского кредитования**

№ п/п	Критерий эффективности (характеристика) внедрения проектного решения, $i (i = \overline{1, M})$	Балл качества		Вес критерия, Q_i^*
		до внедрения решения	после внедрения решения	
1	2	3	4	5
1	Автоматизированный бизнес-процесс потребительского кредитования	0	2	0,200
2	Увеличение количества рассматриваемых заявок	0	2	0,185
3	Оперативность при обработке информации	1	2	0,150
4	Увеличение лояльности потенциальных клиентов	0	2	0,115
5	Специально разработанный интерфейс для рассмотрения заявки	0	2	0,110
6	Увеличение качества кредитного портфеля	1	2	0,090
7	Наличие контроля сроков рассмотрения заявки	1	2	0,085
8	Возможность распределения задач между исполнителями	1	1	0,065
Суммарная балльная оценка с учетом веса каждого критерия		0,39	1,935	1,000

(но не обязательно) может быть проделана работа по комплексному определению компетентности каждого эксперта (для последующего учета веса его мнения) по формуле [4, с. 114]

$$k_{\Sigma} = 0,4k_{\text{сам}} + 0,6k_{\text{вз}}, \quad (1)$$

где $k_{\text{сам}}$ — самооценка компетентности;

$k_{\text{вз}}$ — взаимная оценка компетентности.

Методические рекомендации для определения самооценки и взаимной оценки компетентности экспертов на основе многоэтапного анкетирования подробно изложены в источнике [4, с. 29–37, 115–117] и здесь не приводятся.

Работа экспертной группы реализуется в три этапа.

На первом этапе работы экспертная группа формирует перечень критериев эффективности внедрения проектных решений (столбец 2 табл. 1, за исключением итоговой строки).

Формирование перечня критериев происходит в несколько туров по одному из вариантов дельфийской процедуры [5, с. 283; 6, с. 76]. Здесь следует отметить, что метод Дельфи считается одним из основных при проведении экспертиз и имеет множество модификаций. По сути, это целая группа методов, объединенных общими требованиями к форме получения экспертных оценок и организации процедуры экспертизы, которая реализуется в несколько туров с использованием обратной связи. Характерной особенностью дельфийских методов является уменьшающийся от тура к туру

разброс оценок экспертов, их все возрастающая согласованность при последующих итерациях.

Итак, для формирования перечня критериев эффективности внедрения ИС на первом туре дельфийской процедуры каждый эксперт называет M значимых, на его взгляд, ее характеристик (критериев), которые могли бы быть получены в результате внедрения. Отметим здесь, что количество называемых каждым экспертом характеристик на каждом туре должно быть одинаково, оно устанавливается на предваряющем дельфийскую процедуру совещании членов экспертной группы (авторы рекомендуют это количество устанавливать в диапазоне от 5 до 10; в рассматриваемом примере $M = 8$). Кроме того, что эксперт называет критерии, он также должен оценить их в зависимости от значимости по M -балльной шкале (размерность шкалы должна соответствовать количеству называемых каждым экспертом характеристик). Так формируется первоначальный, как правило, довольно обширный перечень характеристик, который на следующих этапах экспертного опроса будет последовательно сокращаться до выявления M наиболее важных, с точки зрения всех экспертов. Индивидуальные результаты работы каждого эксперта на первом туре удобно фиксировать следующим образом (табл. 2). Количество строк в табл. 2 у каждого эксперта будет равно M . В качестве индивидуального инструментального средства для работы каждого эксперта авторы рекомендуют использовать электронные таблицы и средства коллективной работы, в которых есть возможность консолидации индивидуальных экспертных мнений и последующей обработки их оценок для получения обобщенного мнения экспертной группы.

Полученные в результате первого тура данные необходимо свести в специальную форму (табл. 3) с подсчетом общей суммы баллов, набранных каждой характеристикой. Уточним, что в каждом столбце, кроме итогового, количество оценок будет соответствовать числу названных экспертом характеристик, а остальные позиции в столбце могут быть заполнены прочерками или нулями.

Далее перечень из сводной табл. 3 нужно упорядочить по убыванию общей суммы баллов, набранных каждой характеристикой, и представить в форме, соответствующей табл. 4, с расчетом для каждой строки доли в процентах от итоговой суммы баллов.

Затем по заполненной таблице результатов первого тура экспертного опроса (табл. 4) необходимо

определить следующие границы групп генеральной совокупности (это удобно делать с помощью функции КВАРТИЛЬ в MS Excel):

- минимальное значение;
- квартиль 1;
- квартиль 2;
- квартиль 3;
- максимальное значение.

Во втором туре каждый эксперт получает сформированный всеми экспертами перечень характеристик (см. табл. 4), из которого исключены характеристики, оказавшиеся в квартиле 1 по результатам первого тура экспертного опроса. Таким образом, во втором туре эксперты рассматривают характеристики, вошедшие в квартили 2–4 в первом туре. Каждый эксперт из предложенного перечня оценивает только M характеристик по соответствующей шкале, наиболее важных с его точки зрения. Причем эксперты, которые в первом туре называли характеристики, исключенные по его результатам, будут вынуждены пересмотреть свою точку зрения. Новые результаты опроса сводятся в таблицу, форма которой аналогична табл. 3, а затем в виде упорядоченного по убыванию общей суммы баллов перечня оформляются в таблицу, идентичную табл. 4. Затем определяются те же границы групп генеральной совокупности, что и в первом туре.

Третий и последующий туры проводятся аналогично второму. Таким образом, на основе одного из возможных вариантов реализации дельфийской процедуры в результате многоуровневого опроса экспертов формируется перечень из M характеристик эффективности внедрения ИС (столбец 2 табл. 1). Далее критерии в сформированном перечне следует расположить по степени важности. Для этого каждый эксперт заполняет таблицу, схожую с табл. 2, где в столбце 3 указывает ранг критерия — r_m (порядковое место критерия в сформированном перечне в виде натурального числа от 1 до M , где M — количество критериев). Эквивалентные, по мнению эксперта, критерии получают одинаковые ранги, каждый из которых равен среднеарифметическому значению порядковых мест этих критериев. Таким образом, ранжировки критериев, полученные от экспертов, должны быть стандартизированными, т.е. для каждой из них должно выполняться равенство

$$\sum_{m=1}^M r_m = \frac{M(M+1)}{2}. \quad (2)$$



Таблица 2

Перечень характеристик с балльными оценками j -го эксперта из состава группы ($j = \overline{1, N}$) на l -м туре дельфийской процедуры

№ п/п	Характеристика (критерий)	Балльная оценка
1	2	3

Таблица 3

Сводный перечень характеристик на l -м туре экспертного опроса

Характеристика (критерий)	Балльная оценка j -го эксперта, $j = \overline{1, N}$							Сумма баллов
	1	2	N	
1	2	3	$N+1$	$N+2$
...
Итого								...

Таблица 4

Результаты l -го тура экспертного опроса (упорядоченный перечень характеристик)

Характеристика (критерий)	Сумма баллов	Доля, %
1	2	3

Стандартизация может быть выполнена с помощью, например, метода стандартизованного ранга [5, с. 276]. Если эксперты сильно разошлись во мнениях относительно назначения рангов, то для оценки степени согласованности их мнений рекомендуется воспользоваться расчетом и оценкой значимости дисперсионного или энтропийного коэффициента конкордации (коэффициента согласия). И, если коэффициент подтвердит сильное расхождение во мнениях, целесообразно провести совещание с целью большего согласования мнений экспертов, а затем повторить процедуру ранжирования. Для получения обобщенной ранжировки, учитывающей мнения всех членов экспертной группы, можно воспользоваться методом сумм рангов. Этот метод в данном случае будет корректной процедурой, поскольку ранги назначаются как места критериев в виде натуральных чисел от 1 до M . Результатом этого этапа работы экспертной группы будет сформированный перечень из M проранжированных критериев (критерии следует представить в порядке убывания рангов).

Затем, на втором этапе работы экспертной группы, происходит заполнение столбца 5 табл. 1 —

определение весовости характеристик (критериев). Каждому из M критериев эксперты должны поставить в соответствие вес, характеризующий важность (значимость) данной характеристики. Эксперты на этом этапе работают с уже упорядоченным по убыванию рангов перечнем критериев. Авторы рекомендуют экспертную оценку весовости критериев проводить в 10-балльной шкале. Здесь отметим, что предлагаемое далее в методике нормирование экспертных оценок позволит перевести веса характеристик в диапазон десятичных значений от 0 до 1. Этот этап работы группы также проходит в форме анкетирования, которое желательно проводить в два тура с обратной связью или дискуссией между экспертами. Если анкетирование проводится за одну итерацию, то это целесообразно сделать на очном совещании группы. Каждый эксперт заполняет анкету, форма которой представлена в табл. 5. Поскольку эксперты работают с упорядоченным по убыванию значимости характеристик (с точки зрения всех членов экспертной группы) перечнем, их веса в анкетах экспертного опроса (столбец 3 табл. 5) также должны убывать сверху вниз.



Таблица 5

Анкета для определения весомости характеристик j -м экспертом

№ п/п	Критерий эффективности внедрения ИС, $i (i = \overline{1, M})$	Вес критерия (q_i)
1	2	3

Таблица 6

Сводная таблица работы экспертной группы по определению весомости характеристик

№ п/п	Критерий эффективности внедрения ИС, $i (i = \overline{1, M})$	Вес критерия по мнению j -го эксперта (q_j), $j = \overline{1, N}$		
		1	...	N
1	2	3	...	$N+2$

Полученные от экспертов оценки весомости каждого показателя сводятся в специальную форму (табл. 6).

Далее необходимо построчно усреднить, а затем нормировать критерии. В целях усреднения можно применить хорошо зарекомендовавший себя на практике метод индексной группировки мнений экспертов [5, с. 287] или усреднение с учетом компетентности экспертов согласно источнику [4, с. 119], если предварительно была проведена работа по комплексной оценке компетентности каждого участника экспертной группы.

Формализация метода индексной группировки мнений экспертов для практической реализации в рамках предлагаемой методики может быть представлена следующим образом.

Обозначим групповую экспертную оценку (вес i -го критерия), получаемую на основании индивидуальных экспертных мнений о весах по каждой строке, соответствующей i -й характеристике в табл. 6, как Q_i .

Пусть q_j — оценка веса i -го критерия j -м экспертом ($j = \overline{1, N}$).

Шаг 1. Рассчитаем среднюю оценку:

$$\overline{Q}_i = \frac{q_j^{max} + q_j^{min}}{2}, \quad (3)$$

где q_j^{max} и q_j^{min} — соответственно максимальное и минимальное значения из экспертных оценок по строке i .

Шаг 2. Определим d_j — отклонения экспертных оценок от установленной средней величины, а так-

же сформируем множества P и G (P — множество экспертных оценок, образовавших положительные отклонения от средней оценки, G — множество экспертных оценок, образовавших отрицательные отклонения от средней оценки) и подсчитаем количества элементов в этих множествах (p — количество элементов множества P , g — количество элементов множества G):

$$d_j = q_j - \overline{Q}_i, \quad (4)$$

если $d_j > 0$, то $j \in P$; если $d_j < 0$, то $j \in G$.

Шаг 3. Вычислим суммы отрицательных S^- и положительных S^+ отклонений:

$$S^+ = \sum_{j \in P} d_j, \quad S^- = \sum_{j \in G} d_j. \quad (5)$$

Шаг 4. Установим значения индексов k_1 и k_2 :

если $S^+ \geq |S^-|$, то $k_1 = S^+ : |S^-|$, $k_2 = 1$; (6)

если $S^+ < |S^-|$, то $k_1 = 1$, $k_2 = |S^-| : S^+$.

Шаг 5. Рассчитаем обобщенную экспертную оценку Q_i :

$$Q_i = \frac{k_1 \sum_{j \in P} q_j + k_2 \sum_{j \in G} q_j}{k_1 p + k_2 g}. \quad (7)$$

Описанная реализация метода индексной группировки производится для всех строк *табл. 6* ($i = \overline{1, M}$). Результаты расчетов целесообразно внести в *табл. 6*, которую следует дополнить справа соответствующим столбцом. Для последующего нормирования обобщенных экспертных оценок, которые заносятся в *табл. 1* (столбец 5), необходимо использовать формулу

$$Q_i^* = \frac{Q_i}{\sum_{i=1}^M Q_i} \quad (8)$$

Если же усреднение экспертных оценок производится не на базе метода индексной группировки мнений экспертов, а с учетом компетентности каждого эксперта [см. формулу (1)], то для усреднения в целях получения обобщенных экспертных оценок используется следующая расчетная формула ($i = \overline{1, M}$):

$$Q_i = \frac{\sum_{j=1}^N a_{ij} k_{эj}}{\sum_{j=1}^N k_{эj}}, \quad (9)$$

а последующее нормирование оценок производится по формуле (8).

Таким образом, столбец 5 *табл. 1* оказывается заполненным.

Третий этап работы экспертной группы — установление баллов качества для каждого критерия i ($i = \overline{1, M}$) до и после внедрения конкретного проектного решения. На этом этапе производится заполнение столбцов 3 и 4 *табл. 1*. Реализацию этого этапа авторы данной статьи рекомендуют проводить на коллективном совещании членов экспертной группы. Значения баллов качества реализации функций ИС (качество проявления характеристики) здесь следующие: 0 — «функция не выполняется», 1 — «функция выполняется частично», 2 — «функция выполняется полностью».

Последней заполняется итоговая строка в *табл. 1*, в которую помещаются суммарные балльные оценки до и после внедрения конкретного проекта с учетом веса каждого критерия.

Таким образом, проведя экспертную оценку каждой из имеющихся проектных альтернатив (проектов А, В и т.д.), можно выбрать наилучший проект, ориентируясь на максимальную суммарную балльную оценку после внедрения.

Кроме того, следует отметить, что расчет баллов качества до и после внедрения проекта ав-

томатизации, с точки зрения экспертной оценки, позволяет выделить сильные стороны внедрения. Например, анализ информации в *табл. 1* позволяет говорить о том, что внедренная ИС позволит увеличить количество выданных кредитов, качество кредитных портфелей и т.д., следовательно, напрямую повлияет на доходность и прибыльность банка.

В рамках данной статьи рассмотрим также распространенные заблуждения руководства компаний, приводящие к поверхностным оценкам эффектов от внедрения ИС. В настоящее время в организациях как результат «лоскутной» автоматизации функционирует множество ИС. В вопросах экономической эффективности и стоимости владения создаваемых ИС стоит учитывать, что специализированные решения более управляемы, проще и дешевле, а интеграция систем не всегда позволит грамотно автоматизировать бизнес-процессы.

Если говорить о возможностях сокращения времени, то любая ИС, как правило, предполагает появление дополнительного множества заполняемых полей таблиц баз данных. Кроме того, переход на электронный документооборот не отменяет твердую копию документов, а, значит, добавится необходимость сканирования документов, регистрации и перенаправления корреспонденции и пр. Все это дополнительные временные затраты персонала. И, к сожалению, такие проблемы характерны для многих организаций [7]. Внедрение же такой сложной системы, как ERP, создает необходимость формирования значительного штата персонала, занимающегося ее обслуживанием, подразумевает затраты на обучение сотрудников, что также отражается на стоимости владения ИС [8, с. 21].

Задача автоматизации деятельности является основным направлением развития любой организации. Однако и проблема оценки эффекта от автоматизации остается важной. Доступность информации еще не гарантирует принятия правильных решений. Для управления инфраструктурой, понимания направлений развития информационных технологий в организации важно определять свой набор ключевых показателей эффективности проекта автоматизации и использовать экспертные методы их оценки. ИТ обеспечивают получение прямых результатов, но участие руководства организации необходимо для того, чтобы преобразовать эти результаты в преимущества.

Литература

1. Solow R. M. We'd Better Watch Out // New York Times Book Review. 1987. С. 36.
2. Васильева Е. В., Данилина О. М., Лобанова Н. М. Оценка эффективности информационных технологий (информационных систем). М.: ГУУ, 2007. С. 60.
3. Дуглас У. Х. Как измерить все, что угодно. Оценка стоимости нематериального в бизнесе / пер. с англ. Е. Пестеревой. М.: Олимп-Бизнес, 2009. С. 68.
4. Евланов Л. Г., Кутузов В. А. Экспертные оценки в управлении. М.: Экономика, 1978.
5. Васильева Л. Н., Деева Е. А. Моделирование микроэкономических процессов и систем. М.: КНОРУС, 2016.
6. Васильева Л. Н., Муравьева Е. А. Методы управления инновационной деятельностью. М.: КНОРУС, 2005.
7. Алтухова Н. Ф., Васильева Е. В., Громова А. А., Славин Б. Б. Ключевые показатели приборной панели государственной службы // Вестник университета (Государственный университет управления). 2016. № 10. С. 10–18.
8. Васильева Е. В. Современные проблемы управления процессом формирования и возмещения кадров ИТ-отрасли и вузов // Проблемы рыночной экономики. 2016. № 1. С. 20–24.

References

1. Solow R. M. We'd Better Watch Out // New York Times Book Review. 1987, p. 36.
2. Vasileva E. V., Danilina O. M., Lobanova N. M. Evaluation of Information Technology (Information Systems) [Ocenka jeffektivnosti informacionnyh tehnologij (informacionnyh sistem)]. Moscow, GUU, 2007, p. 60 (In Russ.).
3. Hubbard D. How to measure anything. Valuation of intangible business [Kak izmerit' vse, chto ugodno. Ocenka stoimosti nematerial'nogo v biznese] / per. s angl. E. Pesterevoj. Moscow, Olimp-Biznes, 2009 (In Russ.).
4. Evlanov L. G., Kutuzov V. A. Expert assessment in the management [Jekspertnye ocenki v upravlenii]. Moscow, Jekonomika, 1978 (In Russ.).
5. Vasileva L. N., Deeva E. A. Modelling microeconomic processes and systems [Modelirovanie mikroekonomicheskikh processov i system]. Moscow, KNORUS, 2016 (In Russ.).
6. Vasileva L. N., Murav'eva E. A. Management methods innovative activity [Metody upravlenija innovacionnoj dejatel'nost'ju]. Moscow, KNORUS, 2005 (In Russ.).
7. Altuhova N., Vasileva E., Gromova A., Slavin B. Key indicators of the public service dashboard [Kljuchevye pokazateli pribornoj paneli gosudarstvennoj sluzhby]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija) — University Bulletin (State University of Management)*. 2016, no. 10, pp. 10–18 (In Russ.).
8. Vasileva E. Modern problems of managing the process of forming and reimbursing the staff of the IT industry and universities [Sovremennye problemy upravlenija processom formirovaniya i vozmeshhenija kadrov IT-otrasli i vuzov]. *Problemy rynochnoj jekonomiki — Problems of market economy*. 2016, no. 1, pp. 20–24 (In Russ.).

УДК 331.5
JEL J24

Мир труда: контуры будущего*

ПОДВОЙСКИЙ ГЛЕБ ЛЬВОВИЧ,

канд. экон. наук,

ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований

Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

glpodvoyskiy@fa.ru

Аннотация. В экономике многих стран в XXI в. будут происходить серьезные трансформации под влиянием мощной волны новой технологической революции, которая разворачивается в настоящее время. Новые технологии, по мнению ученых и экспертов, будут серьезно изменять облик не только многих отраслей, но и влиять на всю экономическую структуру. Этот процесс, в свою очередь, будет вести к глубоким изменениям в сфере труда.

Автор рассматривает различные сценарии развития рынка труда, обращая особое влияние на то, какие новые профессии могут появиться и будут востребованы, а какие перейдут в разряд уходящих.

Появление новых профессий предъявляет новые требования к российской системе образования всех уровней и требует ее модернизации, с тем чтобы ее перезагрузка позволяла готовить квалифицированных работников для всех сфер экономики.

Ключевые слова: конструирование будущего; новая технологическая революция; глобальная комиссия МОТ о будущем сферы труда; сценарии развития рынка труда; новые и уходящие профессии XXI в.

World of Labour: Contours of the Future

PODVOISKY G.L.,

PhD in Economics,

Leading researcher of the Center for Macroeconomic Research,

Economic Theory Division of the Financial University, Moscow, Russia

glpodvoyskiy@fa.ru

Abstract. Serious transformations will take place in the economy of many countries in the XXI century under the influence of a powerful wave of a new technological revolution that is unfolding at the present time.

According to scientists and experts, the new technologies will not only seriously change the image of many industries, but also affect the entire economic structure. This process, in turn, will lead to profound changes in the sphere of labour.

The author considers various scenarios of labor market development, paying special attention to new professions that may appear and will be in demand, and which professions will be transferred to the category of expiring ones.

The emergence of new professions makes new demands on the Russian education system at all levels and requires its modernization so that its reset will allow qualified workers to be trained for all spheres of the economy.

Keywords: construction of the future; a new technological revolution; the ILO global commission on the future of the world of work; scenarios for the development of the labor market; new and expiring professions of the XXI century.

* Настоящая статья является продолжением цикла статей автора, посвященных трансформации в экономических системах в условиях новой технологической революции.

Мир вступает в новую эпоху. Динамика, масштабность, сложность и противоречивость процессов, происходящих на планете, позволяют говорить о том, что отличительной особенностью XXI в. является то, что трансформации будут происходить во всех сферах жизнедеятельности общества — в политике, в экономике, в технологиях, в гуманитарной сфере.

Формируя сегодня области для будущих научных исследований и дискуссий, надо стараться понять те основные тенденции будущего, которые обозначились к настоящему времени.

1. Футурологи «рассекречивают» будущее

Проблематика, которой занимаются футурологи — это картина будущего в широком смысле. Их представление о будущем — это дорожная карта распознавания актуальных и критических задач. Футуролог, занимающийся прогнозированием, — это человек, который пристально вглядывается в настоящее, чтобы представить будущее.

Мэтью Барроуз, один из ведущих американских аналитиков, который работал над докладом «Глобальные тенденции» для Белого дома, в своей книге «Будущее рассекречено» пишет, что он полностью согласен с Уилмом Гибсоном, который утверждал, что «будущее уже наступило, просто оно неравномерно распределено» [1].

Эксперты и исследователи «фабрик мысли» считают, что есть основания полагать, что мы стоим на пороге нового скачка в рассмотрении будущего и единодушно сходятся в том, что завтра будет богаче, чем сегодня. Число таких «фабрик» (консалтинговых компаний, аналитических центров, научно-исследовательских институтов и фондов, а также разведцентров разного уровня) достигает в настоящее время уже семи тысяч.

Николай Ютанов, руководитель аналитической группы «Конструирование будущего» и главный редактор одноименного журнала, считает, что «в настоящий момент мы находимся в той точке, откуда можно обсуждать проблемы послезавтрашнего дня, т.е. — на пороге нового скачка в будущее. Просто потому, что большинство прогнозов, а именно — нано, био, инфо, искусственного интеллекта и другие — уже сбылись. Все больше спрос на альтернативные версии глобального развития. В том числе, у власть предержащих. Есть понимание того, что через пять лет весь миропорядок может изменить некий кардинальный ход» (<https://theoryandpractice.ru/>).

Координатор российской Ассоциации футурологов, Константин Фрумкин, так определяет наиболее важные тенденции будущего:

«Самая важная тенденция — это, конечно, развитие биотехнологий и вмешательство в человеческую природу, что теоретически может привести к очень резкому увеличению продолжительности жизни и появлению людей с какими-то новыми свойствами, что, в свою очередь, теоретически может дать второе дыхание космической отрасли.

Второе по важности — появление искусственного интеллекта. Он может вытеснить человека откуда угодно. Вплоть до творческих и управленческих должностей, что, конечно, несколько пугает. Пока что он находится в эмбриональных формах, но очень быстро развивается.

Далее — реиндустриализация западных стран, на началах интернета вещей и роботизации. Увеличение роли сетевых структур в экономике и политике, уменьшение роли старых стабильных структур, таких как правительства и госкорпорации.

Все это дает горизонт, чувство горизонта. И самые передовые группы интеллектуалов все больше устремляются туда свой взгляд» [2].

Профессор экономики Массачусетского технологического института Дарон Асемоглу в статье «Мир, который унаследуют наши внуки» выделил следующие тренды нового века:

- 1) революция прав;
- 2) технологический рывок;
- 3) неослабевающий рост;
- 4) неравномерный рост;
- 5) трансформация труда и зарплат;
- 6) революция здоровья;
- 7) технологии без границ;
- 8) век мира, век войны;
- 9) контрпросвещение в политике;
- 10) демографический взрыв, ресурсы и окружающая среда [3].

Американский социолог Ричард Флорида считает, что «мы переживаем мощнейший и фундаментальный сдвиг от индустриальной системы к экономике, движущей силой которой все в большей степени становятся знания, креативность и идеи» [4].

По мнению К. Фрумкина, в экономике набирает силу тенденция медленного размывания крупных структур, их замена сетевыми отношениями. Главная причина — необходимость обеспечения гибкости для того, чтобы экономика перестраивалась на управление отдельными проектами. Нужно, чтобы все факторы производства, все люди быстро могли

собраться для реализации одного проекта и быстро разойтись, когда этот проект закончился.

За последние 200 лет все, по большому счету, было подчинено одной задаче — сделать перемещение всех факторов производства как можно более гибким и быстрым. Чтобы экономика могла быстрее перестраиваться. И пределом этого процесса должна быть атомизация экономических субъектов, когда всякий человек является не трудящимся, а малым предпринимателем, который вступает в договорные отношения по поводу участия в одном конкретном краткосрочном проекте.

Таким образом стираются границы между капиталистом и трудящимся. Промежуточной структурой становится индивидуальный предприниматель. Предприниматели вступают друг с другом в отношения, образуя сетевые, т.е. очень быстро меняющиеся, временные структуры. Это не значит, что в такой системе нет неравенства. Дело в том, что в этих сетях все равно будут те, кто умеет хорошо маневрировать, кто становится в них диспетчерами, продюсерами и вообще руководителями проектов. В сетях можно проиграть. Потому что это очень жесткий мир, это рыночная экономика, доведенная до своего предела.

2. Технологическая революция XXI в. — разрушение барьеров

Мировая экономика кардинально изменится уже в течение ближайших 10–15 лет. Это не прогнозы футурологов, а следствие процессов внедрения новых технологий, которые происходят уже сегодня. Под воздействием мощной волны новой промышленной революции происходит структурная перестройка основ многих отраслей экономики. Она разрушает барьеры между отраслями и границы между поставщиками, производителями и потребителями.

Норберт Шветерс, руководитель практики обслуживания промышленных и торговых предприятий и предприятий сферы услуг компании Pricewaterhouse Coopers, представляя аналитический обзор «Разрушение барьеров», подготовленный экспертами компании, подчеркивает, что «цифровизация всего, „Интернет вещей“, передовая робототехника, искусственный интеллект, машинное обучение, блокчейн и создание новых материалов, а также геномика нового поколения — это примеры технологий, меняющих ту базу, в рамках которой конкурируют и взаимодействуют отрасли. Эти технологии уже преобразуют основы многих отраслей.

Технологический прогресс станет неотъемлемым условием будущей деятельности и изменит экономи-

ку разных секторов. Возможности, открывающиеся благодаря автоматизации, датчикам и подключению к интернету, создают огромный потенциал для повышения эффективности и снижения затрат. Например, энергоэффективность стала важнейшим стратегическим вопросом для компаний практически любого сектора, а новые технологии и данные позволяют осуществлять более эффективное управление и даже переходить на самообеспечение. При этом более широкая трансформация энергетической отрасли, снижение использования угля и рекарбонизация затрагивают все отрасли. Компаниям придется включиться в технологический прогресс, иначе они окажутся на периферии» (<http://www.pwc.ru/ru/publications.html>).

Никогда раньше скорость и масштабы технологической волны, по мнению экспертов PwC, не были столь значительны. Сегодня одновременно начинают применяться множество новых технологий, при этом данный процесс идет невероятными темпами, а революционные преобразования затрагивают практически все отрасли. Время наступления решительного перелома исчисляется годами, а не десятилетиями.

Коренное отличие современного процесса от прежних промышленных революций состоит в том, что они были обусловлены технологическим прогрессом, который сначала затрагивал лишь производство, в то время как нынешние изменения одновременно воздействуют и на потребителей, и на производителей, и на поставщиков.

Другая отличительная особенность современных изменений состоит в том, что предыдущие промышленные революции подстегивали спрос на многие ресурсы, а нынешняя во многом направлена на сокращение ресурсоемкости.

3. Трансформации сферы труда

Новая технологическая революция ведет к тому, что сфера труда будет переживать глобальную трансформацию. Отвечая на этот вызов, Международная организация труда (МОТ) создала глобальную комиссию высокого уровня по вопросам будущего сферы труда.

3.1. МОТ отвечает на вызовы нового века

Советник генерального директора МОТ по вопросам инициативы «Будущее сферы труда» Николя Немчинов считает, что в настоящее время сфера труда переживает большие изменения. По его мнению, этому способствуют демографическое давление, изменение климата, экологические угрозы, новые технологии и цифровизация.

«Есть три основополагающие цели программы МОТ, — уточняет Николая Немчинов:

— Первая — создание лучших практик, преобразующих мир труда.

— Вторая — определение ключевых вопросов государственной политики для решения проблем, связанных с текущими изменениями в отрасли.

— Третья цель — позиционирование МОТ в качестве глобального „парламента труда” и согласование мандата на достижение социальной справедливости с Программой устойчивого развития ООН до 2030 года» (<http://www.ilo.org/moscow/news>).

Руководство МОТ подчеркивает, что при работе глобальной комиссии МОТ важно обеспечить конструктивный диалог для обмена идеями и информацией между участниками и всеми заинтересованными сторонами. В составе глобальной комиссии МОТ, касающейся будущего, объединятся усилия видных теоретиков и практиков всего мира. Комиссия МОТ предполагает представить свой отчет в 2019 г.

Комиссия проведет глубокий анализ будущего сферы труда (что даст аналитическую основу для обеспечения социальной справедливости в XXI в.), сосредоточив усилия на таких вопросах, как связь между трудом и обществом, создание достойных рабочих мест для всех, организация труда и производства и управление сферой труда.

Выступая на церемонии, посвященной созданию глобальной комиссии, Генеральный директор МОТ Гай Райдер (Guy Ryder) подчеркнул: «Исходя из убеждения, что наше будущее не предопределено за нас заранее, крайне важно противостоять этим вызовам. Это будущее, которое мы должны создать сами согласно выбранным нами ценностям и приоритетам и с помощью разработанной и реализуемой нами политики».

Сопредседатели комиссии президент Маврикия Амина Гураб-Факим (Ameenah Gurib-Fakim) и премьер-министр Швеции Стефан Левей (Stefan Lofven) в статье, опубликованной в «Российской газете», так определили основные цели и характер работы комиссии.

«Этот проект носит по-настоящему глобальный характер: для того чтобы выработать подходы к решению будущих проблем на рынке труда, национальные диалоги с участием представителей правительств, работодателей и работников были проведены более чем в 100 странах. Работа нашей комиссии станет также важной частью дальнейших действий по реализации этапной повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Включенная в нее, в частности, цель 8 предусматривает содействие всеохватному

и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Мы убеждены в том, что труд — основа развития человека и общества. При достойном доходе труд может проложить путь к социально-экономическому прогрессу в более широком смысле, к обеспечению благополучия каждого человека, его близких и его окружения.

...вместо того чтобы занимать выжидательную позицию, нам следует серьезно задуматься о будущем сферы труда, к которому мы стремимся, и о том, как его построить».

В марте 2017 г. в Аналитическом центре при Правительстве РФ прошло второе обсуждение Национального доклада Российской Федерации по имплементации инициативы МОТ «Будущее сферы труда».

В своем выступлении заместитель министра труда и социальной защиты населения Л. Ельцова обозначила основные цели и задачи инициативы МОТ «Будущее сферы труда», среди которых — создание высокоэффективных рабочих мест, повышение качества и изменение структуры рабочей силы, построение в России современной национальной системы квалификаций. Также важно обеспечить достойные условия труда на рабочих местах, развивать социальное партнерство и модернизировать на страховых принципах системы социальной защиты работников (пенсионную, социальную и медицинскую), причем без повышения финансовой нагрузки на работодателей.

Участники дискуссии отметили, что в представленный документ необходимо внести корректировки, так как некоторые позиции требуют обсуждений и дополнений. Так, по мнению управляющего директора Управления рынка труда и социального партнерства РСПП Марины Москвиной, в докладе практически не упоминается система пенсионного и медицинского страхования. Эксперт считает, что в докладе важно упомянуть об этих системах социального страхования, указать на их проблемы и вызовы. Кроме того, М. Москвина отметила, что в документе не говорится о риск-ориентированных подходах в сфере охраны труда, поэтому важно дополнить доклад упоминанием о них.

По мнению руководителя Департамента социально-трудовых отношений и социального партнерства ФНПР Олега Соколова, в документе не прописана главная задача отрасли — гуманизация сферы труда в широком смысле, а не в отдельных категориях. «Вся политика должна служить удовлетворению потребностей людей, — считает эксперт. — Поэтому наша задача сделать труд приносящим удовлетворение

всем участникам процесса и дать возможность людям самореализовываться через труд».

Экономические основы будущего сферы труда и занятости эксперты видят в повышении эффективности и производительности труда и совершенствовании систем оплаты, а также в поддержке структурных экономических изменений за счет повышения мобильности рабочей силы и улучшения программ профессиональной подготовки. Также необходимо привести правовую базу сферы труда в соответствие с современными экономическими реалиями.

По мнению участников дискуссии, развитие социальной сферы в эпоху новых информационных технологий возможно при обеспечении финансовой стабильности, персонификации предоставляемых услуг, использовании информационных технологий, продвижении цифровой грамотности, а также улучшении условий жизни для лиц с ограниченными возможностями.

3.2. Рынок труда: сценарии развития

Переход к новому технологическому укладу приведет к глобальным изменениям на рынке труда.

Сотрудники глобального офиса PwC в своем исследовании «Будущее трудовой деятельности: путешествие в 2022 год» постарались дать ответы на вопросы, где мы будем работать в 2022 г. Как привычную рабочую среду изменят информационные технологии, социальные сети, большие данные (Big Data), искусственный интеллект, глобализация, экологические и демографические вызовы и т.д.? В рамках исследования консультанты PwC опросили 10 000 специалистов в Китае, Индии, Германии, США и Великобритании, а также 500 директоров по персоналу, чтобы узнать их мнение о том, как изменится мир труда в ближайшие несколько лет.

Вот основные результаты опроса, проведенного компанией PwC.

Две трети респондентов считают, что мир будущего будет полон возможностей. По их мнению, к 2022 г. врачи научатся проводить бесконтактные операции, находясь в разных странах с пациентом; появятся машины без водителей; в отелях все функции станут выполнять роботы; студенты будут обеспокоены проблемой безработицы; граница между работой и жизнью будет размываться и особое значение приобретет забота о здоровье сотрудников.

Как показал проведенный анализ возможных сценариев развития трудовой деятельности, у участников опроса сформировалось три разных варианта представлений о будущем с условными названиями

«голубой мир», «оранжевый мир» и «зеленый мир» (<http://www.ilo.org/moscow/news>).

В «голубом мире» будут властвовать корпорации, чье влияние будет сравнимо с влиянием государств. Это мир денег, амбиций и безудержной карьеры, мир жестокой войны за таланты, которым будут предлагаться высокое вознаграждение, статус и стабильность. Сотрудничество корпораций с лучшими университетами станет залогом генерации и внедрения инновационных идей. Технологии позволят не только моделировать профили лучших кандидатов с учетом всех необходимых компетенций, но и измерять продуктивность каждого человека. Разрыв между успешными и неуспешными сотрудниками будет расти. В обмен на деньги и карьеру корпорации получают право осуществлять постоянный мониторинг выполнения заданий и поддержания здорового образа жизни сотрудников на работе и вне ее. Роль управления персоналом возрастет — HR-директор будет находиться в центре стратегической и операционной функции управления процессами в компании. HR-профессионалам придется освоить финансовые дисциплины, аналитику и статистику, чтобы правильно оценивать, вознаграждать и мотивировать успешных и амбициозных сотрудников «голубого мира».

В «оранжевом мире» развитие технологий приведет к появлению новых бизнес-моделей, которые позволят небольшим группам успешно конкурировать с гигантскими корпорациями за счет минимизации издержек, инновационности и большей скорости изменений. Но гибкие бизнес-модели означают и карьерную гибкость: работа по бессрочному найму уйдет в прошлое, и профессионалы-контрактники будут свободно перемещаться по миру, не принадлежа корпорациям и делая проекты, которые им интересны. Сотрудники будут лояльны к профессии, а не к конкретному работодателю, возрастет роль и значение профессиональных сетей и сообществ. В «оранжевом мире» роль управления персоналом может сузиться до найма и администрирования контрактов. 40% респондентов выразили уверенность, что традиционный рынок найма уйдет в прошлое, и каждый кандидат будет представлять свой собственный персональный бренд, в связи с чем возрастет важность и значение профессиональных и коммуникативных компетенций.

«Зеленый мир» — это мир социальной ответственности. Участники опроса не исключают, что экологические проблемы и нехватка ресурсов приведут к осознанию социальной ответственности бизнеса. В «зеленом мире» компании будут озабочены решением социальных, этических и экологических вопросов,

а отличительной чертой станет тесное взаимодействие клиентов, поставщиков и общества ради достижения социально значимых целей и сохранения окружающей среды. При этом стремление сохранить окружающую среду будет вызвано не столько внутренним желанием людей, сколько необходимостью разумного и экономного использования ресурсов планеты. В «зеленом мире» функция управления персоналом сконцентрируется вокруг человека. Основными задачами менеджеров по кадрам станут обучение, адаптация и поддержка персонала, создание положительной атмосферы и социально значимого бренда, а также забота о здоровом образе жизни сотрудников. Отделы персонала сосредоточатся на продвижении корпоративных ценностей и соблюдении высоких внутренних этических стандартов. 65% опрошенных желают работать в социально ответственных компаниях.

3.3. Технологическая безработица

Сегодня ученые и эксперты находятся в самом начале дискуссий о технологических и социальных рисках таких технологий, как искусственный интеллект, автономные системы поражения, беспилотные автомобили, клонирование человека, геномная инженерия и другие. Пользуясь выгодами новых технологий, необходимо помнить о минимизации рисков и негативных последствий для общества, включая дегуманизацию человечества, технологическую безработицу и т.д.

Академик РАН С. Ю. Глазьев, анализируя проблемы и риски, которые несет новая технологическая революция, считает, что серьезной социальной угрозой является безработица в связи с роботизацией рабочих мест, автоматизацией управленческих процессов, растущим применением 3D-принтеров. Хотя эта проблема не нова сегодня, она вызывает особое беспокойство (<http://www.vedomostu.ru/management/blogs/2015/08/11/604289-tri-stsenariya-razvitiya-rinka-truda>).

Во-первых, в начале массовой роботизации можно ожидать ощутимый рост безработицы среди рабочих и служащих определенных профессий и специальностей. Но, как показывает почти трехсотлетний опыт промышленного развития, эта угроза частично нейтрализуется другими факторами. Дисбаланс на рынке труда резко обостряется в период смены технологических укладов. В это время экономика погружается в депрессию в связи с прекращением расширения в сложившихся направлениях и сокращением производства и инвестиций в отраслях, обеспечивавших основной рост занятости трудоспособного население.

Это вызывает резкое падение доходов у многих групп трудоспособного населения, значительная часть которых уже никогда не сможет восстановить свое положение. В то же время рост нового технологического уклада обеспечивает спрос на рабочую силу других специальностей, и те высвобождаемые из устаревшего технологического уклада работники, которые желают переквалифицироваться, устраиваются по новой специальности. Государство может существенно смягчить рассасывание диспропорций на рынке труда путем субсидирования программ переквалификации работников и благодаря своевременной перестройке системы образования под спрос на новые профессии.

Во-вторых, роботизация и цифровая революция в целом уже идет, уничтожив сотни миллионов мест в различных отраслях промышленности. С 80-х гг. прошлого века с ростом нового на тот момент информационно-коммуникационного технологического уклада автоматизация производства охватила множество отраслей обрабатывающей промышленности. Гибкие производственные линии сделали ненужным труд миллионов сборщиков, расфасовщиков, станочников. Жесткая автоматизация конвейерных производств высвободила еще миллионы людей, занятых монотонной работой по выполнению простых повторяющихся операций. Прогресс в вычислительной технике ликвидировал миллионы рабочих мест машинисток, перфораторщиц, нормировщиков, проектировщиков, бухгалтеров и специалистов других профессий, связанных с рутинными расчетами по установленным алгоритмам. Десятки миллионов замещаемых автоматикой людей оказались в трудном положении, но социального бедствия, подобного Великой депрессии, когда происходила предыдущая смена технологических укладов, не произошло. Молодежь освоила новые профессии программистов, операторов, наладчиков. Пожилые люди досрочно ушли на пенсию. Многие нашли себя в сфере услуг, быстрое расширение которой стало наиболее заметной стороной роста нового технологического уклада, породив разговоры о переходе к постиндустриальному этапу экономического развития.

В-третьих, для российского рынка труда последствия проводимой экономической политики еще долго будут намного более значимыми, чем последствия цифровой революции. Вследствие резкой деградациии экономики и в связи с ее реформированием были уничтожены целые отрасли промышленности с миллионами высокотехнологических рабочих мест. Наиболее резкому сокращению подверглись

производства современного технологического уклада, обеспечивающие расширение занятости во всем мире. Россия в 90-е гг. была единственной страной в мире, где сокращалось число ученых, инженеров, программистов, операторов, наладчиков и других высококвалифицированных работников. Большинство из них вынуждены были перейти на низкоквалифицированную работу — продавцами и охранниками. При переходе к политике опережающего развития на основе нового технологического уклада российская экономика столкнется с острой нехваткой специалистов инженерного профиля.

В-четвертых, в обозримом будущем спрос на специалистов, необходимых для создания инфраструктуры цифровой экономики, будет намного больше, чем связанное с ее расширением уничтожение рутинных рабочих мест (но только в том случае, если цифровая экономика будет развиваться на отечественной интеллектуально-технологической базе). Если проводимая государством политика в сфере информационных технологий не изменится, и в ее основе будет лежать импорт техники и программного обеспечения, то эффект может оказаться и сильно отрицательным. Высвобождаемые в основном уже из сферы услуг (главным образом — финансового сектора и торговли) «белые воротнички» могут не найти себе новой специальности как из-за отсутствия должной квалификации, так и вследствие заполненности растущих сегментов российского рынка импортной техникой и иностранными специалистами.

Академик С. Глазьев делает вывод, что угрозы резкого роста технологической безработицы вследствие цифровой революции могут быть нейтрализованы продуманной государственной экономической политикой.

Один из ведущих российских ученых в области проблем занятости и рынка труда, член-корреспондент РАН Р. Капелюшников в своей фундаментальной работе, посвященной технологической безработице, приходит к выводу, что «...в долгосрочной перспективе сокращение спроса на труд под действием новых технологий является не более чем теоретической возможностью, которая до сих пор никогда не была реализована на практике». Ученый считает, что «...всплеск технологической безработицы даже в краткосрочной перспективе представляется крайне маловероятным, поскольку по историческим меркам темпы самого технологического прогресса будут в предстоящие десятилетия, по-видимому, недостаточно высокими» (<https://www.glazev.ru/articles/6-ekonomika/54923->

[velikaja-tsfrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-ekonomiki-xxi-veka, 2017](https://www.glazev.ru/articles/6-ekonomika/54923-velikaja-tsfrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-ekonomiki-xxi-veka, 2017)).

3.4. Новые профессии: мнение экспертов

Новые технологии уже сегодня помогают человеку отдыхать, общаться, получать новые знания. Но каким станет мир труда, когда технологии будут вытеснять человека из целых сфер и отраслей, оставляя ему роль пассивного наблюдателя и получателя услуг.

По данным МОТ, около 70% профессий могут сохранить свои названия, но при этом кардинально изменяться внутри.

Дмитрий Судаков из Агентства стратегических инициатив, в котором он является руководителем проекта «Атлас новых профессий», так оценивает сегодняшнюю ситуацию:

«Сегодняшний школьник войдет в экономику лет через пять-семь. Мир существенно изменится за это время. Думая стать менеджером, юристом, экономистом, пиарщиком, школьник ориентируется на успех в сегодняшнем мире. Но в мире будущего понадобятся совершенно другие люди. Обычно люди идут получать высшее образование, опираясь на опыт сегодняшнего дня, а через пять-шесть лет понимают, что это совершенно не то. Есть традиционный опрос: «Если бы у вас был второй шанс, выбрали бы вы ту же самую профессию?» Врачи или архитекторы в основном говорят, что выбрали бы ту же область, но специалисты, ориентированные на карьеру и благополучие, ставшие экономистами и пиарщиками, говорят, что они бы поменяли профессию. Поэтому надо помочь сегодняшним школьникам сделать более осознанный выбор [5].

Национальная технологическая инициатива, которая сейчас разворачивается в России, предлагает «нарисовать» рынки будущего, в которые идут крупные мировые игроки, но конкуренции на этих рынках еще нет. А дальше — начать захватывать эти рынки. Думать о будущем, в котором ты можешь быть конкурентоспособным, — очень важный подход. А пока высокотехнологичных рынков, на которых Россия входит в число ведущих игроков, очень немного.

Какие же профессии могут быть востребованы в будущем? Вот лишь некоторые из них.

Эксперт персонализированной медицины — специалист, анализирующий генетическую карту пациента, разрабатывающий индивидуальные программы его сопровождения (диагностика, профилактика, лечение) и предлагающий соответствующие медицинские продукты.

Консультант по здоровой старости — специалист медико-социальной сферы, разрабатывающий

оптимальные решения для проблем стареющего населения. Такой специалист поможет скорректировать образ жизни, подберет подходящий режим питания и физической активности.

Проектировщик «умной среды» занимается проектированием программно-технологических решений: формированием заданных свойств, подбором композитного материала, определением условий существования среды, интеграцией среды в общее пространство дома/офиса/предприятия. Профессия появится после 2020 г.

Архитектор «энергонулевых» домов — специалист, занимающийся проектированием энергетически автономных домов, полностью обеспечивающих себя необходимой энергией за счет микрогенерации энергии и использования энергосберегающих материалов и конструкций.

Генеральный директор союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров» (Worldskills Россия) Роберт Уразов считает, что в настоящее время есть два супертренда — цифровизация и сетевизация. Через них пройдут все рабочие профессии. А непрошедшие уйдут.

Р. Уразов прогнозирует, что рабочие специальности ждет перевоплощение: они будут совсем другими. Ведь, например, 20 лет назад каменщик вручную клал кирпич, а сейчас он управляет мобильным роботом.

Человечество достаточно быстро приспосабливается к технологическим укладам. С одной стороны, создается новое качество жизни, с другой — рождаются новые виды деятельности (<https://rg.ru/2017/05/10/robert-urazov-vse-professii-projdut-cherez-cifrovizaciiu-i-setevizaciiu.html>).

Какие профессии можно отнести в разряд уходящих?

Бухгалтер. Специальный софт уже сейчас позволяет новичкам довольно быстро справиться с базовыми операциями по аудиту и бухгалтерскому учету. В будущем компьютерные программы смогут полностью заменить людей.

Копирайтер. Компьютерные программы, подключенные к огромным базам данных с текстами, статьями, манифестами, литературными произведениями, способны уже сегодня генерировать тексты заданной литературной формы на любые темы, используя стандартные синтаксические конструкции. Уходит потребность в составителях рутинных текстов.

Лектор. Круг задач преподавателей-«репродукторов» будет меняться благодаря развитию образовательных технологий и изменению запросов студентов — записывание стандартного лекционно-

го курса под диктовку снижает мотивацию к учебе, любую информацию можно найти в сети, а ведущие вузы мира предлагают различные сертификационные бесплатные и платные онлайн-курсы любому желающему. Поэтому лекторы должны давать учащимся уникальный опыт, который по-другому не получить. Со временем лекции будут читать только те, кто-либо обладает уникальными знаниями и опытом либо умеет общаться с аудиторией и способен артистично излагать информацию.

Турагент. Эту профессию уничтожают следующие факторы: люди все чаще предпочитают индивидуальный туризм массовому, а спонтанный отдых — четко спланированному; обилие интернет-сервисов и приложений по подбору трансфера, проживания, планированию досуга позволяет пользователям напрямую, без посредников, организовывать свой отдых. Со временем турагенты останутся только в элитном сегменте, где особой ценностью станет то, что с клиентом по индивидуальному заказу работает реальный человек, а не программа.

Нотариус. Развитие сервисов удаленного доступа для оформления документов и совершения банковских операций с использованием электронной подписи, возможность подключения к базам данных с целью проверки подлинности личности, платежеспособности или несудимости делают функции нотариуса устаревшими. Эта профессия сможет сохраниться только благодаря устаревшим нормам законодательства.

Банковский операционист. Практически все банковские операции переводятся в сеть и максимально приближаются к пользователю, а наличные деньги в значительных объемах выдают банкоматы. В ближайшие 10–15 лет оставшиеся банковские работники будут постепенно переходить на обслуживание только той части населения, которая не смогла приспособиться к новым технологиям.

Переводчик. Развитие программ семантического перевода идет семимильными шагами, и уже сейчас простой технический перевод может быть выполнен автоматически. Эти программы способны переводить как письменную, так и устную речь. Поскольку технология продолжит развиваться, ниша для переводчиков-людей сохранится только для высококвалифицированных специалистов, как правило, занимающихся сложными переводами или работающих в области художественного перевода.

Охранник. Стандарты безопасности будут меняться, и умные автоматизированные системы контроля заменят классические охранные решения. Информация по нескольким объектам будет поступать в единый

диспетчерский пункт, а группы быстрого реагирования смогут разрешать ситуации, с которыми неспособны справиться компьютерные системы. Кроме того, функции охранника может выполнять дрон со встроенной видеокамерой и датчиками движения и тепла.

Динамика изменений на рынке востребованных сегодня и в будущем профессий требует разработки соответствующих справочно-информационных материалов, призванных помочь молодежи, которая ищет работу, и специалистам, желающим ее сменить.

Справочник востребованных профессий, разработанный Минтрудом РФ, Минобрнауки РФ и Агентством стратегических инициатив, появился в открытом доступе в ноябре 2016 г. (сайт trudvsem.ru). В нем 1620 профессий в 36 сферах. Там фигурируют название специальности, описание, требования к образованию и опыту работы и код профстандарта. Ожидается, что новый справочник поможет дополнить список профстандартов и улучшить образовательные программы.

* * *

Готова ли система российского образования к тем переменам, которые диктует новая технологическая революция? Ответ на этот вопрос требует глубокого анализа ситуации.

Именно поэтому уже в ближайшее время необходимо сформировать межведомственную комиссию при Совете по стратегическому развитию и приоритетным

проектам, которая бы не только проанализировала ситуацию, но и разработала дорожную карту модернизации всей национальной системы образования, включая дошкольное, школьное, высшее и послевузовское образование.

Новая модель российского образования должна быть гибкой и использовать весь арсенал современных новейших технологий обучения и лучших педагогических практик.

Межведомственная комиссия должна провести тотальную инвентаризацию всех учебных организаций, выделив наиболее эффективные региональные школы, вузы и послевузовские центры. При этом важно изучить новые формы сотрудничества государственных и бизнес-структур в области подготовки и переобучения персонала разного уровня.

Особое внимание необходимо уделить созданию системы независимой оценки знаний, навыков и потенциала молодежи в системе школьного, среднего технического, и вузовского образования.

Новая модель российского образования диктует необходимость скорейшей разработки долгосрочного прогноза развития российского рынка труда на ближайшие 25–30 лет.

Масштабность, сложность корректировки и перезагрузки всей системы российского образования потребует привлечения к работе ведущих ученых, экспертов и практических работников в этой области.

Литература

1. Барроуз М. Будущее рассекречено. Каким будет мир в 2030 году. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
2. Рыжова П. Сегодня мы работаем на будущее — накапливаем ошибки. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/03/08_a_8105219.shtm.
3. Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
4. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2012.
5. Капельюшников Р.И. Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017.

References

1. Barrouz M. The future is declassified. What will the world be like in 2030? [Budushhee rassekrecheno. Kakim budet mir v 2030 godu]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2015.
2. Ryzhova P. Today we are working for the future — we accumulate mistakes [Segodnja my rabotaem na budushhee — nakaplivaem oshibki]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/03/08_a_8105219.shtm.
3. After 100 years: leading economists predict the future [Cherez 100 let: vedushhie jekonomisty predskazyvajut budushhee]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016.
4. Florida R. The big reboot. How the crisis will change our way of life and the labor market [Bol'shaja perezagruzka. Kak krizis izmenit nash obraz zhizni i rynok truda]. Moscow, Izdatel'skij dom «Klassika-XXI», 2012.
5. Kapeljushnikov R.I. Technological progress is a devourer of jobs? [Tehnologicheskij progress — pozhiratel' rabochih mest?]. Moscow, Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017.

УДК 332.012.2
JEL D63

Неравенство уровней социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

КАЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия
kzn-sv@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется понятие неравенства, утверждается, что неравенство (несовпадение, отличие) объектов типично для природы и общества и существует объективно. Предложен инструментарий количественного выражения уровня неравенства, который использован для оценки неодинакового социально-экономического положения российских регионов. Выполненное исследование показало, что такое неравенство субъектов Российской Федерации имеет давнюю историю и заметно углубилось после 2000 г. Идет поляризация регионов: на одном полюсе растет число относительно более развитых в экономическом плане и относительно благополучных субъектов РФ, на другом — увеличивается количество относительно экономически бедных регионов. Между этими полюсами остается все меньше субъектов Федерации.

Ключевые слова: неравенство; инструментарий оценки; социально-экономические показатели; субъекты Российской Федерации.

Inequalities of Socio-Economic Development of The Subjects of the Russian Federation

KAZANTSEV S.V.,

Doctor of Sciences (Economics), Professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russia Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia
kzn-sv@yandex.ru

Abstract. The notion of inequality is studied in this paper. The author argues that an inequality (a no coincidence, difference, distinction) of objects is typical for the nature and society and exists objectively. He developed some technique for the level of inequality quantitative estimation and applies this technique to assess unequal socio-economic situation in the Russia's regions. The study has shown that such inequality has a long history. It markedly deepened after 2000. There is a polarization of regions: at one pole, one may see a growing number of relatively more developed in economic terms, relatively more wealthy and successful subjects of the Russian Federation, at the other extreme, the number of relatively poor regions is increasing. The number of regions between these poles is decreasing.

Keywords: inequality; assessment tools; socio-economic indicators; the subjects of the Russian Federation.



Понятие неравенства

В определенных условиях (ситуациях) существующие объекты (объектом в работе называется часть реальности, включая процессы, явления, субъектов, институты и деятельность живых организмов) вызывают у живых и мыслящих существ необходимость их познания. В процессе познания люди (часть живых и мыслящих существ) фиксируют изучаемые объекты и результаты их в понятиях, т.е. выражают в понятных им словах и символах. По мере углубления знаний об объекте понятия уточняются: от описательности некоторых сторон объекта переходят к объяснению его природы, строения, содержания, сущности, несоответствия, отличия.

Неравенство — это одна из характеристик отличия, несоответствия объектов, возникающая при их сравнении. Эту характеристику дают с помощью таких слов, как «не равно», «больше», «меньше», «сильнее», «слабее», «длиннее», «короче», «круглый», «квадратный», «плоский», «объемный», «мужской», «женский», «синий», «зеленый» и т.д., а также знаков: «<», «>», «≠» и др.

Понятие неравенства возникает при сравнении объектов, т.е. когда существуют несколько объектов, и они необязательно одинаковы. Множественность объектов и их отличие друг от друга — имманентные свойства окружающего нас мира. Отличие настолько массово и привычно для людей, что не отличие, совпадение, похожесть, подобие приходится специально искать. Так, ищут условия, при которых существуют равенство и равновесие. В равновесии состояние объекта (тела, вещества, величины и т.д.) не меняется, потому что противоположные воздействия на него (силы, процессы, влияния и т.п.) равны, и объект равен самому себе. Одним из отражений относительной редкости равенства является то, что обычно ищут и говорят о **точке** равновесия, т.е. об очень малой величине, которая в геометрии вообще ни имеет размера. И даже когда в человеческом обществе (далее — общество) декларируются равенство всех перед законом, равенство возможностей и некоторые другие виды равенства, они далеко не всегда действительно соблюдаются [1].

Таким образом, говоря о неравенстве, можно утверждать, что оно существует объективно и является массовым.

Второе наблюдаемое и зафиксированное наукой имманентное и неустранимое свойство неравенства в обществе состоит в том, что оно дает возможность и стимулирует успешное развитие одних членов

и групп общества и одновременно таит в себе опасность деградации других участников общественной жизни. Поэтому, изучая неравенство, следует не только определять, в чем оно состоит и между кем (чем) существует, но и устанавливать, кому оно позволяет прогрессировать, а для кого опасно. Это не только сложные и далеко не изученные, но порой не осознанные и не поставленные вопросы, требующие специального исследования.

В обществе социальное, экономическое, политическое, военное, научно-технологическое, культурно-образовательное и другие виды неравенства опасны не только своим существованием, опасность представляет реакция на эти неравенства членов и групп общества. Важную роль в восприятии неравенства и реакции на него играет утвердившееся в сознании людей, живущих в данное время и в данном обществе, понимание справедливости.

Равенство и неравенство — есть оценочные характеристики свойств объектов. Справедливость же равенства или неравенства является оценочным суждением о полученном и зафиксированном различии объектов. То есть неравенство и равенство характеризуют совпадение или различие свойств объектов, справедливость и несправедливость — соотносят равенство и неравенство с некоторой системой норм, ценностей, заповедей, представлений, критериев.

Инструментарий оценки неравенства

Понятие неравенства, как отмечено выше, возникает при сравнении объектов. Пусть в некоторый момент или отрезок времени t ($t = 1, 2, \dots, T$) есть множество объектов, каждый из которых обозначим индексом i ($i = 1, 2, \dots, I(t)$), $I(t) \geq 2$ для всех t . Зададим состояние (термин, обозначающий множество стабильных значений переменных параметров объекта) объекта i в отрезок или момент времени t — $i(t)$ — набором признаков $a_{i,j}(t)$, где $j = 1, 2, \dots, J(i, t)$ — индекс признаков. Признак — та сторона в предмете или явлении, по которой его можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком. В общем случае количество объектов $I(t)$ и число признаков каждого из них $J(i, t)$ могут меняться во времени: одни — появляться, другие — исчезать. Не умаляя общности, положим $I = \max_t \{I(t)\}$, $J = \max_{i,t} \{J(i, t)\}$ и примем $a_{i,j}(t)$ равным нулю, если в момент или отрезок времени t отсутствует либо объект i , либо признак j . Тогда состояние каждого объекта описывается вектором $\{a_{i,1}(t), a_{i,2}(t), a_{i,5}(t), \dots, a_{i,j}(t)\}$,



и все множество объектов можно представить в виде матрицы $A(t) = \{a_{i,j}(t)\}$.

Примем, что все рассматриваемые признаки объекта квантифицируемы, и $a_{i,j}(t)$ — действительные числа. На первый взгляд это кажется довольно сильным допущением. Однако практика показывает, что и качественные показатели сводят к числу либо посредством приписывания им некоторого количественного показателя их значимости (веса), либо их ранжируют, т.е. ставят в соответствие число, обозначающее позицию показателя в их некоторым образом упорядоченном списке, либо используют функцию отображения из аппарата нечетких множеств и т.д. Будем говорить, что объект $i(t)$ не равен объекту $g(t)$ по признаку j , если $a_{i,j}(t) \neq a_{g,j}(t)$. Например, зеленый цвет не равен красному по длине волны: у зеленого она находится в пределах 0,49–0,56 мкм, у красного лежит в диапазоне 0,64–0,77 мкм (1 мкм = 1/1000 мм).

Довольно часто в научных исследованиях и в практической работе несовпадающие объекты разделяют на группы. Используем следующий способ отнесения объектов к группам, упорядоченным по величине заданного признака [2].

1. Ранжируем объекты в порядке убывания или возрастания значения некоторого признака h :

$$\{a_h(t)\} = a_{1,h}(t) > a_{2,h}(t) > \dots > a_{c,h}(t) > \dots > a_{l,h}(t) \quad (1)$$

или

$$\{a_h(t)\} = a_{1,h}(t) < a_{2,h}(t) < \dots < a_{c,h}(t) < \dots < a_{l,h}(t). \quad (2)$$

2. Выбираем лучший по каким-то критериям элемент совокупности $\{a_h(t)\}$. Обозначим его $c_h(t)$.

3. Нормируем признаки:

$$u_{i,h}(t) = [a_{i,h}(t) - c_h(t)] / [c_h(t) - a_h(t)], \quad (3)$$

для всех $a_{i,h}(t) \leq c_h(t)$ и всех i, h, t ,

где $a_h(t) = \min_i \{a_{i,h}(t)\}$.

$$u_{i,h}(t) = [a_{i,h}(t) - c_h(t)] / [A_h(t) - c_h(t)], \quad (4)$$

для всех $a_{i,h}(t) > c_h(t)$ и всех i, h, t ,

где $A_h(t) = \max_i \{a_{i,h}(t)\}$.

Величины $u_{i,h}(t)$ меняются в интервале от «-1» (при $a_{i,h}(t) = a_h(t)$) до «+1» (при $a_{i,h}(t) = A_h(t)$). Величина нормирования лучшего по каким-то критериям элемента $c_h(t)$ равна нулю. Величина отклонения значения нормированного показателя от нуля го-

ворит об удаленности рассматриваемого признака от его лучшего значения. Отрезок $[-1, 1]$ можно делить на интервалы и разделять объекты на группы в соответствии с попаданием величины $u_{i,h}(t)$ в тот или иной интервал. Пример возможного построения интервалов дан в *табл. 1*.

Довольно распространенными являются ситуации, когда в качестве лучшего значения признака принимают наибольшую либо наименьшую величину этого признака. Для этих частных случаев предложенного выше способа отнесения объектов к разным группам нормирование упрощается:

$$u_{i,h}(t) = [a_{i,h}(t) - a_h(t)] / [A_h(t) - a_i(t)], \quad (5)$$

для всех i, h, t .

Здесь $A_h(t)$ — наилучшее значение признака h объектов i в момент (или отрезок) времени t ; $a_h(t)$ — наихудшее значение этого признака.

Величина $u_{i,h}(t)$ меняется в интервале от единицы (при $a_{i,h}(t) = A_h(t)$) до нуля (при $a_{i,h}(t) = a_h(t)$). Отклонение величины нормированного показателя от единицы говорит об удаленности величины рассматриваемого признака от его лучшего значения.

Примеры возможного деления отрезка $[0, 1]$ на четыре интервала даны в *табл. 2*.

Границы двустороннего неравенства, внутри которых находится рассматриваемый показатель, — меньше с одной стороны, больше с другой ($a(t) < x_i(t) < b(t)$) — в общем случае могут меняться во времени. Логически мыслимы четыре варианта поведения границ во времени.

I. Границы не меняются: $a(t) = a, b(t) = b$ для всех t . Это ситуация неизменности (устойчивости) интервала, в котором заключены исследуемые величины $x_i(t), i \geq 1$.

II. Границы расходятся: $a(t) > a(t+1), b(t) < b(t+1)$ для некоторого множества $t (t \in \Omega)$. Эта ситуация расширения границ, в которых могут меняться значения показателей, таит в себе опасность того, что система, элементами которой являются данные показатели, потеряет устойчивость, пойдет, как говорят, вразнос.

III. Границы сближаются: $a(t) < a(t+1), b(t) > b(t+1)$ для некоторого множества $t (t \in \Omega_1)$ и $a(t) < b(t)$ для всех t . В этом случае диапазон изменения величин рассматриваемого параметра сужается, разброс заключенных в нем величин уменьшается.

IV. Границы попеременно расширяются и сужаются — пульсируют.



Таблица 1

Четыре группы разделения объектов по нормированной величине некоторого признака

Значение признака	Характеристика группы
$[-1-0,5)$	Объекты с худшими значениями признака (смещение влево)
$[-0,5-0,25)$	Объекты со значениями признака, близкими к худшему (смещение влево)
$[-0,25-0,25]$	Объекты со значениями признака, близкими к лучшему
$(0,25-0,5]$	Объекты со значениями признака, близкими к худшему (смещение вправо)
$(0,5-1]$	Объекты с худшими значениями признака (смещение вправо)

Таблица 2

Пример разделения объектов группы

Значение признака	Характеристика группы	Название группы
$[0-0,25)$	Объекты с лучшими значениями признака	Зеленая
$[0,25-0,5)$	Объекты со значениями признака ближе к лучшему	Желтая
$[0,5-0,75)$	Объекты со значениями признака ближе к худшему	Оранжевая
$[0,75-1]$	Объекты с худшими значениями признака	Красная

Примечание: квадратные скобки обозначают закрытый, а круглые – открытый интервал.

В статистике можно найти экономические показатели, динамика значений которых в некоторые отрезки времени соответствует одному из названных вариантов: величина показателя остается неизменной, увеличивается, уменьшается, меняется циклически.

Удовлетворяющие двустороннему неравенству значения показателей могут, вообще говоря, вести себя в соответствии с одним из следующих сценариев.

1. Оставаться неизменными.
2. Сближаться к середине неравенства.
3. Расходиться к границам неравенства.
4. Смещаться к левой границе неравенства.
5. Смещаться к правой границе неравенства.

6. Поочередно на некоторое время принимать одно из названных выше положений.

Используем описанный инструментарий и вышеперечисленные варианты изменения границ и значений параметров для оценки динамики социально-экономического неравенства субъектов Российской Федерации в 2000–2015 гг.

Группы регионов по уровню экономического развития

Неравномерное социально-экономическое и культурное развитие российских регионов, не-

равенство их экономических потенциалов, финансовых возможностей, природных ресурсов и природно-климатических условий, разная удаленность от столицы и неодинаковая транспортная доступность неизбежно порождают неравные условия жизни и неравенство возможностей жителей разных регионов.

Огромное неравенство уровней экономического развития субъектов Российской Федерации иллюстрируют табл. 3–4 и рис. 1–3. Для каждого из девяти макропоказателей на них показаны доли, приходящиеся на две группы субъектов РФ, в общей величине данного показателя для страны в целом. У первой группы регионов (субъектов РФ) – первые 10 – значения рассматриваемых показателей максимальны, у второй (последние 10) – минимальны. Для каждого из изучаемых показателей как в первую, так и во вторую группу могут входить разные субъекты РФ. По всем девяти макропоказателям в первую группу регионов вошли только Москва, Республика Татарстан и Санкт-Петербург.

Приведенные выше данные официальной статистики показывают, что на десять субъектов РФ в 2014–2015 гг. приходилось свыше 46% общего по стране объема инвестиций в основной капитал, денежных доходов населения, доходов консолиди-



Таблица 3

Доля макропоказателей групп субъектов Российской Федерации с лучшими (первые 10) и худшими (последние 10) значениями показателей в совокупной величине показателей РФ в 2014–2015 гг., %

Показатель	Первые 10		Последние 10
	Всего	В том числе: Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург	
Численность населения	37,1	14,8	2,0*
Среднегодовая численность занятых в экономике	37,7	16,5	1,6*
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками	74,2	45,3	0,2*
Инвестиции в основной капитал	46,2	19,6	1,3
Денежные доходы населения	47,1	23,9	1,5*
Валовой региональный продукт	51,8	29,2	1,1*
Объем экспорта	74,5	54,4	0,03
Объем импорта	77,2	56,1	1,8
Доходы консолидированного бюджета	46,3	25,7	2,2
Расходы консолидированного бюджета	44,3	23,7	2,3

Примечание: * – в 2014 г.

Источник: все нижеприводимые таблицы рассчитаны автором по данным Росстата за 1995–2015 гг. URL: <http://www.gks.ru>.

Таблица 4

Отношение величины суммарных значений макропоказателей первых 10 регионов к величине суммарных значений этих показателей последних 10 регионов в 1995 и 2015 гг., раз

Показатель	1995	2015
Численность населения	17,4	18,5**
Среднегодовая численность занятых в экономике	23,6	23,8**
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками	568,4	309,4**
Инвестиции в основной капитал	68,0*	36,7
Денежные доходы населения	40,0	31,9**
Валовой региональный продукт	39,1	47,6
Объем экспорта	522,3*	1228,8
Объем импорта	331,3*	486,7
Доходы консолидированного бюджета	27,8	21,2
Расходы консолидированного бюджета	21,2	19,5

Примечание: * – в 2000 г.; ** – в 2014 г.

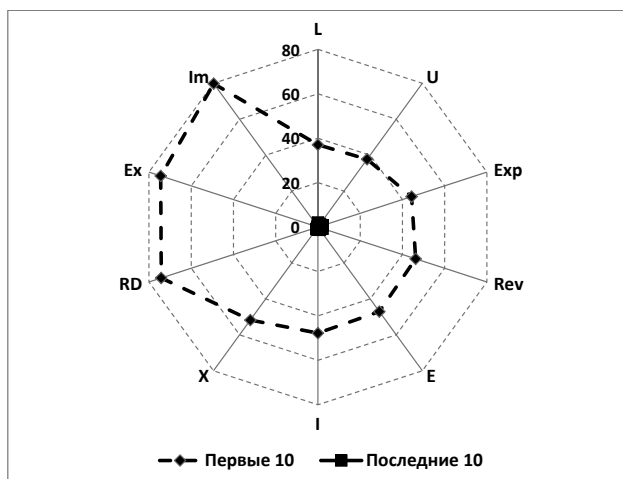


Рис. 1. Доли значений показателей групп субъектов РФ с лучшими (первые 10) и худшими (последние 10) индикаторами в величине показателя для РФ в целом в 2014–2015 гг., %

Примечание: L – численность населения; U – среднегодовая численность занятых в экономике; Exp – расходы консолидированного бюджета; Rev – доходы консолидированного бюджета; E – денежные доходы населения; I – объем инвестиций в основной капитал; X – валовой региональный продукт; RD – численность персонала, занятого исследованиями и разработкам; Ex – объем экспорта; Im – объем импорта.

Источник: построено автором по результатам обработки данных Росстата за 2010–2015 гг. URL: <http://www.gks.ru>.

рованного бюджета. Они сосредоточили на своей территории более 74% всего персонала, занятого в России исследованиями и разработками, общего объема экспорта и импорта Российской Федерации. И это при чуть менее 38% общей среднегодовой численности занятых в экономике.

При этом существенное неравенство значений исследуемых макропоказателей в 2014–2015 гг. наблюдается как у десяти регионов с лучшими значениями показателей, так и в группе из десяти субъектов РФ с худшими значениями рассматриваемых показателей (рис. 2, 3).

Интегральная оценка неравенства экономического развития российских регионов

По предложенной автором методике [3] для каждого субъекта Российской Федерации (81 регион в 2000 г. и 82 — в 2014 г.) значения десяти исследуемых макропоказателей были пересчитаны в один обобщающий индикатор (метрику). В рассматриваемый период интервал его изменения практически не изменился (табл. 5).

По значениям полученных метрик рассматриваемые регионы с помощью описанных выше выра-

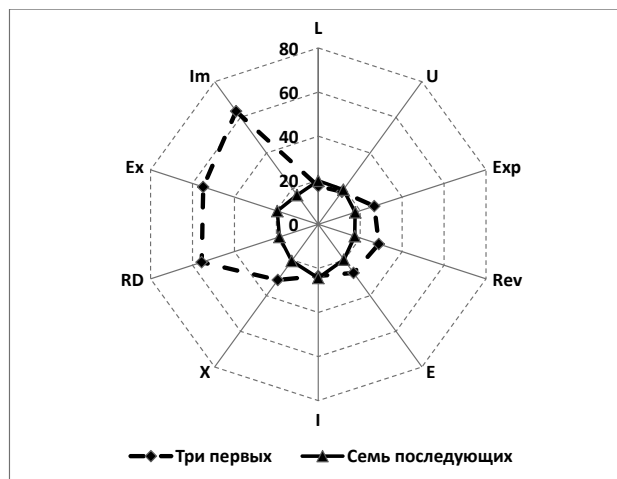


Рис. 2. Доли значений показателей групп субъектов РФ: три первых и семь последующих регионов с лучшими значениями индикаторов в величине показателя для РФ в целом в 2014–2015 гг., %

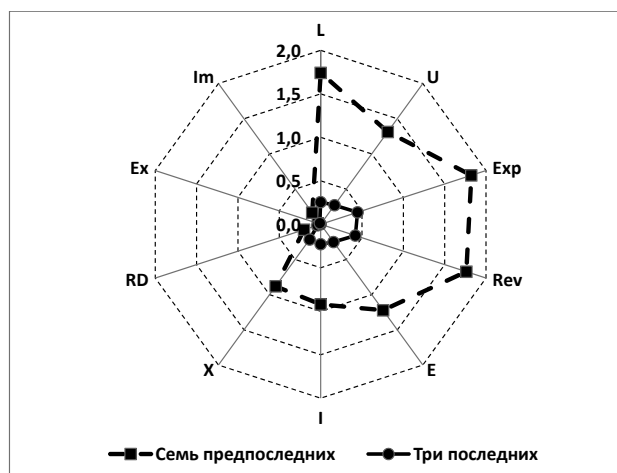


Рис. 3. Доли значений показателей групп субъектов РФ: три и семь регионов с худшими значениями индикаторов в величине показателя для РФ в целом в 2014–2015 гг., %

жений (1) и (5) были, как показано в табл. 2, вариант 1, разделены на четыре группы: зеленую (метрика находится в интервале [0–0,25)), желтую ([0,25–0,5)), оранжевую ([0,5–0,75)) и красную [0,75–1]). Напомним, что чем лучше значения показателей, тем величина метрики ближе к нулю. Результаты группировки (рис. 4) показывают углубление поляризации субъектов Российской Федерации по исследуемому набору макропоказателей.

Доля регионов с низкими значениями этих показателей не только огромна, но и выросла в 2014 г. по сравнению с 2000 г. на 7,7 процентных пункта (п.п.). Одновременно на 1,3 п.п. уменьшилась доля

Таблица 5

Лучшее и худшее значение интегрального показателя долей десяти макроиндикаторов субъектов РФ в величине этих показателей по РФ в 2000 и 2014 гг., ед.

Год	Значение интегрального показателя		Полуразмах значений
	лучшее	худшее	
2000	0,000	3,157	1,579
2014	0,000	3,155	1,578

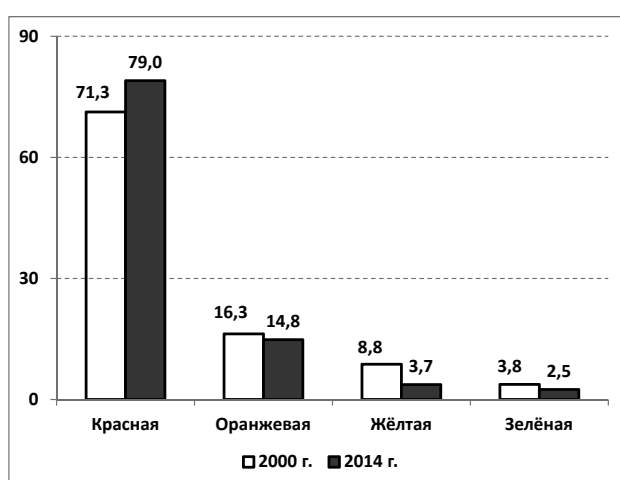


Рис. 4. Доля регионов, оказавшихся в одной из четырех групп интервалов изменения обобщающего показателя в 2000 и 2014 гг. (расчет по макропоказателям), %

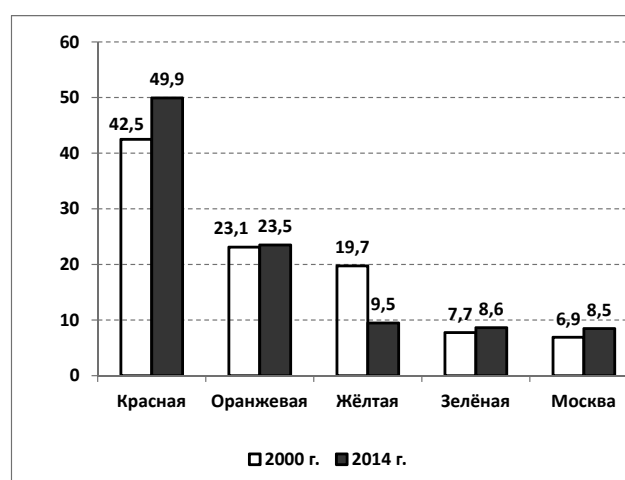


Рис. 5. Доли численности населения, проживающего в разных группах субъектов РФ, в общей численности населения России в 2000 и 2014 гг., (расчет по 10 макропоказателям), %

субъектов РФ, имеющих хорошие значения рассматриваемых показателей. Отметим, что произошло не только смещение в красную зону, но и резкое уменьшение доли регионов с относительно высокими значениями показателей (желтая зона), и сокращение серединной группы субъектов РФ (оранжевая и желтая зоны). Их удельный вес в общем числе регионов снизился с 25,0% в 2000 г. до 18,5% в 2014 г. Все это указывает на то, что с 2000 по 2014 г. неравенство российских регионов, оцененное по десяти рассматриваемым макропоказателям, заметно усилилось, субъектов РФ с относительно низкими значениями показателей стало больше, с высокими — меньше.

Вместе с увеличением поляризации субъектов РФ по уровням рассматриваемых макропоказателей в 2001–2014 гг. выросла поляризация регионов по

численности их населения (рис. 5). На 7,4 п.п. увеличилась доля населения регионов с наихудшими значениями показателей и на 2,3 п.п. субъектов Федерации с наилучшими величинами показателей (в том числе в Москве — на 1,6 п.п.).

Общемировой тенденцией является переселение населения из менее благополучных регионов в более благополучные. Увеличение же доли населения, проживающего в субъектах РФ с относительно низкими значениями экономических макропоказателей можно объяснить ростом числа регионов с такими показателями и низкой мобильностью населения.

Общемировой тенденцией является переселение населения из менее благополучных регионов в более благополучные. Увеличение же доли населения, проживающего в субъектах РФ с относительно низкими значениями экономических макропоказателей можно объяснить ростом числа регионов с такими показателями и низкой мобильностью населения.

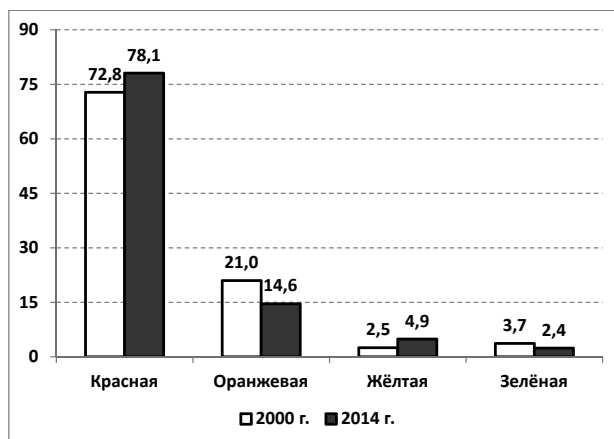


Рис. 6. Доли регионов, оказавшихся в одной из четырех групп интервалов изменения обобщающего показателя в 2000 и 2014 гг. (расчет по удельным показателям), %

Расчеты интегрального индикатора восьми приходящихся на душу населения (удельных) показателей — валового регионального продукта, денежных доходов населения, доходов и расходов консолидированного бюджета, объема инвестиций в основной капитал, численности персонала, занятого исследованиями и разработками, объемов экспорта и импорта — дали аналогичные результаты (рис. 6, 7).

Известно, что в общем случае уровень и качество жизни населения выше в регионах с более высокими среднедушевыми показателями валового регионального продукта, денежными доходами населения, доходами и расходами консолидированного бюджета, объемами инвестиций в основной капитал,

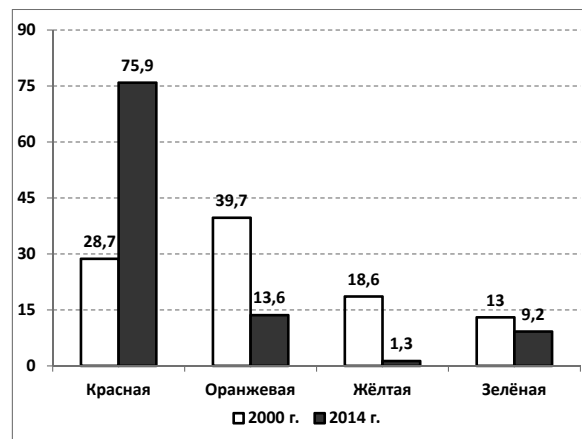


Рис. 7. Доли численности населения, проживающего в разных группах субъектов РФ, в общей численности населения России в 2000 и 2014 гг. (расчет по удельным показателям), %

численностью персонала, занятого исследованиями и разработками, объемами экспорта и импорта.

Поэтому показанное на рис. 6 и 7 углубление поляризации субъектов РФ дает основание полагать, что в 2001–2014 гг. неравенство уровней и качества жизни населения регионов России значительно увеличилось. Неслучайно региональный аспект социального расслоения российского населения отмечен в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год: «Остается существенным разрыв в доходах между наиболее благополучными и наиболее бедными субъектами Российской Федерации, социальное расслоение носит ярко выраженный региональный аспект» [1, с. 16].

Литература

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 60. С. 16–27.
2. Блам Ю.Ш., Бабенко Т.И., Казанцев С.В. и др. Угрозы и защищенность экономики России: опыт оценки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016.
3. Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014.

References

1. The report of the Commissioner for human rights in the Russian Federation [Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2015 god]. *Rossijskaya gazeta. Federal'nyj vypusk — The Russian newspaper. The Federal issue*. 2016, no. 60, pp. 16–27 (In Russ.).
2. Blam Yu. Sh., Babenko T. I., Kazantsev S. V. Threats and security of the Russian economy: experience of estimation [Ugrozy i zashhishhen-nost' jekonomiki Rossii: opyt ocenki]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 2016. (In Russ.).
3. Kazantsev S. V. Protection of economy of Russia's regions [Zashhishhennost' jekonomiki regionov Rossii]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 2014 (In Russ.).



УДК 336.02;338.12
JEL E47, E52

Упреждающая эконометрическая диагностика: в поисках новой парадигмы*

ЕКИМОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
n.ekimova@bk.ru

Аннотация. В статье проведен анализ существующих методов оценки эффективности денежно-кредитной политики и моделей упреждающей диагностики экономического роста, который позволил выявить их общие методологические и технические недостатки. Показано, что к числу первых относится тот факт, что многофакторность монетарной политики и процесса экономического роста требует особой процедуры отбора тех монетарных показателей, которые выступают в качестве реальных драйверов роста, в то время как сегодня такие показатели хаотично собираются из имеющейся банковской статистики. Тем самым деятельность центральных монетарных институтов моделируется без акцентированной опоры на современную институциональную теорию. К числу технических недостатков можно отнести использование в моделях поквартальной статистики, провоцирующей серьезные разрывы и перепады в показателях внутри года, а также тот факт, что в большинстве существующих упреждающих моделей используются лаги в 2–4 месяца, что позволяет говорить об эффекте упреждения лишь с определенной степенью условности. Указывается необходимость разработки и использования более совершенных упреждающих индикаторов и моделей.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; макрорегулятор; опережающие индикаторы; эконометрическая диагностика.

Leading Econometric Diagnostics: in Search of New Paradigm

EKIMOVA N.A.,

PhD of Economics, Associate Professor, leading researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia
n.ekimova@bk.ru

Abstract. The analysis of existing methods of assessing the effectiveness of monetary policy and models for predictive diagnostics of economic growth, which allowed us to reveal their shared methodological and technical disadvantages was carried out in the article. It is shown that the methodological disadvantages include the fact that the complexity of monetary policy and the process of economic growth requires a special procedure for the selection of those monetary indicators, which serve as real drivers of growth, while today these figures randomly collected from available banking statistics. So, the activity of the central monetary institutions is modeled without reliance on modern institutional theory. Technical disadvantages include the

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Правительства РФ Финансовому университету на 2107 г. (проект № АААА-А17-117060110148-8).



use of models quarterly statistics, provoking serious gaps and differences in performance within year, as well as the fact that most existing proactive models use lags of 2–4 months, which allows you to talk about the effect of pre-emption only with a certain degree of conditionality. In the article the need for the development and use of more advanced pre-emptive indicators and models are shown.

Keywords: monetary policy; macroregulator; leading indicators; econometric diagnostics.

1. Введение. В последние годы роль Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) в осуществлении монетарной политики значительно возросла, фактически превратив его из макро- в мегарегулятора. Традиционное понятие «регулятор» (или «макрорегулятор») обозначает орган исполнительной власти, который направляет развитие национального хозяйства (или его отдельных сегментов). Как правило, макрорегулятор имеет широкое, но ограниченное поле деятельности и объект регулирования, тогда как мегарегулятор обладает расширенными полномочиями в части управления объекта регулирования, а также чрезвычайно обширным самим объектом регулирования. Напомним, что на сегодняшний день мегарегулятором в России является только Центральный банк РФ.

Данная трансформация началась в 2012 г., когда первый заместитель председателя Правительства РФ И.И. Шувалов выступил с идеей создания регулятора финансовых рынков на базе Банка России. Проект предполагал, что укрупненная Федеральная служба по финансовым рынкам, ведущая надзор за рынком ценных бумаг и страховыми компаниями, волеется в структуру Банка России (БР). Концепцию создания мегарегулятора одобрил президент России В.В. Путин, в 2013 г. законодательные органы приняли Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков», и с 1 сентября 2013 г. Банку России перешли функции упраздненной Федеральной службы по финансовым рынкам, превратив его в единый регулятор финансового сектора.

В 2017 г. Банк России получил возможность непосредственного участия в санации банков. Для этого был создан подконтрольный БР Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС). В законе о банкротстве было прописано, что «прекращение обязательств банка» перед топ-менеджерами и бенефициарами является одним из условий внесения фондом денег в уставный капитал банка. Тем самым полномочия ЦБ РФ возросли еще больше, что позволяет гово-

рить о том, что в стране окончательно сложился и действует полноценный мегарегулятор.

Вместе с тем названные нововведения в отношении полномочий БР вызывают вопросы об эффективности их применения. Например, не вполне ясно, что происходит в монетарной сфере страны — ситуация в ней в целом улучшается или ухудшается? Как могут сказаться действия БР на экономическом росте? Не грозят ли стране новые экономические потрясения?

Сегодня имеется огромный арсенал аналитических средств, способных в той или иной степени ответить на поставленные вопросы. Однако за все время развития кредитной сферы и экономической теории так и не обозначились общепризнанные методы и подходы для ответов на поставленные вопросы. Условно их можно разделить на две группы. Первая представляет собой индикативные показатели упреждающей диагностики, т.е. набор показателей, анализ и мониторинг которых позволяет предсказывать возможные наступления кризисных ситуаций в экономике. Вторая группа ориентирована на построение упреждающей эконометрической диагностики, т.е. установление взаимосвязи между финансовыми показателями, с одной стороны, и темпами экономического роста и макроэкономической стабильностью, с другой. Именно вторая группа методов и подходов упреждающей диагностики является предметом рассмотрения данной статьи.

2. Зарубежная практика построения эконометрических моделей опережающей оценки эффективности денежно-кредитной политики (ДКП). Данная практика берет свое начало в 1969 г., когда американский экономист Реймонд Голдсмит установил наличие положительной корреляции между развитием финансовой системы и экономическим ростом [1]. Изучив данные по банковскому сектору 35 стран в период между 1860 и 1963 гг., он показал, что более высокие темпы роста экономики сопровождаются более высокими темпами финансового развития. Однако исследование причинно-следственной связи между этими показателями Голдсмитом проведено не было [2].



Полноценные исследования причинно-следственной связи между показателями развития финансового рынка и экономическим ростом начались в начале 90-х гг., когда Р. Кинг и Р. Левин, исследовав 77 стран за период 1960–1989 гг., попытались ответить на вопрос о том, может ли уровень финансового развития определять будущие темпы экономического роста, накопления капитала и производительности труда [3]. Среди показателей финансового развития были исследованы такие факторы, как: финансовая глубина (отношение ликвидных пассивов кредитных институтов к ВВП), доля частных банков в кредитах, доля кредитов частному бизнесу в общей сумме кредитов, доля кредитов частным предприятиям в ВВП. В качестве выходных показателей рассматривались темпы роста ВВП на душу населения, темпы роста производительности труда, темпы роста основного капитала на душу населения [2]. В результате проведения корреляционно-регрессионного анализа было установлено, что показатели финансового развития являются предикторами экономического роста.

Несколько позже, в 1998 г., Р. Левин совместно с С. Зервос продолжили начатое ранее исследование и показали, что уровень ликвидности рынка акций также является показателем, по которому можно прогнозировать экономический рост [4].

Исследования, проведенные в последующие годы, неоднократно подтверждали сделанные ранее выводы о влиянии финансового развития на экономический рост [5–7]. Однако в более поздних работах показано, что при достижении некоего порога уровень развития финансового сектора оказывается чрезмерным и, в свою очередь, приводит к негативным экономическим эффектам [8]. Например, для показателя «отношение кредита к ВВП» такое пороговое значение составляет 80–100% [6].

3. Российский опыт предупреждающей эконометрической диагностики. Немалый вклад в изучение воздействия финансового развития на экономический рост внесли и российские исследователи. Так, в своей работе авторы исследовали влияние таких показателей финансовой глубины, как внутренний кредитный рынок (отношение банковских кредитов частному сектору к ВВП), внутренний рынок корпоративных облигаций (отношение объема внутренних корпоративных облигаций к ВВП) и рынок внешних корпоративных заимствований (отношение объема внешнего корпоративного долга к ВВП) на темпы экономического роста и макроэко-

номическую стабильность. Полученные результаты позволили сделать вывод, что влияние глубины каждого из рассматриваемых сегментов финансового сектора на рост может быть описано перевернутой U-образной кривой, а их влияние на стабильность — прямой параболической зависимостью. Кроме того, была определена оптимальная глубина рассматриваемых сегментов: для кредитного рынка — 96% ВВП, для рынка корпоративных облигаций — 22% ВВП, для рынка внешних корпоративных заимствований — 15% ВВП [9].

Еще одна методика определения зависимости макроэкономических показателей от инструментов ДКП предложена Г. Тарасовой и Т. Энхтуяа [10]. Согласно предлагаемой методике зависимость устанавливается последовательно в два этапа. На первом этапе определяется оценка влияния инструментов ДКП на уровень инфляции, снижение которой, по мнению авторов, является промежуточной целью проводимой Центральным банком ДКП. Для выявления монетарных инструментов, наиболее сильно влияющих на уровень инфляции, авторами проведен корреляционно-регрессионный анализ, который показал, что наиболее значимое влияние на уровень инфляции в России оказывают следующие показатели: ставка рефинансирования, норма обязательных резервов, курс доллара США к рублю (с лагом в 7 месяцев). Полученная зависимость имеет вид (1):

$$Y = 3,079 - 0,041X_1 - 0,158X_2 - 0,055X_3, \quad (1)$$

где Y — уровень инфляции; X_1 — ставка рефинансирования; X_2 — ставка обязательных резервов; X_3 — курс доллара США к рублю (с 7-месячным лагом) [10].

Задачей второго этапа методики является проведение корреляционно-регрессионного анализа между показателями ВВП и уровнем инфляции, а также показателями уровня безработицы и уровня инфляции, результатом которого является построение эконометрической зависимости между указанными показателями.

Согласно полученным авторами результатам, ВВП в России на 13,8% определяется уровнем инфляции и со снижением последней на 1% увеличивается в среднем на 10,87 млрд руб. Связь между уровнем безработицы и уровнем инфляции в России менее значима: со снижением инфляции на 1% уровень безработицы увеличивается в среднем на 0,0014%.



К достоинствам данной методики можно отнести возможность выявления монетарных инструментов, оказывающих наибольшее воздействие на макроэкономические показатели, и их последующей корректировки с целью влияния на экономику. Тем не менее в работе рассмотрен достаточно узкий спектр показателей ДКП, что не позволяет всесторонне оценить влияние монетарных инструментов на экономический рост в стране.

4. Использование упреждающей эконометрической диагностики при проведении денежно-кредитной политики (опыт Казахстана).

Квартальная прогностическая модель (КПМ), позволяющая оценивать экономические взаимосвязи и прогнозировать динамику макроэкономических показателей на среднесрочную перспективу, широко применяется в работе Национального банка Республики Казахстан (НБРК) [11]. Данная модель включает в себя систему уравнений, все компоненты которых (за исключением инфляции) рассматриваются в виде отклонений от своих потенциальных значений. В модели предусмотрены три блока, формирующие основные процессы в экономике Казахстана: инфляция, образование ВВП, монетарная политика. При этом каждый блок описывается группой уравнений. Более того, в каждом уравнении содержится переменная, отражающая шоки, которые не учитываются объясняющими переменными. Например, в модели учитывается шок предложения на мясо птицы в конце 2016 г., который был вызван вспышкой сальмонеллеза в Карагандинской области. Для понимания КПМ и ее характеристик в отношении взаимосвязей между основными макроэкономическими переменными используется технология импульсных откликов, когда проверяется реакция основных макроэкономических показателей на возможные внутренние и внешние шоки, способные повлиять на экономическую ситуацию в стране. В результате формируется некая разновидность макроэкономической модели с монетарными инструментами. В этом случае решение по корректировке монетарных инструментов принимается на основе прогнозных и ожидаемых значений переменных модели на 4 квартала вперед. Тем самым упреждающим эффектом обладает реальная экономика по отношению к ДКП.

Особый интерес представляет опыт Казахстана в отношении построения и использования ежемесячного опережающего индикатора делового цикла в ДКП Национального банка страны [12]. Дело в том, что в международной практике нашли широкое

применение месячные индикаторы, описывающие конъюнктуру реального сектора экономики. Самым популярным и известным среди них является американский *Индекс деловой активности* (ИДА) (Purchasing Managers' Index — PMI). Аналогичный инструмент имеется в Японии — *Tankan*, который ежеквартально рассчитывается и публикуется центральным банком Японии. Расчет индикатора строится на базе опроса порядка 11 тыс. предприятий по следующим экономическим показателям: условия ведения бизнеса, производство и сбыт, спрос и предложение, уровень цен, доходы, прямые инвестиции, занятость, налоговые условия. Индекс *Tankan* используется для прогнозирования объемов промышленного производства, индекса цен производителей, объема заказов предприятий промышленности, уровня занятости в промышленности и является официально объявленным ориентиром в принятии решений, касающихся ДКП.

С 2000 г. НБРК проводит ежеквартальный мониторинг предприятий реального сектора экономики. В 2016 г. НБРК начал также проводить ежемесячные обследования реального сектора и рассчитывать индикаторы деловой активности. Использование подобных индикаторов позволяет заранее определить поворотные точки деловой активности. Также результаты опережающих показателей могут быть использованы в качестве объясняющих факторов при прогнозировании и моделировании краткосрочного экономического индикатора (прокси показатель деловой активности) Казахстана. В частности, ИДА Казахстана встраиваются с определенным лагом в более общую эконометрическую модель роста, позволяя тем самым предсказывать реальные экономические агрегаты и учитывать данный факт при разработке ДКП.

Непосредственным развитием методологии оценки ИДА является ведущаяся во многих странах работа по построению так называемых *композиционных опережающих индикаторов* (КОИ). В этом же направлении идет Казахстан, где НБРК внедрил методику построения КОИ на основе конъюнктурных опросов предприятий реального сектора экономики с 2005 по 2016 г. Данный обобщенный индекс является индикатором изменения бизнес-условий и представляет собой простой и полезный инструмент для анализа текущего состояния экономики, текущей фазы экономического бизнес-цикла и прогнозирования динамики экономического развития в краткосрочной перспективе, в том числе путем встраивания в модели экономического роста [13].



5. Макропруденциальное регулирование.

На основе описанной выше практики упреждающего эконометрического диагностирования сегодня активно применяется так называемая *макропруденциальная политика*, под которой понимается использование пруденциальных инструментов для снижения системного риска в финансовом секторе, в частности ограничения формирования «пузырей» на финансовых и кредитных рынках. Конечной целью этой политики является стабилизация экономических колебаний, поскольку формирование «пузырей» часто ведет к перегреву экономики, а этапы «схлопывания пузырей» сопровождаются экономическим спадом и длительным периодом пониженных темпов роста (http://www.cbr.ru/Content/Document/File/16743/analytic_note_170808.pdf).

Достаточно большой аналитический опыт накоплен ЦБ РФ совместно с Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) в рамках решения задач макропруденциального регулирования. Так, опыт глобального кризиса 2007–2009 гг. показал, что чрезмерное (существенно опережающее развитие «реальной» экономики) увеличение глубины финансового сектора может таить в себе и определенные опасности: образование «пузырей», систематическую недооценку рисков, повышение хрупкости финансовой системы, ее уязвимости к шокам. Обусловленная этим финансовая нестабильность оказывает негативное воздействие на экономическую активность. Согласно различным исследованиям пороговый уровень отношения кредита частному сектору к ВВП, после прохождения которого реализуются негативные макроэкономические эффекты, находится в интервале 90–100% [14]. В связи с этим в ЦБ РФ и в ЦМАКП продолжается изучение нелинейного воздействия финансового развития на макроэкономическую ситуацию, для чего строятся специальные модели, в которых точкой оптимума для финансового рынка считается такое значение глубины его сегмента, при котором достигается максимально возможное значение «целевой функции регулятора». В свою очередь, под последней понимается разница нормированных модельных величин темпов прироста ВВП и волатильности темпов прироста ВВП. Так, расчеты показывают, что с 2011 г. страны БРИКС превосходят Россию по глубине внутреннего рынка банковского кредита частному сектору. При этом Индия и Бразилия еще не достигли точки оптимума, но находятся к ней ближе, чем Россия, тогда как Китай уже «перескочил» ее [14].

Работа по оценке нелинейных форм связей между показателями глубины развития финансового сектора, с одной стороны, и темпами экономического роста на уровне национальных экономик, с другой стороны, продолжается. В частности, как было сказано ранее, в качестве показателей финансовой глубины используются: внутренний кредитный рынок, внутренний рынок корпоративных облигаций и рынок внешних корпоративных заимствований [9]. Результаты модельных расчетов позволили выявить траектории движения стран в координатах «рост — стабильность роста» при углублении каждого из трех сегментов финансового сектора. При этом была оценена оптимальная глубина рассмотренных сегментов финансового рынка, характеризуемая достижением максимальных темпов экономического роста и их минимальной волатильности: 96% ВВП — для российского кредитного рынка, 22% ВВП — для рынка корпоративных облигаций, 15% ВВП — для рынка внешних корпоративных заимствований [9, 14].

Тем самым переход наблюдаемых показателей за границу идентифицированных значений сигнализирует о ближайших позитивных или негативных сдвигах в уровне экономического роста. Иными словами, эконометрические зависимости позволяют расширять спектр параметров макропруденциальной политики, подлежащих контролю и регулированию.

6. Проблемы использования существующей упреждающей эконометрической диагностики.

Несмотря на обилие существующих методов и моделей, на практике применяется лишь незначительная их часть. Это связано с наличием в этих методах и подходах специфических недостатков. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, построение многих эконометрических моделей сопряжено с трудностями использования отдельных ключевых индикаторов (например, ВВП). Это связано с тем, что в большинстве случаев национальные органы статистики представляют оценки ВВП лишь на квартальной градации, что не позволяет проводить, например, ежемесячные расчеты, а также использовать показатель ВВП в качестве базового ряда. Подобная практика присуща большинству развитых стран. В ряде стран, преимущественно с переходной экономикой, данные о динамике ВВП публикуются ежемесячно. Однако эти данные предоставляются в виде темпов прироста нарастающим итогом за соответствующий период года и корректируются по прошествии опре-



деленного периода, в связи с чем относительная погрешность месячных данных достаточна велика. Это, в свою очередь, создает определенные трудности в получении качественного ряда реального ВВП (в абсолютных значениях или в виде цепного индекса) с месячной периодичностью [15]. России также присуща данная проблема, поскольку ежемесячные данные по ВВП российской официальной статистической службой (Росстат) не публикуются. Оперативную ежемесячную оценку ВВП России предоставляет только Внешэкономбанк, но и она в дальнейшем подвергается корректировке.

Во-вторых, многофакторность самого процесса экономического роста затрудняет отбор тех монетарных показателей, которые должны выступать в качестве реальных драйверов роста. Более того, на разных этапах экономического развития страны меняется и состав «активных» факторов, которые действительно определяют рост производства. В связи с этим в аналитических анналах накоплено огромное число возможных индикаторов и моделей при том, что все они не универсальны и не могут быть превращены в постоянные индикаторы монетарной среды наподобие индекса Доу-Джонса в отношении экономической конъюнктуры. Тем самым выбор наиболее приемлемого упреждающего монетарного индикатора сам по себе превращается в серьезную проблему.

В-третьих, наличие нелинейности между некоторыми важными монетарными показателями и параметрами экономического роста осложняет построение простого упреждающего индикатора. Как правило, сама логика опережающего индикатора предполагает, что данный индикатор и ВВП всегда движутся в одинаковом направлении. Многие современные эконометрические исследования показывают, что это не так. В связи с этим нужны какие-то иные методологические основы и аргументы для конструирования эффективного упреждающего индекса.

В-четвертых, практически во всех известных монетарных индикаторах отсутствует внятная идеология их построения. В данном случае речь идет о том, что такого рода индикаторы хаотично «собираются» из разных частных показателей, без наличия внутренней логики. Складывается впечатление, что набор частных объясняющих переменных формируется методом проб и ошибок. В лучшем случае все возможные варианты проверяются различными методами на работоспособность. Однако даже наличие таких индикаторов не дает

системного представления об ошибках и недочетах монетарного регулятора. Более того, остается под вопросом соотношение и эффективность разрешительных и запретительных мер центрального банка.

В-пятых, большинство методов направлено на идентификацию неких кризисных точек, которые априори являются чрезвычайно опасными для национальной экономики. Однако нацеленность рассмотренных методов на прогнозирование неких масштабных проблем типа надвигающегося экономического кризиса автоматически ведет к тому, что все эти методы являются «грубыми» в том смысле, что они улавливают грядущие коллизии, но игнорируют мелкие изменения монетарного климата. Между тем, в практике регулятора имеет значение любой прогноз экономической активности, в том числе лежащие в их основе мелкие ухудшения монетарных условий функционирования экономики, которые могут накапливаться в течение длительного времени и в конечном счете давать заметное снижение темпов экономического роста. Иными словами, методы упреждающей диагностики сегодня строят по дискретному принципу, улавливая «большие» проблемные события, тогда как в идеале они должны строиться по непрерывному принципу, направленному на обследование каждой точки временной оси и выявлении любых, в том числе не слишком значительных, изменений.

В-шестых, деятельность центральных монетарных институтов моделируется фактически в полном отрыве от имеющейся институциональной теории. Тем самым макроэкономические построения почти никак не согласуются с институциональными принципами, что превращает все индикаторы и модели в подобие эвристических конструкций — они могут работать на практике, но никаких новых системных знаний об экономике они не дают.

В-седьмых, лаги, которые присутствуют в упреждающих индикаторах, довольно редко бывают достаточно длинными. Следование одного показателя за другим с запаздыванием в 2–3 месяца не дает монетарным властям времени ни на подготовку к нежелательному событию, ни на исправление и корректировку сформировавшейся регулятивной линии. Желательно, чтобы опережение составляло, по крайней мере, полгода. В этом случае можно говорить о среднесрочном прогнозировании; в противном случае речь идет о краткосрочном прогнозировании, не дающем монетарным властям достаточно времени и свободы для реакции на выявленные проблемы.



В-восьмых, сама практика применения различных упреждающих индикаторов так и не выявила не только общепризнанного «лидера», использование которого может тиражироваться максимально широко как во времени, так и в пространстве, но и не позволила даже очертить круг наиболее эффективных методов и моделей. Фактически сегодня монетарные ведомства разных стран действуют по своим собственным, уникальным методикам.

6. Выводы. Таким образом, построение эконометрических моделей, в которых присутствуют лаговые переменные, отражающие либо действия центрального банка, либо настроения бизнес-сообщества, стало традиционным методом по отыска-

нию опережающих индикаторов и статистических сигналов к пересмотру ДКП. Однако наличие разных подходов к упреждающей монетарной диагностике дезориентирует не только аналитиков, но и сами монетарные власти. В связи с этим возникает потребность в построении некоего обобщенного индикатора монетарного климата, который был бы способен, во-первых, на основе имеющихся статистических данных ЦБ РФ всесторонне охватить его деятельность, во-вторых, диагностировать текущую ДКП и ее эффективность, в-третьих, предсказывать экономический рост на несколько месяцев вперед. Поиск и конструирование подобного индикатора является одним из перспективных направлений развития российской научной мысли.

Литература

1. Goldsmith R. W. Financial structure and development. New Haven: Yale University Press, 1969. 561 p.
2. Рубцов Б.Б. Эволюция институтов финансового рынка и развитие экономики: глава монографии «Финансовые институты и экономическое развитие». М.: ИМЭМО РАН, 2006.
3. King R. G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right // *The Quarterly Journal of Economics*. 1993. Vol. 108, no. 3, pp. 717–737.
4. Levine R., Zervos S. Stock markets, banks, and economic growth // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88, no. 3, pp. 537–558.
5. Rajan R. G., Zingales L. (1998). Financial Dependence and Growth // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88, no. 3, pp. 559–586.
6. Arcand J. L., Berkes E., Panizza U. (2012). Too Much Finance? // *Journal of Economic Growth*. 2012. Vol. 20, no. 2, pp. 105–148.
7. Cecchetti G., Kharroubi E. (2012). Reassessing the Impact of Finance on Growth // *Bank for International Settlements. BIS Working Papers*. 2012, no. 381. URL: <http://www.bis.org/publ/work381.pdf> (accessed 26 October 2017).
8. Sahay R., Cihak M., N'Diaye P., Barajas A., Bi R., Ayala D., Gao Y., Kyobe A., Nguyen L., Saborowski C., Svirydenka K., Yousefi S. R. Rethinking Financial Deepening: Stability and Growth in Emerging Markets // *International Monetary Fund*. 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1508.pdf> (accessed 26 October 2017).
9. Мамонов М., Пестова А., Панкова В., Ахметов Р., Солнцев О. Серия докладов об экономических исследованиях. Финансовый сектор, экономический рост и макроэкономическая стабильность // Центральный банк Российской Федерации. 2017. № 21. Июль. С. 33.
10. Тарасова Г.М., Энхтуя Т. Сравнительная характеристика денежно-кредитной политики центральных банков Монголии и России // *Международные финансы*. 2013. № 27 (165). С. 6–12.
11. Чернявский Д.О. Квартальная прогностическая модель Республики Казахстан и ее роль в принятии решений по монетарной политике // *Экономическое обозрение Национального Банка Республики Казахстан*. 2016. № 4. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/EV_2016_4.pdf (дата обращения: 26.10.2017).
12. Жузбаев А.М. Международный опыт и перспективы использования ежемесячного опережающего индикатора делового цикла в денежно-кредитной политике Национального Банка РК // *Экономическое обозрение Национального Банка Республики Казахстан*. 2016. № 4. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/EV_2016_4.pdf (дата обращения: 26.10.2017).
13. Мекенбаева К.Б. Композитный опережающий индикатор — инструмент для мониторинга делового климата и краткосрочного прогнозирования // *Экономическое обозрение Национального Банка Республики Казахстан*. 2016. № 4. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/EV_2016_4.pdf (дата обращения: 26.10.2017).
14. Мамонов М., Панкова В., Ахметов Р., Пестова А., Солнцев О. Влияние развития финансового сектора на экономический рост и его волатильность: аналитическая записка // Центральный банк Российской Федерации. 2017. № 8. URL: <http://www.cbr.ru/Content/Document/File/16747/03.pdf> (дата обращения: 26.10.2017).



15. Крук Д., Зарецкий А. Методология построения сводного индекса опережающих индикаторов для Беларуси // Рабочий материал Исследовательского центра ИМП WP/11/01. 2011. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2011r01.pdf> (дата обращения: 26.10.2017).

References

1. Goldsmith R.W. Financial structure and development. New Haven: Yale University Press, 1969, 561 p.
2. Rubtsov B.B. Evolution of Financial Market Institutes and Economic Development: head of the monograph "Financial Institutes and Economic Development" [Jevoljucija institutov finansovogo rynka i razvitie jekonomiki: glava monografii «Finansovye instituty i jekonomicheskoe razvitie»]. Moscow, IMJeMO RAN, 2006 (In Russ.).
3. King R.G., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right. *The Quarterly Journal of Economics*, 1993, vol. 108, no. 3, pp. 717–737.
4. Levine R., Zervos S. Stock markets, banks, and economic growth. *The American Economic Review*, 1998, vol. 88, no. 3, pp. 537–558.
5. Rajan R.G., Zingales L. (1998). Financial Dependence and Growth. *American Economic Review*, 1998, vol. 88, no. 3, pp. 559–586.
6. Arcand J.L., Berkes E., Panizza U. (2012). Too Much Finance? *Journal of Economic Growth*, 2012, vol. 20, no. 2, pp. 105–148.
7. Cecchetti G., Kharroubi E. (2012). Reassessing the Impact of Finance on Growth. *Bank for International Settlements. BIS Working Papers*, 2012, no. 381. URL: <http://www.bis.org/publ/work381.pdf> (accessed 26 October 2017).
8. Sahay R., Cihak M., N'Diaye P., Barajas A., Bi R., Ayala D., Gao Y., Kyobe A., Nguyen L., Saborowski C., Svirydzenka K., Yousefi S.R. Rethinking Financial Deepening: Stability and Growth in Emerging Markets. *International Monetary Fund*, 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1508.pdf> (accessed 26 October 2017).
9. Mamonov M., Pestova A., Pankova V., Akhmetov R., Solntsev O. Bank of Russia Working Paper Series. Financial Sector, Economic Growth and Macroeconomic Stability [Serija dokladov ob jekonomicheskijh issledovanijah. Finansovyj sektor, jekonomicheskij rost i makrojekonomicheskaja stabil'nost']. Central'nyj bank Rossijskoj Federacii, 2017, no. 21, July, pp. 33. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/16718/wp_21.pdf (accessed 26 October 2017) (In Russ.).
10. Tarasova G.M., Enkhtuya T. Comparative Characteristics of Monetary Policy of the Central Banks of Mongolia and Russia [Srvnritel'naja harakteristika denezhno-kreditnoj politiki central'nyh bankov Mongolii i Ros-sii]. *Mezhdunarodnye finansy — International finance*, 2013, no. 27 (165), pp. 6–12.
11. Chernyavsky D.O. Quarterly Forecasting Model of the Republic of Kazakhstan and Its Role in Making Monetary Policy Decisions [Kvartal'naja prognosticheskaja model' Respubliki Kazahstan i ee rol' v prinjatii reshenij po monetarnoj politike]. *Jekonomicheskoe obozrenie Nacional'nogo Banka Respubliki Kazahstan*. 2016, no. 4. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/EV_2016_4.pdf (accessed 26 October 2017) (In Russ.).
12. Zhuzbaev A.M. International Experience and Prospects of Use of Monthly Leading Indicator of Business Cycle in Monetary Policy the National Bank of Kazakhstan [Mezhdunarodnyj opyt i perspektivy ispol'zovanija ezhemes-jachnogo operezhajushhego indikatora delovogo cikla v denezhno-kreditnoj politike Nacional'nogo Banka RK]. *Jekonomicheskoe obozrenie Nacional'nogo Banka Respubliki Kazahstan*. 2016, no. 4. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/EV_2016_4.pdf (accessed 26 October 2017) (In Russ.).
13. Makenbaeva K.B. Composite Leading Indicator — Tool for Monitoring Business Climate and Short-Term Forecasting [Kompozitnyj operezhajushhij indikator — instrument dlja monitoringa delovogo klimata i kratkosrochnogo prognozirovaniya]. *Jekonomicheskoe obozrenie Nacional'nogo Banka Respubliki Kazahstan*. 2016, no. 4. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/EV_2016_4.pdf (accessed 26 October 2017) (In Russ.).
14. Mamonov M., Pankova V., Akhmetov R., Pestova A., Solntsev O. Impact of Financial Sector Development on Economic Growth and Its Volatility: analytical note [Vlijanie razvitija finansovogo sektora na jekonomicheskij rost i ego volatil'nost': analiticheskaja zapiska]. Central'nyj bank Rossijskoj Federacii. 2017, no. 8. URL: <http://www.cbr.ru/Content/Document/File/16747/03.pdf> (accessed 26 October 2017) (In Russ.).
15. Kruk D., Zaretsky A. Methodology of Composite Index of Leading Indicators for Belarus [Metodologija postroe-nija svodnogo indeksa operezhajushhijh indikatorov dlja Belarusi]. *Rabochij material Issledovatel'skogo centra IMP WP/11/01*. 2011. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2011r01.pdf> (accessed 26 October 2017) (In Russ.).



УДК 330.88
JEL B59

Экономические теории и эволюция пропаганды

КОШМАРОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

канд. техн. наук,

директор по разработке инновационных технологий фонда РОПЦ, Москва, Россия

mk69@yandex.ru

ТРУБЕЦКОЙ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

д-р психол. наук, президент фонда РОПЦ, Москва, Россия

alexeytrubetskoy@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется развитие мировой экономической системы в контексте экономических теорий Смита, Кейнса, Фридмана и влияния пропаганды на этот процесс. Это влияние позволяет говорить о возникновении к середине XX в. модели Кейнса-Бернайса, а к началу XXI в. — неэкономической (постиндустриальной) модели, в которой доминирует пропаганда. В этой новой модели спрос и предложение, прибавочная стоимость, цены и пр. создаются движением информации. Кроме того, в статье формулируется «правило четырех частей», характеризующее современный рынок труда в развитых странах. Основные *выводы* работы — тезисы о синергии экономики и пропаганды, о необходимости дальнейшего исследования этого феномена.

Ключевые слова: политэкономия; пропаганда; модель Кейнса-Бернайса; неолиберализм; правило четырех частей; неэкономика; синергия пропаганды и экономики.

Economic Theories and Evolution of Propaganda

KOSHMAROV M.Y.,

PhD in Technical Sciences, Director for development of innovative technologies at the Russian Social and Public Center Foundation, Moscow, Russia

mk69@yandex.ru

TRUBETSKOY A.Y.,

PhD in Psychology, President of Russian Social and Public Center Foundation, Moscow, Russia

alexeytrubetskoy@gmail.com

Abstract. The article explores the evolution of the global economic system in the context of economic theories developed by Smith, Keynes, and Friedman and the impact of propaganda on that evolution. The influence of propaganda is evidenced by the uprise of the Keynes-Bernays model in the middle of the 20th century, followed by the neo-economic model the beginning of the 21st century in which propaganda is dominating. In this model supply and demand, as well as value added, quotations, prices, etc. are created by the flows of information. Furthermore, the article introduces the “rule of four parts” which is characteristic of the modern labor market in developed countries. The authors postulate the synergy between propaganda and economy, a phenomenon which requires further research.

Keywords: political economy; propaganda; Keynes-Bernays model; neo-liberalism; rule of four parts; neo-economy; social networks; synergy between propaganda and economy.



С античных времен мыслители исследовали отношения государства и экономики с целью объяснить и усовершенствовать существующую (на момент исследования) экономическую систему. При этом большинство экономик мира до XIX в. развивалось за счет бесплатного труда рабов. В обществе и науке господствовало теоцентрическое мировоззрение. В 1776 г. Адам Смит опубликовал исследование, где сформулировал основные принципы политэкономии. основополагающим он назвал принцип невмешательства государства, состоящий в том, что нет необходимости (и даже вредно) регулировать рынок протекционистскими, таможенными или дотационными законами. Все составляющие экономики — «сообщающиеся сосуды», а значит, искусственное давление на один всегда компенсируется другими.

Тем не менее в обязанности государя (государства), по мнению Смита, должны входить: защита народа от агрессии других народов (оборона), защита «каждого члена общества от несправедливости и притеснения его другими членами общества» [1, с. 555] (суды), поддержка образования, обустройство дорог, «поддержание величия и достоинства государя» [1, с. 650].

Все остальное рынок отрегулирует сам. Смит подразумевал также, что гарантией гуманности и справедливости такой системы, помимо судов, является вера в Бога, высокая нравственность и честность прихожан англиканской церкви. Воскресные проповеди в те времена были одним из основных пропагандистских инструментов поддержания согласия в обществе. Эта система строилась на аксиоме «Богатство от Бога», ставшей одним из основных результатов реформации, начавшейся в 1517 г. с 95 тезисов богослова Мартина Лютера.

Ко временам Адама Смита капиталистическая протестантская этика не только победила феодальную католическую во всех англосаксонских странах, но и была экспортирована в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и др. Вера в Бога, общественная мораль и нравственность являлись в то время само собой разумеющимися, а достаток (потребление) служил доказательством благонадежности: «...в наше время в большей части Европы уважающий себя поденщик постыдится показаться на людях без полотняной рубашки, отсутствие которой будет сочтено свидетельством той унижительной степени бедности, в которую, как предполагается, никто не может впасть иначе

как в результате чрезвычайно плохого поведения» [1, с. 698]. Однако христианские заповеди и ценности европейской цивилизации не распространялись на рабов. Англосаксонская колониальная политика была рациональна и цинична. Сравнивая управление колониями, Смит отмечает наличие пропасти между колониями Америки и Индии, показывая, что передача функций государства монопольной торговой компании приводит к катастрофическим последствиям: «Управление монопольной компании купцов является, пожалуй, самым худшим из всех правительств для любой страны» [1, с. 458]. И, наоборот, там, где «власть собрания держит в узде исполнительную власть» [1, с. 471], колония процветает: «Одним словом, все гражданское управление Северной Америки [...] стоило жителям не больше 64 700 фунтов в год; это — вечно памятный пример того, с какими ничтожными издержками можно не только управлять, но и хорошо управлять трехмиллионным населением» [1, с. 461].

Там же об Индии: «Что это вообще за странное правительство, если каждый член его администрации стремится поскорее уехать из страны, и если каждому члену администрации на другой же день после того, как он уехал и увез с собою свое состояние, совершенно безразлично, что вся страна будет уничтожена землетрясением» [1, с. 516]. Там же: «В других случаях давалось приказание противоположного характера, и хорошее поле риса или другого хлеба перепаживалось, чтобы уступить место плантации мака; это делалось, когда начальник предусматривал возможность получения чрезвычайно большой прибыли от опиума» [1, с. 513].

Такая хозяйственная деятельность Ост-Индийской компании, как известно, привела к голоду в Бенгалии, вошедшему в историю из-за своих беспрецедентных масштабов. Стоит добавить, что этот опиум предназначался в основном не для Великобритании, а для Китая, где количество зависимых в какой-то момент достигло критического значения для китайской государственности и привело к «опиумным войнам».

В течение следующих 150 лет экономика видоизменялась: машины постепенно заменяли рабский труд, а с появлением электричества значительно увеличилась скорость передачи информации и денег. Теоцентризм сменялся антропоцентризмом, а духом капитализма, как справедливо отметил немецкий социолог Макс Вебер, стала проповедь Бенджамина Франклина во славу не Господа Бога, а трудолюбия, честности и бережливости.



В пропаганде также произошли качественные изменения: ответственность за общественное согласие перестала быть монопольной заботой государства и церкви. Крупные частные компании создали сотни частных газет длякратно разросшейся аудитории, и появилось новое информационное поле, где гравитацию создавали уже не власть и церковь, а капитал. Но печатное слово все еще оставалось роскошью — во-первых, далеко не все умели читать, во-вторых, у людей часто не было времени на чтение и анализ прочитанного.

Экономические и мировоззренческие изменения к началу XX в. создали противоречия, которые привели к мировой войне и распаду четырех империй: Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской. Америка, будучи уже одной из крупнейших экономик мира (хотя и второстепенной — политически), не могла оставаться в стороне от крупнейшего передела мира и, правильно выбрав момент, в апреле 1917 г. вступила в свою самую выгодную военную кампанию и победила с минимальными потерями, став мировым политическим и экономическим лидером.

Одним из творцов этой победы был Эдвард Бернайс — классик пропаганды, разработавший и внедривший большинство ее принципов, которые действуют и по сей день. В 1928 г. Бернайс опубликовал свой манифест «Пропаганда», где изложил принципы управления обществом.

Позже, в 1936 г., английский экономист Джон Мейнард Кейнс, проанализировав накопленный со времен Смита опыт, выводит свою «Общую теорию занятости, процента и денег», где провозглашает главным пороком современного общества «неспособность обеспечить полную занятость и справедливое распределение богатств и доходов» [2, с. 340], критикует свободный рынок, предлагает ограничить биржевых спекулянтов, организовать «эвтаназию рантье, а значит, и гнета капитала» [2, с. 343]. Далее, используя единый эмиссионный центр, следует регулировать связанную через мультипликаторы («значения которых есть функция от психологических склонностей населения» [2, с. 118]) гидравлическую систему экономики — количество денег, занятость, склонность населения к потреблению, к сбережению и к инвестициям единственным инструментом — банковским процентом.

Важным здесь видится следующее. Все вышеперечисленные экономические параметры Кейнс рассматривает с точки зрения психологии масс, вскользь замечая: «При обычных предпосылках относительно

поведения участников экономического процесса увеличение занятости [...] может сопровождаться уменьшением потребления [...], например, во время войны, в результате пропаганды в пользу ограничения личного потребления» [2, с. 117]. И далее: «Расширение функций правительства в связи с задачей координации склонности к потреблению и побуждения инвестировать [...] — единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм...» [2, с. 347].

Работы Кейнса и Бернайса вывели осознание влияния пропаганды на экономику на новый уровень. Стала очевидна зависимость макроэкономики от психологии масс. После Второй мировой войны в странах-победительницах (кроме СССР) был материализован принцип из романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»: «Зачем старое чинить, лучше новое купить» [3]. Постулаты Бернайса и Кейнса стали использовать как базовые, и началась реализация новой политэкономической модели — общества потребления, живущего большую часть жизни в долг. Общественное согласие стало конструируемым продуктом, а демократические выборы — неотъемлемой частью потребления. Смысл общественного договора выразился в формуле: пожизненный потребительский кредит в обмен на лояльность.

Несмотря на то что такой договор нес в себе опасность потери части гражданских свобод (что происходит и в наше время), пропаганда в этом конструкте пока еще работала во благо подавляющего большинства, коль скоро послевоенное население и благосостояние росли. С технологической точки зрения такая модель стала возможна только с превращением радио и телевидения в средства массовой информации (СМИ). Инструментарий остался тот же, что и во времена «борца с рабством» Джона Брауна: формирование мифа, выбор каналов коммуникации и финансирование повторения до тех пор, пока миф не станет общеизвестным фактом [4].

В 1947 г. Бернайс, пересмотрев свою оценку манипулирования массами как «важной составляющей демократического общества» [5], пришел к выводу, что: «инженерия согласия выступает *сутью* демократического процесса» [6].

В реальности итогами войны стали демонтаж старой мировой экономической системы и строительство новой, где доллар стал единой резервной валютой. Были созданы надгосударственные структуры: ООН, Всемирный Банк, Международный валютный фонд, которые, в свою очередь, разработали глобальную экономическую модель — «Ва-



шингтонский консенсус» — таким образом, чтобы другие страны (их называли развивающимися) всегда оставались бы не конкурирующими экономиками, а рынками сбыта и сырьевыми донорами. Такой консенсус поддерживается нормативами и правилами, согласно которым каждая вновь присоединившаяся национальная экономика оценивается и ранжируется по стандартам развитых стран. Новая система усовершенствовала биржевой инструментарий так, чтобы контролировать цены на сырье и иметь возможность канализировать неликвид через механизмы кризисов. К СМИ добавились ТВ и мощнейшая киноиндустрия, которые формировали ценности, принципы, правила и модели поведения нового мира. К началу 80-х гг. прошлого века с широким внедрением компьютеров экономическая система усложнилась и видоизменилась настолько, что потребовались изменения и в законодательствах основных «игроков». К власти пришли политики новой формации, осуществившие эти изменения. В 80-х гг. Рейган, Тэтчер, Хоук и Малроуни сменили госконтролируемый симбиоз экономики и пропаганды (назовем его «модель Кейнса-Бернайса») на неолиберальную противоположность, основным принципом которой стала либерализация экономики по Фридману–фон Хайеку. С этого же момента внешняя политика США была синхронизирована с ядром Британского содружества для того, чтобы приблизить конец холодной войны.

Важно выделить и другие последствия смены модели Кейнса-Бернайса на неолиберальную: дерегулирование банковской системы 1987–2006 гг., выросшее более чем 365:1 соотношение вознаграждений руководителей и рядовых исполнителей, повлекшее классовое расслоение развитых стран и появление армии люмпенов, получающих в этих странах пособия. Были приняты экстерриториальные пакеты законов: антикоррупционные, антинаркотические, антитеррористические и налоговые, законодательно закрепляющие за правительствами развитых стран право арестовывать, судить и карать чужих граждан, а также проводить военные операции в любой точке мира.

Теоретик и апологет неолиберализма нобелевский лауреат Милтон Фридман, создатель доктрины шоковой терапии и кумир Маргарет Тэтчер, в 1962 г. в своей книге «Капитализм и свобода» писал: «Для свободного человека страна должна быть совокупностью составляющих ее индивидуумов, а не какой-то вышестоящей инстанцией. Свободный человек гордится общим наследием и верен общим

традициям. Однако он смотрит на государство как на средство, инструмент, а не как на источник милостей и подарков и не как на господина или Бога, которому следует слепо поклоняться и которому нужно служить. Свободный человек не признает никакой национальной цели, если она не является консенсусом целей, к которым граждане стремятся по отдельности. Он не признает никакой национальной задачи, если она не является консенсусом задач, которым по отдельности служат граждане» [7, с. 283].

Можно сказать, что «монополия купцов» была бы идеальным государством по Фридману: совокупность индивидуумов вместо народа и консенсус интересов вместо национальной идеи. Там же: «Мало какое событие сможет подорвать самые основы свободного общества так же сильно, как принятие руководителями корпораций какой-либо социальной ответственности, кроме ответственности заработать для своих акционеров как можно больше денег» [7, с. 188].

Критик неолиберализма американский философ Ноам Хомский в 1999 г. в своей статье «Прибыль на людях. Неолиберализм и новый мировой порядок» писал о корпорациях: «Теории, предназначенные для оправдания этих «коллективных правовых субъектов», как иногда их называют историки права, основаны на идеях, которые лежат в основе фашизма и большевизма: права этих субъектов выше и значительнее, чем права личностей. Эти «коллективные правовые субъекты» пользуются значительными льготами, предоставляемыми им государством; более того, эти «коллективные правовые субъекты» по сути дела повелевают государствами... Они установили прочный контроль над национальной и международной экономикой, равно как и над информационной системой и системой идеологических представлений общества» [8].

Важно отметить, что установление неолиберальной модели совпало с концом жизненного цикла марксистского эксперимента, и это немедленно было записано неолибералами на свой счет. Последовательность этих двух событий, по их мнению, убеждает сомневающихся в детерминированности, а значит, и в правильности происходящего. Иногда это подается как «цена победы в холодной войне», однако очевидцы и специалисты знают, что в 80-х гг. это был почетный мирный договор, позже превращенный компрадорскими правительствами 90-х гг. в разорительный для собственных стран и народов фарс.

Еще одним побочным эффектом либерализации и финансовой дерегуляции стал ипотечный кризис.



В 2007 г. весь мир был шокирован крахом пирамиды ипотечных кредитов. Это потрясение общественного сознания сравнимо с разрушением башен-близнецов, так как три крупнейших американских рейтинговых агентства, воспринимаемые мировым сообществом как государственные, незыблемо надежные, оценивающие страны и компании, рейтинги которых по сей день определяют работу всех банков и бирж мира, гарантировали ликвидность, как выяснилось, «мусорных» финансовых инструментов. На сегодня два таких агентства после многолетнего расследования согласились с обоснованностью обвинений и выплатили более 2 млрд долл. США компенсации для урегулирования всех претензий и прекращения расследования, что, конечно, видится смехотворной суммой, учитывая масштаб убытков в результате содеянного (<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/02/04/sp-pogasilo-ipoteku>). Таким образом, принятие неолиберального «Закона о финансовой модернизации» 1999 г. создало предпосылки для нарушения базовых принципов экономического регулирования и систематической фальсификации рейтингов.

Еще одна, крайне важная, на наш взгляд, тенденция требует подробного рассмотрения. Новое общество характеризуется свойством, которое для простоты назовем *правилом четырех частей*. Суть этого правила в следующем: низкоквалифицированный труд предоставлен приезжим рабочим из бедных стран. Оплату труда теперь можно разделить условно на четыре не обязательно равные части. Одна часть — это плата самому иностранному рабочему и его семье, находящейся на далекой родине. Вторая часть — гражданину метрополии, вместо которого трудится иностранец, в виде пособия по безработице, еще одна часть расходуется на администрирование, причем это не обязательно коррупция, а, например, пропаганда мультикультурализма. Все это вместе позволяет нанимателю иностранца получать четвертую часть — прибыль, часто без каких-либо социальных нагрузок. Следует добавить, что такой иностранец находится на низшем социальном уровне страны, где трудится де-факто в положении раба.

Таким образом, растут две группы малоимущих: коренных люмпенов — получателей пособия по безработице, которые дают прямую убыль населения и работающих иностранцев, которые покрывают эту убыль традиционно большими семьями. В такой ситуации неизбежно возникнет паритет, который опасен тем, что помимо экономического неравенства

имеет место религиозное и культурологическое разделение. Политика мультикультурализма помогает лишь адаптировать вновь прибывших, не решая системных противоречий, которые могут привести к социальному взрыву и значительным жертвам. Это основная опасность. Уже сейчас мы видим периодически вспыхивающие погромы и бунты во Франции, Германии и США. Есть еще один важный аспект такой экономики, опасный даже с точки зрения Адама Смита: «У древних римлян земли богатых обрабатывались рабами, которые работали под надзором надсмотрщика, бывшего тоже рабом, так что неимущий свободный человек имел мало шансов устроиться арендатором или батраком. Точно так же все промыслы и мануфактуры, даже розничная торговля, велись рабами богатых в пользу их господ; богатство, власть и покровительство последних делали трудным для неимущего свободного человека выдерживать конкуренцию с рабами. Поэтому граждане, не обладавшие землей, не имели почти никаких других средств к существованию, кроме подачек кандидатов на ежегодных выборах» [1, с. 448].

Можно сказать, что это производная модели Кейнса-Бернайса — «согласие без согласия» и без социальных расходов. Здесь мы не рассматриваем социальные проблемы, неизбежные в обозримом будущем при замене многомиллионной армии иностранных работников автоматами и роботами. Отметим лишь, что сегодняшняя пропаганда поддерживает модель с прогнозируемым взрывом и работает на обострение этого противоречия. Тем не менее период распада такой вновь создаваемой экономики может быть достаточно продолжительным с учетом значительных экономических, пропагандистских, военных и технических ресурсов.

С точки зрения социологии можно говорить о завершающей стадии строительства общества по «Законам» идеального государства Платона: «Ремесла там поручены чужеземцам; земледелие предоставлено рабам, собирающим с земли жатву достаточную, чтобы люди жили в довольстве» [9, с. 246]. Там же: «гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях, это — умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство» [9, с. 284]. Одновременно с преобразованиями в экономике и пропаганде формируется и правовая база этих преобразований. К 2016 г. были готовы к подписанию три взаимосвязанных глобальных законопроекта: TiSA (Соглашение о торговле услугами), которое по замыслу должно сделать одним



целым будущим участников Трансатлантического (ТТИР) и Тихоокеанского (ТТР) торговых партнерств. С принятием этих документов страны-участницы согласились бы с тем, что корпорации де юре получают надгосударственные права для дальнейшей либерализации экономики. Немного упрощая, можно сказать, что страны-подписанты могли бы со временем стать единой сверхкорпорацией.

Сегодня этот процесс столкнулся как минимум с двумя серьезными преградами: неприятием такого пути развития общества правительствами развивающихся стран, представляющих большую часть населения Земли, и значительной частью собственных элит, свидетельством чего, в том числе, стала победа несистемного кандидата на выборах в США. Новая администрация Дональда Трампа через три дня после инаугурации вышла из Тихоокеанского торгового партнерства и поставила на паузу многолетнюю работу по созданию Трансатлантического торгового партнерства, бросив серьезный вызов международному интернационалу неолибералов (<https://www.kommersant.ru/doc/3200205>).

В заключение можно сделать как минимум два вывода. *Первый*. Созданная с благими намерениями современная макроэкономическая модель стремится в пределе к своему идеалу: единой вертикально интегрированной корпорации, контролирующей все коммуникации и ресурсы и ориентированной исключительно на получение прибыли, не принимая во внимание категории религии, морали, социальной справедливости, демократических или каких-либо иных свобод, оставаясь рациональной и циничной. *Второй*. Вопросы эволюции пропаганды, а точнее, ее сращивания с экономикой, имеет смысл сегодня рассматривать не как частный случай психологии экономики, а как отдельный феномен. Речь не о том, как меняется психология людей, взявших кредиты на 30 лет; какими люди становятся, получив экономическую независимость; как меняются поведенческие экономические паттерны с возрастом или как работают многочисленные теории консюмеризма. Нам видится, что все уже намного сложнее: *экономика и пропаганда стали одним целым*. Эту мысль следует пояснить. Канадский философ Маршалл Маклюэн в своей теории расширения сформулировал простую идею: человек расширяет возможности своего тела с помощью технических средств. Одежда — это «разросшаяся кожа», колесо — это расширение возможностей ног, письменность — расширение возможностей зрения, число — расширение возможностей ося-

зания, и, переходя к более сложным предметам, деньги — это материальный эквивалент труда или времени, а СМИ — это расширение нашей нервной системы и возможностей психики.

Исследуя эту теорию, американский писатель Дуглас Рашкофф в 1994 г. в своей книге «Медиавирус» приходит к еще более парадоксальным результатам. Приведем длинную цитату, чтобы максимально отчетливо проиллюстрировать эту мысль: «Непрерывно расширяющиеся медиа стали настоящей средой обитания — пространством, таким же реальным и, по всей видимости, незамкнутым, каким был земной шар пятьсот лет назад. Это новое пространство называется инфосферой» [10, с. 8]. Далее он формулирует очень интересную гипотезу: «Менее радикальный подход заключается в рассмотрении инфосферы, как непреднамеренной реализации того, что нынешние математики называют «комплексной системой». Теория «комплексных систем», сравнительно новая отрасль математики, ставшая возможной благодаря появлению компьютеров, требует применения нового набора правил, если система — например, погода, океанские волны, население земного шара становится слишком сложной, чтобы ее можно было описать с помощью простых, линейных уравнений. Когда система достигает этого уровня сложности, она становится «хаотической» и демонстрирует совершенно новый набор свойств; эти свойства обычно способствуют разрушению любого навязанного извне порядка или контроля точно так же, как мощь океана, в конце концов, сокрушает сдерживающие ее плотины и дамбы. Но какой бы точки зрения на процесс слияния медиа в инфосферу мы ни придерживались, нам становится ясно, что эта технология вышла из-под управления» [10, с. 36]. Сегодня к этой комплексной системе медиахаоса добавилась неолиберальная постиндустриальная экономика, более того, пропаганда расширилась до самовоспроизводства и стала доминировать над этой неэкономикой, так как создает и прибавочную стоимость, и спрос, регулируя котировки и цены, а «все формы богатства создаются движением информации» [11]. Шведские медиаисследователи Александр Бард и Ян Зондерквист в 2000 г. в своем манифесте «Нетократия» написали: «...реклама + потребитель = желание. Это напоминает процесс фотосинтеза. Реклама есть солнечный свет, потребитель — растение, преобразующее свет в энергию, необходимую для биологического развития... Мы не можем определить, производит ли желание товары и услуги, или товары и услуги про-



изводят желания. Истина в том, что они производят друг друга и производятся друг другом» [12].

Кроме того, цифровая революция реализует «давнюю мечту потребителя и производителя — ликвидацию посредников между теми, кто продает товары или оказывает услуги, и их потребителями, обеспечивая между ними быструю, удобную и надежную связь» (http://www.stoletie.ru/ekonomika/uber_vzryvayet_mir_potreblenija_817.htm). Это сильно снижает контролируемость системы и одновременно создает предпосылки для взрывного роста.

Новая медиаэкономическая модель, как мы видим, стремится к росту, развитию и доминированию. Видимая цель на первом этапе — объединить в одно целое страны «золотого миллиарда». Формально после объединения она должна будет подчиняться надго-

сударственному управлению, но фактически будет предоставлена сама себе, оптимизируя выполнение единственной задачи — генерирования прибыли, вероятней всего, без учета понятий «добро» и «зло». Уже сейчас можно наблюдать, как эта система, находясь только в начальной стадии развития, с большой скоростью сокращает собственное население. Некоторая часть интеллектуального сообщества называет происходящее заговором, но, следуя этой логике, можно прийти куда угодно, например к тезису, что во всем виноват 5000-летний Китай, одолживший на несколько лет «алчным варварам» несколько миллионов рабов.

Синергия экономики и пропаганды породила новую реальность, развитие которой, как нам видится, требует междисциплинарного исследования для ответа на вопрос: «Какое нас ждет будущее?»

Литература

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Ламартис, 2014.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2015.
3. Хаксли О. О. Дивный новый мир. М.: Издательство АСТ, 2011. С. 60.
4. Трубецкой А. Психология репутации. М.: Наука, 2005. С. 15.
5. Бернайс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 1.
6. Бернайс Э. Инженерия согласия // Полис. 2013. № 4. С. 122–132.
7. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2016.
8. Хомски Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и глобальный порядок. М.: Праксис, 2002. С. 27.
9. Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб.: Наука, 2014.
10. Рашкофф Д. Медиавирус. Скрытая agenda в поп-культуре. М.: Ультра. Культура, 2003.
11. Маклюэн М. Понимая Медиа. М.: Кучково поле, 2014. С. 70.
12. Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. С. 146.

References

1. Smit A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nation [Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov]. Moscow, Lamartis, 2014 (In Russ.).
2. Kejn's Dzh. M. The general Theory of employment, interest and money [Obshhaja teorija zanjatosti procenta i deneg]. Moscow, Gelios ARV, 2015 (In Russ.).
3. Haksli O. Brave New World [O Divnyj novyj mir]. Moscow, Izdatel'stvo AST, 2011, p. 60 (In Russ.).
4. Trubeckoj A. Psychology of reputation [Psihologija reputacii]. Moscow, Nauka, 2005, p. 15 (In Russ.).
5. Bernajs Je. Propaganda [Propaganda]. Moscow, Hippo Publishing, 2010, p. 1 (In Russ.).
6. Bernajs Je. The Engineering of Consent [Inzhenerija soglasija]. *Polis*, 2013, no. 4, pp. 122–132 (In Russ.).
7. Fridman M. Capitalism and Freedom [Kapitalizm i svoboda]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2016 (In Russ.).
8. Homski N. Profit over People: Neoliberalism and Global Order [Pribyl' na ljudjah. Neoliberalizm i global'nyj porjadok]. Moscow, Praksis, 2002, p. 27 (In Russ.).
9. Platon. Laws. After the law. Letters [Zakony. Poslezakonie. Pis'ma]. St. Petersburg, Nauka, 2014 (In Russ.).
10. Rashkoff D. Media Virus! Hidden agendas in popular culture [Mediavirus. Skrytaja agenda v pop-kul'ture]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura, 2003 (In Russ.).
11. Makljujen M. Understanding Media [Ponimaja Media]. Moscow, Kuchkovo pole, 2014, p. 70 (In Russ.).
12. Bard A., Zonderkvist Ja. Netocracy. The new power elite and life after capitalism [Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma. Stokgol'mskaja shkola jekonomiki]. St. Petersburg, 2004, p. 146 (In Russ.).



УДК 332.135
JEL F02

Интеграционное взаимодействие государств – участников Евразийского экономического союза как фактор обеспечения их национальной экономической безопасности

КРАСАВИНА ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА,

д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
mvikhreva@mail.ru

ЛУКЬЯНОВИЧ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

д-р полит. наук, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
lukjanovich@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы интеграционного взаимодействия государств – участников ЕАЭС в контексте обеспечения их национальной экономической безопасности. Указано общее и особенное в концепциях и стратегиях национальной безопасности этих государств, отмечены различные концептуальные подходы к формированию показателей их национальной экономической безопасности. Проанализированы основные противоречия в интеграционных процессах на евразийском пространстве и даны некоторые предложения по их минимизации. Указано на необходимость активизации научно-исследовательской работы по проблемам евразийской интеграции с учетом роста глобальной нестабильности.

Ключевые слова: региональная интеграция; национальная экономическая безопасность; национальные интересы; интеграционное взаимодействие.

Integration Interaction of the States Parties of the Eurasian Economic Union as a Factor in Ensuring their National Economic Security

KRASAVINA L.N.,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute for International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
mvikhreva@mail.ru

LUKYANOVICH N.V.,

Doctor of Political Science, Professor, Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia
lukjanovich@rambler.ru



Abstract. The article discusses the main issues of integration interaction of EEU member states in the context of provision of their national economic security. It is noted the general and the particular in the concepts and national security policies of these countries, also different conceptual approaches to the development of indicators of national economic security are marked. The basic contradictions in the integration processes of the Eurasian space are analyzed and there are given some suggestions to minimize them. It was indicated to the need of research work intensification on the problems of Eurasian integration taking into account the growth of global instability.

Keywords: regional integration; national economic security; national interests; integration cooperation.

Проблемы развития региональных интеграций — европейской и евразийской — остаются предметом острых дискуссий. При этом преобладает их разнонаправленный анализ без углубленных концептуальных подходов. Данная проблема приобрела особую актуальность в условиях развития новой тенденции в процессе регионализации мировой экономики в форме межрегионального партнерства, в котором участвуют и страны ЕАЭС. Формируется мнение, будто их участие в Транснациональном, Транстихоокеанском пространствах, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), «Экономическом поясе Шелкового пути» выгоднее членства в интеграционном объединении. Высказывается мнение о несоответствии участия стран, входящих в ЕАЭС, концепциям и стратегиям их национальной безопасности, в том числе экономической. При этом нередко проявляются недостаточные знания данных концепций и стратегий, а также Договора о ЕАЭС.

Естественно, концепции и стратегии национальной экономической безопасности стран ЕАЭС основаны на приоритете национальных интересов государства во внешней и внутренней политике страны. Сохраняют актуальность сформулированные академиком Л. И. Абалкиным три компонента национальной экономической безопасности: 1) экономическая независимость; 2) стабилизация и устойчивость экономики; 3) способность к саморазвитию и прогрессу [1, с. 86].

Сравнительный анализ концепций национальной экономической безопасности государств — членов ЕАЭС свидетельствует об их специфике и общности проблем. Генезис общности угроз их национальной экономической безопасности обусловлен распадом СССР, в состав которого они входили, разрушением единого комплекса их традиционных хозяйственных связей, сложным переходом от планово-централизованной к рыночной экономике в условиях национальных, региональных и глобальных вызовов и угроз.

Сходства и различия основных стратегических угроз экономической безопасности государств — участников ЕАЭС отражает *аналитическая табл. 1.*

Общие угрозы национальной экономической безопасности государств — участников ЕАЭС включают следующие компоненты:

- модель национальной экономики, характерная для развивающихся стран;
- низкая конкурентоспособность;
- технологическая отсталость;
- неустойчивость финансовой системы;
- масштабная теневая экономика и коррупция;
- энергетическая зависимость;
- неблагоприятная экология и нерациональное использование природных ресурсов;
- проблемы миграции разной степени;
- недостаточное внедрение передовых информационно-коммуникационных технологий и слабая защищенность информационных инфраструктур.

Индикаторы национальной экономической безопасности обозначены в концепциях и стратегиях национальной безопасности стран ЕАЭС, кроме Армении. Они в большей степени отражают их национальную специфику, в отличие от преобладающих общих угроз национальной безопасности. В Концепции национальной безопасности Белоруссии выделены следующие ее показатели:

1. *Реальный сектор экономики:*

- Доля в ВВП инвестиций в основной капитал.
- Уровень инвестиционной активности промышленных предприятий.
- Затраты на научные исследования и разработки.

2. *Финансовый сектор экономики:*

- Показатель доли платежей по обслуживанию роста госдолга (особенно внешнего).
- Недостаточный объем официальных золотовалютных резервов.
- Увеличение доли просроченных банковских кредитов.



Таблица 1

Основные стратегические угрозы национальной экономической безопасности государств – участников ЕАЭС

Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
СНБ (26.01.2007)	КНБ (09.11.2010); изменения и дополнения 30.12.2011 и 24.01.2014 ¹	Закон о НБ (2012) с изменениями и дополнениями на 06.04.2016 ²	КНБ (31.07.2012) ³	СНБ (31.12.2015) ⁴
–	Модель одной из наиболее затратных экономик в Европе	Экспортно-сырьевая модель развития экономики	Мелкотоварная аграрно-сервисная экономика	Экспортно-сырьевая модель развития экономики и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры
Неудовлетворительный уровень формирования справедливой конкурентоспособной среды и управления естественными ресурсами	Недостаточная конкурентоспособность экономики	Снижение конкурентоспособности экспортного и транзитного потенциала	–	Низкая конкурентоспособность экономики
–	Отставание в темпах перехода экономики к передовым технологическим условиям от других государств; деградация технологической структуры реального сектора экономики	Препятствование инновационной активности и росту инвестиционной активности	Слабость экономики и экспортного потенциала	Отставание по разработке и внедрению перспективных технологий
–	Дестабилизация национальной финансовой и денежно-кредитной системы, потеря стабильности национальной денежной единицы	Снижение устойчивости финансовой системы	Ухудшение состояния финансового сектора, зависимость от внешних факторов, в том числе прямых иностранных инвестиций	Незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала; нестабильность госбюджета
Большой объем теневой экономики и коррупции	О теневой экономике не упоминается	Рост теневой экономики	Рост масштаба теневой экономики и коррупции во всех сферах общества	Сохранение значительной доли теневой экономики
Энергетическая зависимость	Невозможность гарантированного обеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами в объемах, обеспечивающих намеченный рост ВВП; зависимость экономики от импорта энергоресурсов	Использование стратегических ресурсов вопреки интересам страны	Энергетическая зависимость – «ахиллесова пята» экономики; нерациональное использование природных ресурсов	–
Экологические проблемы и неэффективное управление природными ресурсами	Деградация земель, лесов и природных компонентов; истощение минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов	Резкое ухудшение экологической ситуации	Деградация экологических систем, истощение и нерациональное использование природных ресурсов	Ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегических полезных ископаемых



Окончание табл. 1

Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Неуправляемая и нелегальная миграция, отток образованно-научного и культурного потенциала	Активизация миграционного процесса, рост нерегулируемой миграции в страну	Неконтролируемая и нелегальная миграция	Нерешенность вопросов регулирования внешней и внутренней миграции. Внешняя миграция – источник валютных переводов в страну, но отток населения в связи с принятием гражданства страны проживания; незаконная деятельность иммигрантов в Киргизии; стихийная внутренняя и приграничная миграция вдоль южной границы	Незаконная миграция
–	Недостаточный масштаб и уровень внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий. Нарушение функционирования критически важных объектов информатизации	Снижение уровня защищенности информационных структур страны, а также национальных ресурсов от несанкционированного доступа и информационного воздействия на общественное и индивидуальное сознание, связанное с искаженным распространением недостоверной информации	Недостаточное развитие информационно-коммуникационных технологий и слабая защита информационных структур	Уязвимость информационной инфраструктуры

Автор таблицы – Красавина Л.Н.

Источники:

1. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Утверждена Президентом Республики Армения 26.01.2007.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010.
3. Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.04.2016.
4. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Указ Президента Кыргызской Республики от 13.07.2012.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015.

3. Социальная безопасность.

Отметим, что в странах ЕАЭС показатели социальной безопасности учитываются в контексте проведения экономической и социальной политики, направленной на обеспечение макроэкономической и социальной стабильности и минимизации угроз, связанных с ростом безработицы, в том числе нерегистрируемой и скрытой, и низким индексом развития человеческого капитала;

В Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» подчеркнуто, что этот документ определяет основные проблемы, угрозы, стратегические цели, целевые индикаторы, показатели результатов по ее обеспечению. В их числе следующие индикаторы:

1. В реальном секторе экономики:

- Стабильное и устойчивое развитие национальной экономики, в том числе ее индустриально-инновационной составляющей.

• Финансовая, энергетическая, продовольственная, транспортная независимость Казахстана.

- Диверсификация экономики.
- Повышение конкурентоспособности товаров и услуг.

• Сокращение масштабов теневой экономики.

2. В финансовом секторе экономики:

• Непревышение допустимого уровня дефицита госбюджета и увеличения внешнего долга свыше размеров, установленных Законом «О республиканском бюджете».

- Бесперебойное функционирование финансовой системы, в том числе обращение тенге на всей территории страны.
- Неконтролируемый вывоз капитала.
- Необоснованное повышение цен на товары и услуги.



В Концепции национальной экономической безопасности Кыргызской Республики выделены ее основные пороговые значения и индикаторы.

1. *В реальном секторе экономики:*

- Темпы роста и структура ВВП.
- Доля в ВВП инвестиций в основной капитал.
- Уровень инновационной активности промышленного производства.

- Развитие информационных технологий и телекоммуникаций.

2. *В финансовом секторе экономики:*

- Темп инфляции.
- Дефицит госбюджета.
- Доля платежей по обслуживанию госдолга

в доходах республиканского бюджета.

3. *Основные социальные индикаторы национального благополучия:*

- Индекс развития человеческого капитала.
- Доля безработицы у экономически активного населения.

- Децильный коэффициент (соотношение доходов 20% наиболее и 20% наименее обеспеченного населения).

- Коэффициент депопуляции (внешняя и внутренняя миграция населения).

- Обеспечение ресурсами здравоохранения и образования населения.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определены следующие индикаторы экономической безопасности:

1. *В реальном секторе экономики:*

- ВВП на душу населения.
- Доля расходов в ВВП на развитие науки, техники и образования.
- Относительно устойчивая макроэкономическая ситуация.
- Рост экономики.
- Поддержка реального сектора экономики.
- Повышение конкурентоспособности экономики.

2. *В финансовом секторе экономики:*

- Укрепление финансовой системы, ее суверенитета.
- Устойчивость валютного курса рубля.
- Оптимизация валютного регулирования и валютного контроля.
- Снижение уровня инфляции.
- Развитие инфраструктуры финансовых рынков.
- Снижение банковских процентных ставок.
- Повышение доступности кредитов за счет долгосрочных ресурсов.

- Повышение прямых иностранных инвестиций.

- Привлечение внутренних накоплений.

- Деофшоризация экономики.

- Возврат российского капитала и сокращение его вывоза за рубеж.

3. *Социальные показатели (в контексте социально-экономической политики, направленной против угроз национальной экономической безопасности России):*

- Децильный коэффициент соотношения 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного.

- Уровень безработицы.

- Повышение качества жизни российских граждан.

- Противостояние коррупции и преступности.

- Развитие человеческого капитала.

- Незаконная миграция.

В Стратегии безопасности Республики Армения (от 26.01.2007) не выделены индикаторы национальной экономической безопасности, но классификация стратегических угроз (см. табл. 1) дает основания полагать, что они имеют схожие характеристики с другими странами ЕАЭС.

Сравнительная характеристика угроз и индикаторов национальной экономической безопасности стран ЕАЭС свидетельствует одновременно об их сходстве и национальной специфике. В этой связи актуальна проблема соотношения национальных интересов и интеграционного взаимодействия в аспекте национальной экономической безопасности. По оценке критиков евразийского экономического объединения, интеграционное взаимодействие государств-участников на региональном уровне разрушает их национальную безопасность, так как ограничивает их национальные суверенные права. В целях опровержения такой негативной оценки рассмотрим, как в концепциях и стратегиях национальной безопасности и в Договоре о ЕАЭС трактуется влияние членства государств в Евразийском экономическом союзе и, следовательно, их интеграционного взаимодействия на национальную безопасность.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации дана обстоятельная оценка евразийской интеграции: «Формирование Евразийского экономического союза открыло новый этап интеграции на евразийском пространстве. Российская Федерация всемерно способствует



укреплению Союза в целях дальнейшей интеграции, стабильного развития, всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик государств — членов Союза в рамках глобальной экономики, а также в целях повышения жизненного уровня их населения, обеспечения свободы перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов».

В Концепции национальной безопасности Белоруссии (2010, с дополнениями от 30.12.2011 и 24.01.2014) выделены национальные интересы участия в евразийской интеграции — «формирование полноценного, без искусственных изъятий и ограничений эффективного и взаимовыгодного Таможенного союза и евразийского экономического пространства в рамках ЕврАзЭС», а также сделан акцент на укрепление Союзного государства, реализацию имеющегося конструктивного потенциала, стратегию партнерства с Российской Федерацией. В Законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» сделан акцент на «сохранении национальной независимости Республики Казахстан и обеспечении соблюдения национальных интересов в принятии экономических решений, в том числе в рамках наднациональных органов экономической интеграции». В Концепции национальной безопасности Кыргызстана обоснована необходимость предоставления ей преференций для обеспечения устойчивого экономического развития.

Таким образом, в концепциях и стратегиях национальной безопасности стран евразийской интеграции доминирует защита национальных интересов. Такая позиция закреплена также в Договоре о ЕАЭС: подписавшие его пять стран выразили убежденность, что дальнейшее развитие интеграции соответствует их национальным интересам.

Это проявилось в их интеграционном взаимодействии по согласованию основных показателей макроэкономической стабильности в Договоре о ЕАЭС. Кроме того, для защиты приоритета национальных интересов в Договоре о ЕАЭС включена оговорка о неприменении в интеграционном процессе действий, способных нанести ущерб национальной экономике и национальной безопасности государств-членов. Однако акцент на приоритет национальных интересов должен сочетаться с использованием преимуществ ре-

гионального регулирования экономики, которое обеспечивает реализацию совместных проектов с учетом интересов государств — участников евразийской интеграции.

По мнению авторов, для снижения риска нанесения ущерба интеграционными действиями национальным интересам государств — участников ЕАЭС целесообразно внести следующие уточнения в рассматриваемую оговорку в Договоре о ЕАЭС: *о неприменности несогласованных с государствами — членами интеграционных действий, способных нанести ущерб их национальной экономике и национальной безопасности*. Принцип согласования интеграционного взаимодействия стран ЕАЭС важен не только для соблюдения данной оговорки и снижения риска замедления интеграционного процесса, но и для реализации преимуществ совместного преодоления современного комплекса вызовов (национальных, региональных, глобальных) и достижения показателей (индикаторов), указанных в концепциях и стратегиях их национальной безопасности.

В рассматриваемых концепциях и стратегиях значительное внимание уделено информационной безопасности. Это определяет целесообразность отражения в управляющих документах и нормативно-законодательных актах ЕАЭС проблемы противодействия потокам дезинформации, которая наносит ущерб национальной экономической безопасности и авторитету Евразийского экономического союза. Это положение особенно актуально в условиях роста глобальной нестабильности, поэтому необходимо учитывать, что при решении проблем обеспечения национальной экономической безопасности государствам — участникам ЕАЭС придется столкнуться с вызовами и угрозами не только регионального, но и глобального уровня. Поэтому крайне важно ранжировать эти вызовы и угрозы с точки зрения их влияния на интеграционные процессы в ЕАЭС. Понятно, что развитые страны и в первую очередь США не заинтересованы в создании эффективного интеграционного объединения на евразийском пространстве, и они будут всячески содействовать центробежным тенденциям в его развитии. Так, введение санкций против России со стороны стран Запада оказало негативное воздействие не только на российскую экономику, но и на экономики других государств — членов ЕАЭС, что обусловило рост противоречий между ними [2].



Таблица 2

Индекс глобальной конкурентоспособности национальных экономик стран – членов ЕАЭС

Год	Количество стран	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Республика Кыргызстан	Российская Федерация
2010	139	98 (3,76)	–	72 (4,12)	121 (3,49)	63 (4,24)
2012	144	82 (4,02)	–	51 (4,38)	127 (3,44)	67 (4,2)
2013	148	79(4,1)	–	51(4,41)	121(3,57)	64 (4,25)
2014	144	85(4,0)	–	50(4,4)	108(3,7)	53(4,4)
2015	140	82(4,01)	–	42(4,48)	102(3,83)	45(4,44)

Примечание: перед скобками указано место, которое занимала страна в рейтинге, в скобках количество баллов, подсчитанных в соответствии с методологией ВЭФ.

Источник: The Global Competitiveness Report – 2010–2011; 2012–2013; 2013–2014; 2014–2015; 2015–2016.

Основной макроэкономической проблемой государств – членов ЕАЭС является низкая конкурентоспособность национальных экономик, обусловленная устаревшей технологической базой структурообразующих отраслей обрабатывающей промышленности и невысокими показателями взаимной торговли, что осложняет переход к воспроизводственной модели экономического развития и стимулирование регионального спроса и предложения.

Оценки глобальной конкурентоспособности национальных экономик государств – участниц ЕАЭС экспертами Всемирного экономического форума (ВЭФ) приведены в табл. 2.

Беларусь не входит в данный индекс, так как, по оценке экспертов ВЭФ, в ней не созданы полноценные условия для аналитической работы.

Исходя из данных табл. 2, можно сделать вывод, что, невзирая на сложное экономическое положение, в котором оказалась Россия, ее глобальная конкурентоспособность постоянно повышается. То же самое можно отметить по Казахстану и Кыргызстану. Вычленив непосредственно интеграционную составляющую в данном случае не представляется возможным, но можно предположить, что она играет достаточно весомую роль в повышении конкурентоспособности национальных экономик государств – членов ЕАЭС. Особенно это относится к России и Казах-

стану, которые являлись инициаторами создания Таможенного союза, Единого экономического пространства и ЕАЭС.

В настоящее время, по оценкам международных экономических организаций и независимым экспертным оценкам, существенную угрозу интеграционным процессам в ЕАЭС представляет снижение темпов экономического роста вследствие сохранения структурных диспропорций в национальных экономиках и их зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры. Такая макроэкономическая ситуация в ЕАЭС негативно отражается на национальной экономической безопасности государств-членов и, соответственно, на основных макроэкономических показателях, зафиксированных в Договоре о ЕАЭС, что, в свою очередь, способствует активизации центробежных тенденций в экономической политике государств-членов.

Вместе с тем имеются определенные различия в социально-экономической ситуации государств – членов ЕАЭС. Так, ВВП на душу населения в Киргизии ниже, чем в России, примерно в 9 раз. Обращает на себя внимание и тот факт, что по уровню социально-экономической дифференциации Россия заметно опережает другие государства ЕАЭС. Это свидетельствует о том, что социальная направленность экономики в России выражена гораздо слабее, чем в других странах



ЕАЭС. Так, различие в доходах населения в Беларуси и Казахстане (в отличие от России) осталось на невысоком уровне, и обе страны входят в двадцатку мировых лидеров по коэффициенту Джини.

Крайне нестабильной остается ситуация в финансовой сфере России, что негативно отражается на экономической безопасности других государств – членов ЕАЭС.

Вместе с тем как положительный фактор можно отметить то обстоятельство, что в последние годы доля расходов в ВВП России на развитие науки, технологий и образования в ней существенно выше (1,1% ВВП в 2016 г.), чем в других государствах – участниках ЕАЭС, что в перспективе позволит ей сохранить роль лидера в инновационных процессах на евразийском пространстве. Но данный показатель в России все-таки существенно ниже (в 2–3 раза), чем в развитых странах.

Остается сложной демографическая ситуация в ЕАЭС и положение на рынке труда, но Россия по-прежнему остается привлекательной страной для мигрантов из бывших союзных республик.

Таким образом, угрозы национальной экономической безопасности государств – членов ЕАЭС в последние годы значительно возросли

и, по существующим прогнозам, будут возрастать и в дальнейшем, поскольку возможны значительные изменения геополитической и геоэкономической ситуации как на глобальном, так и на региональном уровнях [3].

Поэтому координация научных исследований по данной проблематике в государствах – членах ЕАЭС и интеграция экспертных оценок, с помощью которых можно выявить и минимизировать угрозы и риски национальной экономической безопасности государств – членов ЕАЭС, будет являться крайне важной задачей. По мнению авторов, исследований по проблематике влияния интеграционных процессов на национальную экономическую безопасность государств – членов ЕАЭС пока недостаточно. Сохраняются различные подходы к интеграционному взаимодействию, обусловленные многими факторами, в том числе и геополитическими. В связи с этим представляется полезным использовать обоснованную критическую оценку евразийской интеграции как стимул ее развития. Это лучше, чем ее восторженная апологетика, учитывая сложный и противоречивый процесс формирования интеграционного взаимодействия стран и состояния национальных экономик государств-участников.

Литература

1. Абалкин Л. И. Россия. Поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука, 2002. С. 86.
2. Иришев Б., Ковалев М. Будущее ЕАЭС: Сложный поиск равновесия и роста. Макроэкономический анализ стартовой ситуации в ЕАЭС. URL: http://www.ratel.kz/perimeter/buduschee_eaes_slojnyiy_poisk_ravnovesiya_i_rosta/ (дата обращения: 11.05.2017).
3. Современное состояние и перспективы экономической интеграции на евразийском пространстве / под общей ред. Л. Н. Красавиной, Н. В. Лукьяновича, Е. Б. Стародубцевой. М.: Эдитус, 2015. С. 186.

References

1. Abalkin L. I. Russia. Search for self-determination. Essays [Poisk samoopredelenija. Oчерki]. Moscow, Nauka, 2002, p. 86 (In Russ.).
2. Irishev B., Kovalev M. The Future of the EAEC: A Complex Search for Equilibrium and Growth. Macroeconomic analysis of the starting situation in the EAEC [Budushhee EAJeS: Clozhnyj poisk ravnovesija i rosta. Makroekonomicheskij analiz startovoj situacii v EAJeS]. URL: http://www.ratel.kz/perimeter/buduschee_eaes_slojnyiy_poisk_ravnovesiya_i_rosta/ (accessed 11 May 2017) (In Russ.).
3. Current state and prospects for economic integration in the Eurasian space [Sovremennoe sostojanie i perspektivy jekonomicheskoy integracii na evrazijskom prostranstve] / ed. L. N. Krasavina, N. V. Lukyanovich, E. B. Starodubtseva. Moscow, Jeditus, 2015, p. 186 (In Russ.).



УДК 339.924
JEL F02

Инициатива большого Евразийского партнерства – новый подход к формированию международных отношений в рамках одного континента на основе сложившихся международных правовых норм и правил*

ЭСКИНДАРОВ МИХАИЛ АБДУРАХМАНОВИЧ,

*д-р экон. наук, профессор, академик РАО, ректор Финансового университета, Москва, Россия
academy@fa.ru*

ПЕРСКАЯ ВИКТОРИЯ ВАДИМОВНА,

*д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор института исследований МЭО, Финансовый университет, Москва, Россия
Vprofessor7970@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется инициатива большого Евразийского партнерства как нового формата развития межгосударственного взаимодействия в условиях многополярности в рамках уже имеющихся правовых норм и правил, принятых международным сообществом в период после Второй мировой войны. Указанная форма партнерства базируется на равноправии взаимодействия и суверенности каждого актора международных отношений, исключает формирование блокового мышления и поиска / формирования образа потенциального врага как движителя развития и обязанности консолидации усилий против него вокруг одной или группы стран. Авторы указывают, что практически все необходимые институты и механизмы для поступательности реализации этой инициативы уже созданы, включая обеспечение международной безопасности и суверенитета каждого актора международных отношений. Одновременно авторы подчеркивают нарастание реального сопротивления фактической реализации этого партнерства со стороны США и ЕС как сторонников монополярности, в том числе путем пропагандистской и заведомо ложной информации, создания взрывоопасных очагов вокруг стран-участниц, разжигания уже имеющихся исторических противоречий между странами до прямого вмешательства по внутренним процессам на основе уже развернутой сети неправительственных организаций и воздействия на образовательный процесс.

Ключевые слова: многополярность; интеграция; национальный суверенитет; межгосударственное сотрудничество; партнерство.

* Статья подготовлена в рамках общеуниверситетской темы Финансового университета на 2017–2018 гг. «Вызовы и задачи обеспечения поступательности развития большого Евразийского партнерства с участием ЕАЭС, КНР, Индии, Пакистана, Ирана, партнеров по СНГ и др. заинтересованных государств».



The Initiative of a Large Eurasian Partnership is a New Approach to the Formation of International Relations within a Single Continent Based on Established International Legal Norms and Rules

ESKINDAROV M.A.,

*Doctor of Economics, Professor, Academician of RAO, Rector of the Financial University, Moscow, Russia
academy@fa.ru*

PERSKAYA V.V.,

*Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Institute for International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
Vprofessor7970@gmail.com*

Abstract. The initiative of the big Eurasian partnership as a new format for the development of interstate interaction in the conditions of multipolarity within the existing legal norms and rules adopted by the international community in the period after the Second World War is analyzed; This form of partnership is based on the equality of interaction and sovereignty of each actor of international relations, excludes the formation of bloc thinking and the search / formation of the image of a potential enemy as a driving force of development and the obligatory consolidation of efforts against it around one or a group of countries; The authors point out that practically all the necessary institutions and mechanisms for the continuity of the implementation of this initiative have already been created, including ensuring international security and the sovereignty of every actor in international relations; At the same time, the authors emphasize the growing real resistance to the actual implementation of this partnership on the part of the US and the EU as proponents of monopolism, incl. through propaganda and knowingly false information, the creation of explosive foci around the participating countries, fomenting the already existing historical contradictions between countries² to direct interference in internal processes on the basis of the already deployed network of non-governmental organizations and the impact on the educational process.

Keywords: multipolarity; integration; national sovereignty; interstate cooperation; partnership.

Впервые инициатива большого Евразийского партнерства прозвучала 17 июня 2016 г. на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, когда Президент РФ В.В. Путин сказал: «Мы совсем недавно в Астане обсуждали это и предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран. И, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений» (<http://kremlin.ru/events/president/news/52178>).

Китай поддержал эту инициативу в течение двух месяцев после ее возникновения, одновременно указав, что, со своей стороны, прорабатывает конкретные меры по ее реализации. Такое партнерство, по мнению китайской стороны, могло бы объединить

страны ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, так как эта инициатива отвечает тенденциям глобализации и общему желанию стран евразийского континента, поскольку речь идет об открытости и углублении сотрудничества во имя развития (<https://russian.rt.com/article/315184-mid-knr-pekín-podderzhal-iniciativu-rossii-po>).

На форуме высокого уровня «Один пояс, один путь», состоявшемся в мае 2017 г. в Китае, В.В. Путин, развивая свою инициативу, обозначил, что нужны свежие, свободные от стереотипов идеи, отказ от обвинительной риторики, взаимных обвинений и упреков, которые лишь усугубляют ситуацию: «Евразия способна выработать и предложить содержательную и позитивную повестку. Это касается обеспечения безопасности, развития отношений между государствами, организации экономики, социальной сферы, систем управления, поисков новых драйверов роста. Россия видит будущее евразийского партнерства



не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. Мы должны показать мировому сообществу пример совместного, новаторского конструктивного будущего, основанного на справедливости, равноправии, уважении национального суверенитета, на нормах международного права и незыблемых принципах Организации Объединенных Наций. ...Считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, „Один пояс, один путь”, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии способно стать основой для формирования большого евразийского партнерства... Мы должны показать мировому сообществу пример совместного, новаторского конструктивного будущего, основанного на справедливости, равноправии, уважении национального суверенитета, на нормах международного права и незыблемых принципах Организации Объединенных Наций» (<http://kremlin.ru/events/president/trips/54504>).

Таким образом, рассматриваемая инициатива призвана выступить в виде прообраза формирования и реализации идеи многополярности в современных условиях в границах одного континента — Евразии. В рамках этой инициативы фактически провозглашаются идеи равноправного взаимодействия и сопряжения национальных интересов стран в процессе развития партнерских связей; формирования площадок обмена опытом и развития и сохранения культурной идентичности; преодоления веками складывающихся противоречий между граничащими друг с другом странами на основе развития диалога и стремления преодоления конфликтов на основе консенсуса и компромиссов, не допуская вмешательства во внутренние дела суверенных государств; разработки общих подходов и нарративов в политике образования всех уровней, которая учитывала бы новые и инновационные наработки мирового сообщества (в том числе Болонского процесса или существовавших в рамках СССР методик), но была бы ориентирована на развитие интеллектуального и духовного уровней обучающихся, на развитие логики и умения принимать решения на основе профессионализма, на формирование гармоничной личности XXI в., которая свободно и осознанно выбирает свой жизненный путь, уважая исторические и культурные традиции, национальные корни, сохраняя свои идентичность в многообразном мире.

В области развития международного экономического сотрудничества эта инициатива будет базироваться на максимально возможном использовании преимуществ многостороннего регулирования мировой торговли, движения инвестиций, экологического партнерства и сотрудничества в области преодоления климатических изменений с учетом уже согласованных норм в рамках ВТО. Также будут выработываться согласованные решения на уровне межгосударственного партнерства с сохранением права и возможности национального государственного регулирования и реализации национальных интересов, в том числе в области социальной политики.

Характерно, что данная инициатива направлена на охват так называемых развивающихся экономик, которые в противовес развитым странам, отказавшимся де-факто от социальной ориентации экономической политики, преследуют цели формирования национальных социально ориентированных государств, направленных на всемерное и последовательное повышение уровня жизни населения и ликвидацию социального неравенства и диспропорциональности в уровнях доходов. При этом все эти страны, как правило, государства с позитивной динамикой роста численности населения в противовес национальным хозяйствам Европы и частично США, имеющим депопуляционный тренд коренного населения и возмещающим дефицит трудовых ресурсов за счет миграционного фактора.

Провозглашенная инициатива — это предложение нового видения мирового порядка будущего, использования принципов мирного сосуществования в условиях перехода к реальной многополярности и построения нового мирового пространства на примере (и в рамках) Евразийского континента.

Инициатива большого Евразийского партнерства предполагает опору на международное право и достигнутые договоренности в рамках принятого ООН плана Устойчивого развития до 2030 г. Особое место в этом плане обращено на взаимодействие на базе развития совместного партнерства. Устойчивость в материалах ООН рассматривается как синоним обретения населением планеты жизнеспособного развития, где особую роль играет партнерство, в том числе в рамках региональной интеграции (<https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/8151Interactive%20Dialogue%20%203%20-%20Growth%20Industrialization.pdf>).

Развитие региональной интеграции переориентирует мировой воспроизводственный процесс на раз-



вите региональных воспроизводственных цепочек, а они должны учитывать различные национальные условия и специфику странового, религиозно-этнического, культурного развития. Развитие партнерских связей в условиях полицентризма — это взаимодействие, направленное на сохранение и поддержание паритета сил и выстраивание взаимоотношений на основе не только добрососедства, но и взаимодействия «равных» участников как базового принципа партнерства. Этот подход исключает главенство одного партнера над другими, диктат интересов одной державы другим контрагентам. Доказательством реальности названных положений служит **Итоговое Коммюнике Первого Международного Экономического Форума** «Один пояс, один путь», принятое главами государств и правительств 30 стран мира (URL: <http://tass.ru/ekonomika/4252765>). В нем особо выделены пять ключевых принципов дальнейшей кооперации участников: равноправные консультации, взаимная выгода, гармония и толерантность, рыночные механизмы, сбалансированность и стабильность. Согласно **Коммюнике** члены форума обязались проявлять уважение к принципам и резолюциям Совета Безопасности ООН, нормам внутреннего законодательства, территориальной целостности и суверенитету государств-партнеров, а также осуществлять планирование и реализовывать проекты сотрудничества исключительно путем консультаций и переговоров. Стороны также обязались учитывать интересы, естественные и культурные различия, признавать специфику друг друга. Все участники форума заявили о важности роли рынка и справедливых деловых механизмов, а также руководящей роли национальных правительств, играющих ключевую роль в осуществлении открытой, прозрачной и недискриминационной политики.

Члены форума подчеркнули важность экономической, социальной, фискальной, финансовой и экологической составляющей дальнейших совместных проектов, поддержания высоких нормативов и стандартов, устойчивого экономического роста, общественного прогресса и защиты окружающей среды при их реализации.

Полицентризм исключает доминирование интересов сторон над остальными участниками глобального партнерства и тем более — использование ресурсного и технологического потенциалов, человеческого капитала для целей развития одной страны или группы стран. Другими словами, многополярность исключает «паразитизм» развития за счет других.

При таком партнерстве исключаются требования:

- снижения роли национального государства в регулировании экономик;
- повышения доли платных всех услуг в формировании ВВП страны;
- доминирования экономических интересов одной страны или ее крупных компаний над интересами других партнеров.

В этой связи идея всеобъемлющего регионального экономического партнерства может рассматриваться как форма содействия реализации проектов в рамках Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), включая его морскую составляющую (инициатива России, позволяющая сократить время в пути из Северной Европы и Сибири в Азию), строительства трубопроводов и других транспортных путей и пр., т.е. проектов взаимного интереса, позволяющих реализовывать национальные интересы и развивать хозяйственные потенциалы стран. Это партнерство базируется на использовании уже существующих согласованных международно-правовых норм (в том числе в рамках ВТО, региональных соглашений торгово-инвестиционного характера или “Free Trade Agreement+”). Таким образом, укрепление межгосударственных связей предполагает оптимизацию механизма взаимодействия как на уровне правительств, так и в рамках межгосударственных финансово-экономических организаций.

Евразийский экономический союз, основанный Беларуссией, Арменией, Казахстаном, Киргизией и Россией, рассматривает развитие взаимодействия стран ЕАЭС на базе **сохранения целостности национальных законодательных систем стран — участниц** Союза. Целями создания ЕАЭС являются: всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик; создание условий стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов (<http://будущее-арктики.рф/stati/severnyj-morskoj-put-stati>). Этот Союз открыт для привлечения новых членов, для подписания соглашений о Зонах свободной торговли и инвестиций. Деятельность ЕАЭС базируется на принципах рыночной экономики и добросовестной конкуренции, подразумевающих законность и открытость, гласность и объективность. В целом ЕАЭС провозгласил реализацию четырех свобод движения — товаров, услуг, капитала и рабочей силы (http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_ar2014.pdf).

Все это является привлекательным фактором для партнеров Евразийского континента.

Цель партнерства в рамках Евразийского континента — это консолидации усилий государств и совместное преодоление кризисных процессов, формирование условий для подъема и развития национальных экономик, направленное на повышение уровня и качества жизни людей.

Достижение цели обуславливает, наравне с интеграционным взаимодействием, консолидацию усилий в области безопасности и борьбы с угрозой терроризма в том числе — на основе расширения международной организации ШОС, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) или форума / организации для координации усилий и взаимодействия по направлениям, отвечающим национальным интересам стран БРИКС. При этом необходимо подчеркнуть, что потенциал нового формата континентального международного партнерства кроется не в бюрократизации, а в повышении координации взаимодействия.

Интеграционный проект Евразийского экономического союза способен выступить в роли эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, так как ЕАЭС — это форма интеграционного взаимодействия, которая *не преследует* цели постепенной передачи национального суверенитета на наднациональный уровень и перехода к политическому союзу, прообразом которого является ЕС. Поэтому попытка приравнять ЕАЭС к процессу возрождения Российской империи или СССР, что свойственно сегодня демократическому истеблишменту США, равносильна элементарному непониманию или преднамеренному извращению реальной ситуации. Более того, противники ЕАЭС в США и ЕС рассматривают в качестве инструмента противостояния уже получившую развитие в странах ЕАЭС сеть некоммерческих неправительственных организаций и образовательный процесс, т.е. апеллируют к молодежи, причем подросткового возраста [1].

Формальных препятствий на пути согласования и единообразного развития векторов экономического взаимодействия стран ШОС и ЕАЭС не существует. Для этого имеются все необходимые предпосылки: большой природный и экономический потенциал, относительно недорогая рабочая сила и энергоресурсы, производственно-технологическая взаимосвязь, общая транспортная инфраструктура. По территории ЕАЭС проходит самый короткий сухопутный и морской (через Ледовитый океан) путь из Европы в Юго-Восточную Азию.

Процессы глобализации делают Евразийский континент, в силу его особого географического, природного, стратегического и экономического положения,

потенциальным центром мировой геополитической системы. Особое внимание при этом должно быть уделено преодолению «топливно-сырьевого уклона» в формировании единого экономического пространства, в связи с чем необходимо, полагаем, перечень сфер и отраслей национальных экономик, где нужна промышленная кооперация с сокращением издержек производства и сбыта, или взаимовыгодный обмен товарами и услугами.

Другими словами, страны-участницы могут придерживаться общего вектора экономического взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС — интеграции вглубь и вширь, диверсификации промышленно-отраслевой структуры и выпускаемого ассортимента продукции, повышения как собственной национальной конкурентоспособности, так конкурентоспособности товаров и услуг на внешних и внутреннем рынках.

Таким образом, проекты в рамках ЭПШП, региональное торгово-экономическое взаимодействие государств — членов АТЭС, ЕАЭС и АСЕАН+, как и расширение числа участников ШОС или ОДКБ — все это взаимосоставляющие элементы большого Евразийского партнерства, попытка формирования новой системы взаимодействия на основе существующей системы ООН и международного права, исключаящей блоковость мышления и необходимость противостояния партнеров.

Однако в настоящее время отношение западного экспертного сообщества к этой инициативе не столько скептическое, сколько резко негативное, поскольку предпринимаются реальные шаги по представлению альтернативного видения мирового порядка.

В частности, представители экспертно-аналитической McKinsey & Company, резюмируя значимость мероприятия «Один пояс, один путь», обратили внимание на готовность и способность других стран континента принять китайскую модель развития, в том числе — инфраструктуры и возможности ее адаптации к условиям прочих государств [8]. Таким образом, проводится мысль, что это «мягкая сила КНР» — подчинить себе целый континент. Аналогия проводится в сравнении с планом Маршалла, который обусловил регенерацию Европы после Второй мировой войны, фактически унифицировав ее и стандартизовав под требования США. В силу отсутствия реальных денежных средств у стран, в том числе у КНР, для обеспечения амбициозных планов инициатива вряд ли будет успешной. Это фактически становление Китая как мировой державы.

Достаточно проблематичным представляется и процесс дивергенции в рамках АСЕАН. В ком-

ментариях CNN, к примеру, говорится, что новая политика Шелкового пути Китая ставит геостратегические задачи, но и предлагает некоторые возможности для США и их союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для компенсации западной направленности Китая США стремятся разработать глобальную стратегию «альянса» с целью поддержания равновесия власти в Евразии, чтобы исключить сильное партнерство России и Китая или Китая и Евросоюза, которые в основе своей базируются на экономическом сотрудничестве (<http://edition.cnn.com/profiles/james-griffiths>). Например, Конвенция ООН по морскому праву уже сейчас под угрозой. Чтобы противостоять этим вызовам, необходимо преобразование ЕС в более сильную структуру, принять на себя больше ответственности в области обороны и безопасности, включая содержание НАТО (<http://edition.cnn.com/profiles/james-griffiths>). Авторы исследования указывают, что «согласно учению Сунь-Цзы, величайшее искусство заключается в победе без боя», и, осознавая свою военную неполноценность перед США, Китай хочет создать благоприятные условия в стратегической среде для достижения основных целей, не прибегая к силе. Но КНР свойственно отсутствие прозрачности в политике, в том числе в Южно-Китайском море, что отрицательно сказывается на доверии возможных партнеров» ([http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA\(2017\)578014_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA(2017)578014_EN.pdf)).

Инициатива «Один пояс, один путь» рассматривается американскими экспертами в качестве стратегической программы, которая дает КНР условия формирования регионального механизма безопасности и прямой доступ к Индийскому океану.

США рассматривают КНР как серьезный вызов своим интересам в Восточной Азии, и, следовательно, необходима стратегия разъединения возможной консолидации сил в Евразии. Позиции Индии и Сингапура представляются наиболее оптимальными в силу усиления конфронтации на базе партнерства КНР и Пакистана. Цель США — в обозримом будущем сохранить верховенство во всем регионе военно-морского флота совместно со своими союзниками ([http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA\(2017\)578014_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA(2017)578014_EN.pdf)).

Возможностей России также недостаточно, чтобы обеспечить процветание государств ЕАЭС и стран Центральной Азии. Если поддержка не будет включать ценовой фактор, то Россия будет поставлена в условия риска своей независимостью. Подъем Китая

предоставляет альтернативу этим странам, которые смогут выбирать партнеров в более широком диапазоне, обеспечивая себе выгоду. Инициатива для стран Центральной Азии — это привлекательный проект, так как она нацелена на стимулирование связей, на содействие развитию торговли, инвестиций и инфраструктуры [2]. Европейский парламент, в свою очередь, оценивает указанную инициативу Евразийского континента с позиции силового давления и обязательности «твердо стоять на своих нормах и ценностях при обсуждении вопросов в первую очередь с Китаем». Государства — члены ЕС в соответствии с документом «Проблемы свободы морей и морской конкуренции в Азии» ([http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA\(2017\)578014_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA(2017)578014_EN.pdf)) должны понимать, что надо думать о своих непосредственных интересах, и в случае согласия стран ЕС на общую политику, они должны вступить в конкурирование с великими державами. Страны — члены ЕС должны понимать, что им необходимо увеличить свой оборонный бюджет и свой вклад в расходы и повысить свою ответственность внутри НАТО ([http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA\(2017\)578014_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/578014/EXPO_IDA(2017)578014_EN.pdf)).

Таким образом, инициатива большого Евразийского партнерства — это альтернативный подход и существенный вызов монополярности, которому будут препятствовать страны «золотого миллиарда», в том числе ограничивая предоставление финансового участия со стороны Группы ВБ и других финансовых институтов.

Эта инициатива, по оценке Zhao Bingxing, еще не являет собой единообразный подход, удовлетворяющий всех партнеров. Каждая страна имеет свои позиции — все зависит от рассмотрения конкретных факторов, в том числе экономической, геополитической, идеологической и т.д. составляющих. Эта инициатива предлагает больше возможностей для малых и средних развивающихся государств, чем крупные державы или западные страны [2].

В связи с вышеизложенным полагаем целесообразным следующие положения:

1. Инициатива большого Евразийского партнерства — это не предложение «руководителям» существующего мирового порядка, направленное на расширение зон влияния супердержав (по аналогии с Транс-Тихоокеанским или Трансатлантическим торгово-инвестиционными партнерствами, направленными на принципиальные изменения норм и правил международного экономического взаимодействия,



еще более высокую, де-факто, поляризацию развития между развитыми и развивающимися экономиками, рост диспропорциональности доходов) или форма борьбы и противостояния возрождающихся новых держав.

Это предложение по реализации на практике принципов многополярности в рамках одного континента — Евразии как формы устойчивого мирового развития в предстоящие годы.

2. Указанная инициатива четко сформулировала принципы, на базе которых будет развиваться это партнерство: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела партнеров; равенство всех взаимодействующих субъектов, в том числе на уровне межгосударственного диалога, и взаимная выгода; обеспечение мирного сосуществования и безопасности для всех и каждой страны в частности; сохранение национальной идентичности каждого государства, наций и народностей в нем, признание исторической преемственности, традиций, культуры, языкового многообразия и религиозной свободы. Данная инициатива не предполагает унификации и стандартизации всех видов национальных политик, формализации требований к системам образования на всех уровнях, радикального изменения международного права и реформирования сложившейся системы ООН как организации, позволяющей эффективно решать поставленные на межгосударственном уровне проблемы планетарного масштаба.

3. Для успешного продвижения инициативы большого Евразийского партнерства фактически уже сформированы все необходимые межгосударственные организации, включая банковскую сферу, и площадки, позволяющие достигать консенсуса национальных политик и формировать механизмы, которые обеспечат реализацию намечаемых проектов в рамках поддержания устойчивого и поступательного развития, его динамизма в целях повышения уровня жизни населения стран континента.

Интеграция в рамках инициативы выступает как форма сотрудничества, позволяющая обеспечить

взаимный товарообмен, согласование технических стандартов производимой и используемой продукции и услуг, взаимодополняющее партнерство и одновременно обеспечивающая реализацию национальных интересов и стратегий развития каждой из стран. Она не направлена на утрату национального государственного суверенитета или тем более уменьшение роли собственного государства в регулировании национальных экономик и процессов общественного развития. Базой в рамках этой инициативы может явиться ЕАЭС, т.е. разработанные механизмы сопряжения интересов ЕАЭС и стран АТЭС; ЕАЭС и проектов ЭПШП.

4. Однако в современных условиях со стороны стран, стоящих у истоков формирования многополярности, противостояние реализации этой инициативы будет усиливаться. Евросоюз как часть Евразийского континента будет институционально усиливаться, укрепляя внутри себя позиции наднациональности и снижения роли национальных государств, роста административного и силового (в том числе военного) потенциалов, постепенно формируя свою независимую от США внешнюю политику (https://www.brookings.edu/research/india-and-the-united-states-in-the-trump-era-re-evaluating-bilateral-and-global-relations/?utm_campaign=Foreign%20Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=53228257).

В этой связи только отдельные государства ЕС смогут участвовать в реализации континентальной инициативы исходя из своих национальных интересов и способности истеблишмента выстраивать независимую от аппарата ЕС стратегию. Рассчитывать в ближайшее время на возможность создания единого пространства от Лиссабона до Владивостока, полагаем, пока преждевременно. Только отдельные государства смогут принимать участие в реализации конкретных проектов в рамках инициативы большого Евразийского партнерства, о чем свидетельствует, например, количество участников со стороны ЕС в работе форума «Один пояс, один путь», состоявшегося в мае 2017 г.

Литература/References

1. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации. М.: Экономика, 2016. С. 331–371.
Perskaja V.V., Jeskindarov M.A. Integration in conditions of multipolarity. Evolution of theory and practice of implementation [Integracija v uslovijah mnogopoljarnosti. Jevoljucija teorii i praktiki realizacii]. Moscow, Jekonomika, 2016, pp. 331–371 (In Russ.).
2. Bingxing Z. The Belt and Road Initiative: Another Case of “China Mode”? Global research. Available at: <http://www.globalresearch.ca/author/zhao-bingxing> (accessed 27 may 2017).



УДК 339.54

Развитие торгово-экономических отношений России и ЕС: временные затруднения или начало долгосрочного кризиса

СУМАРОКОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ,*д-р экон. наук, профессор, советник при ректорате Финансового университета**VSumarokov@fa.ru***МАРГАНИЯ ЛАДО ОТАРОВИЧ,***аспирант Департамента мировой экономики и международных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия**lado2901@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются проблемы и перспективы развития торгово-экономических отношений России и ЕС. Со времен распада СССР Европейский союз является торговым партнером номер один для России, с другой стороны, Российская Федерация в разные годы является третьим или четвертым наиболее важным торговым партнером для Евросоюза. Автор оценивает развитие взаимной торговли, рассматривая динамику, баланс, товарную структура на современном этапе. Кроме того, дается оценка инвестиционному сотрудничеству РФ со странами ЕС. Особое внимание уделяется влиянию политических противоречий, возникших в отношениях между Россией и ЕС, и перспектив минимизации этого негативного влияния.

Ключевые слова: Российская Федерация (Россия); Европейский союз (Евросоюз, ЕС); торговые отношения; экспорт; импорт; товарооборот; торговый баланс; структура торговли; инвестиционное сотрудничество; кризис в Украине, санкции.

The Development of Trade-Economic Relations between Russia and the EU: Temporary Difficulties or the Beginning of a Long-Term Crisis

SUMAROKOV V.N.,*Doctor of Economics, Professor, Adviser at administration of the Financial University**VSumarokov@fa.ru***MARGANIYA L.O.,***post graduate the Department of world economy and international finance, Financial University, Moscow, Russia**lado2901@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the problems and prospects of development of trade-economic relations between Russia and the EU. Since the collapse of the Soviet Union the European Union is trade partner number one for Russia, on the other hand, the Russian Federation is in different years is a third person or fourth most important trading partner for the EU. The author evaluates the development of mutual trade, considering the dynamics, the balance of products at the present stage. In addition, an assessment of investment cooperation of the Russian Federation with the countries of the European Union. Special attention is paid to the influence of political contradictions that have arisen in relations between Russia and the EU, and prospects for minimizing this negative influence.

Keywords: Russian Federation (Russia); the European Union (EU); trade relations; export; import; trade; trade balance; structure of trade; investment cooperation; the crisis in Ukraine; sanctions.



История отношений

Торговые отношения России со странами ЕС имеют очень долгую историю. Первое российское национальное государство (Киевская Русь), основанное в IX в., установило торговые отношения со странами Западной и Центральной Европы. Конечно, большую роль играло географическое положение. Известный транзитный маршрут «Из варяг в греки» связал Россию с основными торговыми партнерами в Европе. Однако в середине XIII в. Россия лишилась доступа к Черному морю, а в начале XVII в. — и к Балтийскому морю, потевряв наиболее удобный способ перевозки грузов от европейских соседей и до них.

Ситуация изменилась в начале XVIII в. после успешных сражений во время Северной войны и основания города и морского порта Санкт-Петербург. Политика Петра Великого привела к широкомасштабному развитию торговли с европейскими странами. С XIX и вплоть до начала XX в. минералы (металлы, руды металлов, сырая нефть) начинают играть все более важную роль в российском экспорте. Импорт из европейских стран становится все более и более зависимым от машин и химических продуктов.

В XIX — начале XX в. Россия стала привлекательным рынком для привлечения иностранного (почти исключительно европейского) капитала. Европейские иностранные инвестиции, в первую очередь британские, французские, бельгийские, немецкие и др., способствовали созданию целого ряда отраслей российской промышленности (транспортного, энергетического и тяжелого машиностроения, значительной части подотраслей металлургической, химической, текстильной, пищевой и др.).

Начиная со второй половины 1940-х гг. и до конца советского периода, в 1991 г., страны Центральной и Восточной Европы — члены СЭВ — были абсолютными лидерами среди основных торговых партнеров СССР. Доля членов СЭВ в советской торговле была равна 60–65% (Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/9322>). Следующими наиболее важными торговыми партнерами СССР после СЭВ были страны Западной Европы (в основном члены ЕЭС/ЕС). В эти страны СССР поставлял в основном минералы и некоторые другие традиционные продукты (лесного хозяйства и др.). Импорт в основном был представлен продукцией машиностроения, химической промышленности, товарами народного потребления и продовольствием.

После распада СССР Российская Федерация начала новый этап в отношениях с Европейским союзом. В 1989 г. доля торговли со странами — членами СЭВ составила у СССР 55,8%, но уже по результатам 1992 г. доля этой группы стран в товарообороте Советского Союза снизилась до 23,7%. Уже с 1992 г. ЕС стал самым важным торговым партнером для постсоветской России. Доля стран Европейского союза в российском внешнеторговом обороте выросла до уровня 37,2% (Сайт Федеральной таможенной службы. URL: <http://stat.customs.ru/>).

Роль ЕС в российской внешней торговле не испытывала значительного изменения в течение 1990-х гг. В российском экспорте в период 1992–2000 гг. доля стран ЕС даже снизилась (с 38,3 до 35,6%). В импорте РФ доля стран Европейского союза за тот же период снизилась еще заметнее (с 38,8 до 32,8%). Страны Центральной и Восточной Европы (большинство из которых впоследствии стали членами ЕС) за тот же период также снизили свою долю в импорте в Россию (с 10,8% в 1992 г. до 7,2% в 2000 г.). Однако этой группе стран удалось незначительно увеличить экспорт в Россию (с 17,3% в 1992 г. до 17,4% в 2000 г.). Основными причинами снижения объемов взаимной торговли были отрицательный рост экономики России, обвал курса рубля в 1990-е гг. и падение мировых цен на нефть, газ, а также цен на металлы в течение десяти лет. Правовой основой для развития торгово-экономических отношений ЕС и России на протяжении более чем десяти лет было «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве». Оно было подписано в 1994 г. и вступило в силу 1 декабря 1997 г.

Товарная структура торговли России с ЕС в 1990-е гг. определялась международным разделением труда. Будучи богатой природными ресурсами, Россия традиционно экспортирует в ЕС сырую нефть, природный газ, металлы, руды металлов, другие полезные ископаемые, необработанную древесину. Имея развитое машиностроение, химическую и другие отрасли промышленности с высоким уровнем добавленной стоимости, ЕС экспортирует в Россию средства транспорта, промышленное и другое оборудование, офисную технику, химическую продукцию, товары народного потребления и переработанные продукты питания. В 1994 г. доля топлива в российском экспорте составила 42,2%. В 1998 г. она снизилась до 35,1% в основном из-за резкого падения международных цен на нефть. Но даже после этого топливо остается наиболее важным продуктом российского экспорта. Второе



место в товарной структуре российского экспорта в ЕС принадлежало промышленным товарам, среди которых черные металлы играли наиболее важную роль с долей 21,3% в 1994 г. и 23,9% в 1998 г. Третьим наиболее важным продуктом российского экспорта в ЕС были минералы, за исключением топлива, с долей 8,4% в 1994 г. и 11,3% в 1998 г. Доля машин в российском экспорте в ЕС была очень низкой: 2,3% в 1994 г. и 1,8% в 1998 г. (Сайт Федеральной таможенной службы. URL: <http://stat.customs.ru/>).

Товарная структура экспорта стран ЕС в Россию в 1990-е гг. была почти противоположной структуре импорта из России. Лидирующая позиция принадлежала продукции машиностроения с долей 39,5% в 1994 г. и 37,7% в 1998 г. Второе место в товарной структуре экспорта ЕС в Россию принадлежало прочим промышленным товарам с долей 25,1% в 1994 г. и 28,7% в 1998 г. Продовольственные товары были также очень важны для экспорта ЕС в Россию, их доля составляла 22,3% в 1994 г. и 17,4% в 1998 г. Химическая продукция занимала четвертое место с долей 8,7% в 1994 г. и 11,1% в 1998 г. Данные по взаимной торговле ЕС и РФ в 1990-е гг. представлены в *табл. 1 и 2*.

Таким образом, за все время развития до конца XX в. торговля между Россией и странами Европейского союза испытывала периоды как роста, так и спада в силу влияния политических, конъюнктурных и других факторов. При этом товарная структура взаимной торговли оставалась достаточно стабильной.

Торговые отношения Россия — ЕС в 2000-е гг.

Оценивая торговлю между Россией и Европейским союзом в 2000-е гг., стоит отметить, что в новом тысячелетии число членов Евросоюза существенно изменилось. Очень важное изменение произошло в 2004 г. в связи расширением ЕС на Восток и Юг. С 1 мая 2004 г. десять новых стран с общим населением около 75 млн человек присоединились к ЕС. Европейский союз сформировал экономическое пространство, на котором стало проживать 450 млн граждан, включая жителей трех бывших советских республик (Эстония, Латвия и Литва), четырех бывших членов СЭВ (Польша, Чехия, Венгрия и Словакия), одной бывшей югославской республики (Словения) и двух средиземноморских островов (Кипр и Мальта). Поскольку число стран Центральной и Восточной Ев-

ропы среди членов ЕС существенно выросло, торговля России с ЕС получила импульс к интенсивному развитию. После преобразования из ЕС-15 в ЕС-25 большая часть российской торговли со странами Центральной и Восточной Европы стала торговлей между Россией и ЕС. В 2007 г. Болгария и Румыния стали 26-й и 27-й странами — членами Европейского союза, что также привело к интенсивному росту торговли России с ЕС, но менее значительному по сравнению с 2004 г. Последнее расширение (присоединение Хорватии в 2013 г.) оказало еще меньшее позитивное влияние на рост торговли между Россией и ЕС.

Статистические данные, представленные в *табл. 3*, показывают, что торговые отношения России и ЕС в 2000–2012 гг. испытывали устойчивый рост с единственным исключением в 2009 г. Вышеуказанные тенденции были основаны главным образом на росте российской экономики в период с 2000 по август 2008 г. и с 2010 по 2013 г., (The World Bank Database. URL: <http://data.worldbank.org/>). Спад, начавшийся во второй половине 2008 г. и продолжавшийся в 2009 г., был, очевидно, спровоцирован глобальным кризисом и его последствиями в отношении мировых цен на нефть (основной товар). Цены на сырую нефть и другие полезные ископаемые снизились из-за падения спроса во всех основных импортирующих странах, пострадавших от глобального кризиса. Будучи крупным экспортером на российский рынок, ЕС мог бы наслаждаться значительным объемом экспортных поступлений в течение большей части 2000-х гг. В 2000–2012 гг. российский импорт из ЕС вырос почти в 5,5 раза. В то же время существенный рост цен на нефть, газ и другие важнейшие российские экспортные товары привел к увеличению импорта ЕС из РФ в 3,3 раза. Дефицит торгового баланса ЕС с Россией в период 2000–2012 гг. вырос в два раза. Еще один фактор роста взаимной торговли, особенно в 2004–2005 гг. и в 2007 г., был связан с упомянутыми выше расширениями ЕС.

В течение всего периода с начала 2000-х гг. ЕС оставался для России торговым партнером номер один и по экспорту, и по импорту. Доля ЕС во внешнеторговом обороте РФ выросла с уровня менее чем в 37% в 2000 г. до 52,3% в 2008 г. Глобальный кризис внес некоторые негативные коррективы. Доля ЕС снизилась до 49% в 2009 г. Затем она выросла до 49,4% в 2013 г. Как уже отмечалось выше, российский экспорт в Евросоюз (импорт ЕС из России) всегда превышал экспорт ЕС в Россию (российский

Таблица 1

Региональная структура экспорта РФ в 1992–2000 гг., в % от общего объема

Год	1992	1994	1996	1998	2000
Развитые страны	45,8	52,9	47,0	49,9	48,2
в том числе, ЕС	38,3	35,2	32,1	32,6	35,6
Развивающиеся страны	8,4	8,5	12,3	11,5	13,9
СНГ	21,9	22,3	18,7	19,2	13,4
Центральная и Восточная Европа	17,3	11,8	14,8	14,6	17,4

Источник: Goskomstat. URL: <http://stat.customs.ru/>.

Таблица 2

Региональная структура импорта РФ в 1992–2000 гг., в % от общего объема

Год	1992	1994	1996	1998	2000
Развитые страны	54,5	50,0	47,1	50,8	44,7
в том числе, ЕС	38,8	39,8	34,4	36,1	32,8
Развивающиеся страны	11,6	7,8	7,5	9,5	8,4
СНГ	13,1	29,1	31,6	25,9	34,4
Центральная и Восточная Европа	10,8	12,2	8,6	8,9	7,2

Источник: Goskomstat. URL: <http://stat.customs.ru/>.

импорт из ЕС). В 2013 г. в российском экспорте доля ЕС была 54,3%, а в российском импорте ЕС играл относительно меньшую роль с долей 41,9% (The European Union Central Bank Database. URL: <https://www.ecb.europa.eu/stats/html/index.en.html>).

Удельный вес России в импорте ЕС вырос с уровня 6,4% в 2000 г. до 11,4% в 2008 г. Из-за влияния глобального кризиса российская доля в импорте ЕС в 2009 г. снизилась до уровня 9,8%, но с 2010 г. показатель снова начал расти и поднялся до уровня 12,3% в 2013 г. С 2004 г. Россия стала 3-й страной происхождения импорта в ЕС. В 2012 г. Россия опередила США и заняла второе место, уступая только Китаю. Доля России в экспорте Евросоюза выросла с уровня 2,7% в 2000 г. до 8,0% в 2008 г. Хотя глобальный кризис привел к снижению показателя до 6,0% в 2009 г., в течение 2010–2011 гг. российская доля в экспорте ЕС вновь увеличилась (до уровня 7,1%). Но в 2012–2013 гг. снова проявилось некоторое снижение (6,9%). Это сделало Россию четвертым главным экспортным партнером Евросоюза

после США, Китая и Швейцарии (The EU's Trade Relationship with Russia. URL: <http://www.eubusiness.com/topics/trade/homepage/russia>).

Товарная структура торговли России с ЕС в 2000-е гг. имеет очевидные сходные черты с аналогичной структурой 1990-х гг. Вышеуказанное проявление международного разделения труда на основе естественных преимуществ и недостатков привело к очевидным особенностям товарной структуры взаимной торговли. Природные ресурсы продолжают формировать основную часть российского экспорта, а в экспорте ЕС преобладают промышленные товары с высокой добавленной стоимостью.

Нефть, природный газ и нефтепродукты формируют основу российского экспорта в ЕС. В 2000 г. доля топлива в российском экспорте в Евросоюз была равна 56,1%. В 2008 г. она возросла до 69,5% в связи с устойчивым ростом международных цен на нефть. Но даже после падения мировых цен на нефть, с августа 2008 по февраль 2009 г., топливо

Таблица 3

Торговля Россия с ЕС в 2000–2015 (млрд Евро)

Год	Товарооборот	Экспорт РФ	Импорт РФ	Баланс
2000	86,52	63,78	22,74	41,04
2001	97,48	65,88	31,60	34,27
2002	98,91	64,49	34,42	30,07
2003	107,90	70,69	37,21	33,48
2004	129,98	83,95	46,03	37,92
2005	169,29	112,59	56,70	55,89
2006	213,20	140,89	72,31	68,58
2007	233,40	144,27	89,13	55,14
2008	283,13	178,29	104,84	73,45
2009	183,70	118,12	65,58	52,53
2010	246,84	160,70	86,13	74,57
2011	308,27	199,92	108,35	91,56
2012	336,47	213,21	123,26	89,95
2013	326,30	206,50	119,80	86,70
2014	285,50	182,03	103,48	78,55
2015	209,62	135,71	73,91	61,80

Источник: Eurostat.

остаётся наиболее важным экспортным товаром с долей 74,3% по итогам 2009 г. Далее роль топлива в российском экспорте в ЕС продолжает расти и достигает уровня 76,3% в 2012 г. Второе место в товарной структуре российского экспорта в Евросоюз принадлежало промышленным товарам (среди которых наиболее важную роль играли цветные металлы) с долей 11,4% в 2000 г., 7,9% в 2008 г. и 7,59% в 2012 г. Третий наиболее важный элемент российского экспорта в ЕС — минералы, за исключением топлива, с долей 5,7% в 2000 г. и 2,9% в 2008 г. Правда, в 2012 г. этот вид продукции уменьшил свое значение до 1,9%. Снижение доли полезных ископаемых привело к постепенному увеличению доли химических товаров (3,9% в 2000 г., 3,0% в 2008 г. и на том же уровне в 2012 г.). Доля машин в российском экспорте в ЕС была очень мала — 1,7% в 2000 г., 1,0% в 2008 г. и 0,9% в 2012 г. Продовольственные товары играли аналогичную роль с низкой долей — 1,1% в 2000 г., 0,5% в 2008 г. и 0,8% в 2012 г. (Eurostat. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia/).

Товарная структура экспорта Евросоюза в Россию в 2000-е гг. была очень похожа на ту, что имела место в 1990-х гг., а также почти полностью противоположна товарной структуре импорта из России. Лидирующая позиция здесь принадлежала продукции машиностроения с долей 36,9% в 2000 г. и 50,8% в 2008 г. В 2012 г. доля машин стала 49,6%. Второе место в товарной структуре экспорта ЕС в Россию принадлежало другой продукции обрабатывающей промышленности (промышленные и бытовые товары) с долей 30,0% в 2000 г., 24,6% в 2008 г. и 22,2% в 2012 г. Химические товары занимали третье место с долей 14,4% в 2000 г. и 13,2% в 2008 г. В 2012 г. их доля достигла уровня 15,8%. Продовольственные товары также имели относительно большое значение для экспорта ЕС в Россию с долей 12,4% в 2000 г. и 7,2% в 2008 г. В 2012 г. доля живых животных, продуктов питания, масла, напитков и табачных изделий выросла до уровня 8,4%. Важность топлива и других полезных ископаемых для экспорта ЕС в Россию, очевидно, минимальна, с долей 0,5% в 2000 г., 0,6% в 2008 г., 1,1% в 2012 г. (топливо)



Основные экспортеры продовольствия в РФ до и после 2014 г.

Источник: составлено автором по: <http://xn -- b1ae2adf4f.xn -- p1ai/analytics/research/>.

До 2014 г.: 1. Евросоюз. 2. США. 3. Австралия. 4. Канада. 5. Норвегия. 6. Украина.

После 2014 г.:

Латинская Америка: 3. Аргентина. 5. Уругвай. 6. Бразилия. 7. Парагвай. 8. Эквадор.

Юго-Восточная Европа: 9. Турция. 14. Сербия.

Юго-Западная и Восточная Азия: 13. Израиль. 12. Китай.

СНГ: 1. Беларусь. 2. Казахстан. 14. Азербайджан.

Северная Африка: 10. Египет. 11. Марокко.

Океания: 4. Новая Зеландия.

и 3,1% в 2000 г., 1,5% в 2008 г., 1,4% в 2012 г. (другие полезные ископаемые). В 2013 г. ситуация практически не изменилась — в российском экспорте в страны ЕС, по итогам года, доля топлива стала равна 77,7%. В экспорте ЕС в Россию доля машин стала равна 47,4% (Бюллетень социально-экономического кризиса в России, апрель 2016 года. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8884.pdf>).

ЕС играет также ведущую роль среди инвесторов в экономику России. Доля Евросоюза в общем объеме накопленных ПИИ на 2014 г., по данным Eurostat, составляет 75%. Европейские инвестиции работают в большинстве отраслей промышленности и секторов услуг РФ.

Период противостояния (2014–2016 гг.)

В 2014 г. была подорвана стабильность развития торгово-экономических отношений России с Евросоюзом. С этого года для России началась «эпоха санкционных войн» [1]. ЕС наряду с США был пионером этого движения, позднее к санкциям в разной степени присоединились Канада, Швейцария, Черногория, Япония, Исландия, Норвегия,

Австралия, Албания и Украина, позднее Турция (ограничения на торговлю с последней частично уже сняты). Причиной официально стала агрессивная, по оценке Запада, политика России на территории Украины и присоединение Крыма.

ЕС и ряд других иностранных государств ввели запрет на въезд в соответствующие страны для ряда высокопоставленных российских лиц, осуществили комплекс мер, направленных на прекращение финансирования Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) новых проектов в России, приостановление Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) инвестирования в России, прекращение предоставления средне- и долгосрочных кредитов российским заемщикам, ограничение экспорта ряда товаров и техники двойного назначения и предоставления связанных с этим услуг (в том числе технической помощи, посреднических услуг), поставок вооружений и военной техники, оборудования для нефтегазовой промышленности и т.д. [2].

Указом Президента России от 06.08.2014 № 560 введено российское продовольственное эмбарго. В рамках ответных санкций запрещен ввоз на



территорию России отдельных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, введившее экономические санкции в отношении российских юридических и физических лиц в 2014 г., включая страны ЕС, а также США, Австралию, Канаду, Норвегию [3]. При этом делается ссылка на закон об обеспечении экономической безопасности государства. 7 августа Правительство России утвердило перечень запрещенных продуктов, который потом был неоднократно расширен. На сегодняшний день список насчитывает 53 позиции согласно кодам ТНК ВЭД (постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778): детское питание, продукты животного происхождения (мясо, сало, мясные субпродукты) и живые животные, фруктовые соки или консервированные фрукты, молоко и молочные продукты, лосось, семенной картофель, лук, гибридные и биологически активные добавки и т.д.

Европейский экспорт продовольствия составляет 7% от общего объема экспорта товаров. Около 9% из них приходилось на Россию, которая являлась вторым наиболее важным направлением для ЕС после США. В 2013 г. общий экспорт сельскохозяйственной продукции из ЕС в Россию составлял 11,3 млрд евро (Economic impact on the EU of sanctions over Ukraine conflict. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI\(2015\)569020_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI(2015)569020_EN.pdf)). Российские контрсанкции охватили около 43% из номенклатуры и стоили ЕС около 5,1 млрд евро — чуть больше 4,2% от общего объема экспорта сельскохозяйственной продукции (EU sanctions against Russia over Ukraine crisis. URL: http://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu_sanctions_en). Понятно, что европейские фермеры и другие производители продуктов питания являются одними из главных жертв российского запрета. Самые большие убытки в объемах понесла Польша. Но, учитывая долю российского рынка для продовольственного экспорта конкретных стран ЕС, ясно, что Финляндия должна потерять 33% собственного экспорта сельхозпродукции, Литва — 32%. Оценим изменения в структуре стран — импортеров продовольствия в РФ (см. рисунок).

Необходимо отметить, что обоюдные санкции привели к заметному спаду торговли России и ЕС в 2014–2015 гг. Правда, стоит отметить, что серьезное негативное влияние на снижение объемов взаимной торговли также оказало падение мировых цен на нефть и другие основные товары российского экспорта [4]. В целом негативные факторы привели

к заметному снижению доли ЕС во внешнеторговом обороте России с 49,4% в 2013 г. до 45,4% в 2014 г. и до 44,8% в 2015 г. По итогам 2016 г., доля Евросоюза во внешнеторговом обороте РФ снизилась до 42,8% (Внешняя торговля России в 2016 году: цифры и факты. URL: <http://xn—b1ae2adf4f.xn—p1ai/analytics/research/40407-vneshnyaya-topgovlya-possii-v-2016-godu-tsifry-i-fakty.html>). В результате введения Евросоюзом санкций против России и дальнейших российских контрсанкций экономика ЕС в 2015 г. понесла потери на сумму 17,6 млрд евро. Об этом говорится в исследовании Австрийского института экономических исследований, которое было опубликовано немецким информационным агентством Deutsche welle. Санкции, по данным того же исследования, привели к сокращению 400 тыс. рабочих мест по всему ЕС.

Одновременно исследование указывает, что из-за слабости российской экономики торговля между Россией и ЕС и без санкций заметно ослабла бы. Всего лишь 44% от снижения торговых показателей можно связать непосредственно с санкциями, отмечают исследователи. Без введения ограничительных мер потери от снижения европейского экспорта в РФ составили бы 22 млрд евро (Losses mount due to EU-Russia sanctions. URL: <http://www.dw.com/en/losses-mount-due-to-eu-russia-sanctions/av-37324522>).

Таким образом, в условиях политического кризиса произошло изменение структуры внешней торговли России [5]. Как и ожидалось, выросла роль стран АТЭС — до 30,0% по итогам 2016 г., по сравнению с 28,1% в 2015 г. (Внешняя торговля России в 2016 году: цифры и факты. URL: <http://xn—b1ae2adf4f.xn—p1ai/analytics/research/40407-vneshnyaya-topgovlya-possii-v-2016-godu-tsifry-i-fakty.html>). В первую очередь среди государств этого региона выросла доля Китая: с 10,5% в 2013 г. до 12% в 2015 г. и до 14,13% по итогам 2016 г. (Торговля между Россией и Китаем в 2016 году. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2016-g/>). В основном указанное увеличение доли КНР и других азиатских экономик в российской внешней торговле выросло за счет снижения доли ЕС (The EU's Trade Relationship with Russia. URL: <http://www.eubusiness.com/topics/trade/homepage/russia>). Политическое противостояние и использование взаимных санкций неизбежно сказалось и на инвестиционном сотрудничестве Российской Федерации со странами Европейского союза. Ведущие инвесторы



в экономику России (и одновременно реципиенты российских инвестиций) из числа членов ЕС в период действия санкционного режима существенно сократили объемы экспорта капитала. Так, главный среди стран инвестор из числа государств Евросоюза, Кипр, снизил сумму капиталовложений в экономику РФ на 50% всего за два года — с 2013 по 2015 г.

Соответствующим образом упали показатели ввоза капитала и из других европейских экономик (Нидерландов, Германии, Франции, Великобритании и др.). Общий результат изменения стоимостных объемов притока прямых иностранных инвестиций в экономику РФ, по итогам 2015 г., еще более негативен. Падение составило 92%, что явилось своего рода «мировым рекордом» со знаком «минус», конечно. (World Investment Report 2016. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf).

Заключение

Развитие торговли между Россией и странами ЕС опирается на исторические традиции, взаимовыгодное разделение труда, сложившуюся систему преимуществ каждой из сторон, территориальную близость и соответствующие низкие транспортные издержки. Все это, несомненно, должно

способствовать росту взаимной торговли и других форм экономического сотрудничества.

Однако современное состояние отношений между нашей страной и Евросоюзом подвержено негативному влиянию политического фактора и неблагоприятной конъюнктуры на мировых рынках сырья. Взаимные санкции и другие проявления противостояния не позволяют нормально развиваться торговле и инвестиционному сотрудничеству. При этом потери несут обе стороны. Существенно упали и экспорт из России в страны Евросоюза, и импорт из государств ЕС в нашу страну. Значительно упали также показатели, характеризующие потоки взаимных инвестиций.

Представляется маловероятным, что политические противоречия будут сглажены в ближайшей перспективе. Скорее всего, их негативное влияние будет сказываться еще несколько лет. Однако еще более маловероятным представляется вариант развития событий, при котором режим санкций будет использоваться в долгосрочной перспективе. Объективные преимущества взаимной торговли, инвестиционного сотрудничества и добрососедских отношений в целом обязательно заставят обе стороны прийти к компромиссу и восстановлению нормальных отношений.

Литература

1. Дораев М. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. М.: Инфотропик Медиа, 2016.
2. Кешнер М. Экономические санкции в современном международном праве. М.: Проспект, 2015.
3. Экономические санкции против России. Ожидания и реальность / под науч. ред. Р.М. Нуреева. М.: KnoРус. 2017.
4. Французов В., Спартак А., Хохлов А. Мировой и российский экспорт. Тенденции и перспективы развития, системы поддержки. М.: ВАВТ Минэкономразвития России, 2015.
5. Кричевский Н. Россия. Сквозь санкции — к процветанию. М.: Дашков и Ко, 2015.

References

1. Doraev M. Economic sanctions in the law of the United States, the European Union and Russia [Jekonomicheskie sankcii v prave SShA, Evropejskogo sojuza i Rossii]. Moscow, Infotropik Media, 2016 (In Russ.).
2. Keshner M. Economic sanctions in modern international law. Moscow, Prospekt [Jekonomicheskie sankcii v sovremennom mezhdunarodnom prave]. Moscow, Prospekt, 2015 (In Russ.).
3. Economic sanctions against Russia. Expectations and reality [Jekonomicheskie sankcii protiv Rossii. Ozhidaniya i real'nost'] / ed. R.M. Nureev. Moscow, KnoRus. 2017 (In Russ.).
4. Francuzov V., Spartak A., Hohlov A. World and Russian exports. Trends and development prospects, support systems [Mirovoj i rossijskij jeksport. Tendencii i perspektivy razvitija, sistemy podderzhki]. Moscow, VAVT Minjekonomrazvitija Rossii, 2015 (In Russ.).
5. Krichevskij N. Russia. Through the sanctions — to prosperity [Rossija. Skvoz' sankcii — k procvetaniju]. Moscow, Dashkov i Ko, 2015 (In Russ.).



УДК 330.133

JEL O1

Неоиндустриализация как инструмент встраивания в глобальные цепочки стоимости российских и белорусских предприятий*

ПОБЫВАЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет, Москва, Россия

sergeypob@mail.ru

Аннотация. В статье утверждается, что наиболее перспективным путем встраивания России и Белоруссии в глобальные цепочки стоимости является их формирование одновременно с развитием технологий новой индустриальной революции. Рассмотрены такие направления неоиндустриализации, как интернет вещей, искусственный интеллект, промышленная роботизация, аддитивное производство, новые материалы. Автор делает краткий обзор состояния мировых рынков по указанным направлениям и оценивает положение на них России и Белоруссии. В конце статьи сделан вывод о необходимости создания специального органа на уровне союзного государства для формирования цепочек стоимости в инновационных областях с последующим их распространением за пределы союзного государства.

Ключевые слова: глобальные цепочки стоимости; неоиндустриализация; интернет вещей; искусственный интеллект; промышленная роботизация; аддитивное производство; новые материалы; союзное государство.

Non-Industrialization as an Instrument of Integration into Global Value Chains of Russian and Belarusian Enterprises

POBYVAEV S.A.,

PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Problems of Economic Security, Financial University, Moscow, Russia

sergeypob@mail.ru

Abstract. The article states that the most promising way of building Russia and Belarus into global value chains is to form them simultaneously with the development of technologies of the new industrial revolution. Such directions of neoindustrialization as the Internet of things, artificial intelligence, industrial robotization, additive production, new materials are considered. Also, a brief overview of the state of the world markets in these areas and the position of Russia and Belarus on them. It is concluded that it is necessary to create a special body at the level of the union state to form value chains in innovative areas and then spread them outside the union state.

Keywords: global value chains; neoindustrialization; Internet of things; artificial intelligence; industrial robotization; additive production; new materials; union state.

* Статья написана в рамках проекта РГНФ-БРФФИ № 16–22–01006 «Воздействие неоиндустриализации на изменение места и роли российских и белорусских предприятий в глобальных цепочках стоимости».



Напомним, что в предыдущей статье [1] предлагалось путем государственных инфраструктурных усилий — создания администраций малого бизнеса и специализированных информационно аналитических центров — выстроить скоординированную российско-белорусскую стратегию по встраиванию малого и среднего бизнеса в глобальные цепочки стоимости и последующего «подъема по цепочке», т. е. проникновения в наиболее прибыльные области той или иной глобальной цепочки стоимости. Такой подход был обусловлен тем обстоятельством, что в области крупного предпринимательства интеграционные процессы находятся на недостаточно зрелом уровне, да и само крупное предпринимательство вне секторов добычи и первого передела сырья в наших странах весьма ограничено.

В то же время необходимо отметить, что мир, по крайней мере в развитой его части, стоит на пороге процесса, называемого неоиндустриализацией, четвертой промышленной революцией, индустрией 4.0 или переходом к шестому технологическому укладу. Некоторые авторитетные аналитики, например председатель Международного экономического форума МЭФ К. Шваб, полагают, что изменения будут носить крайне быстрый и радикальный характер и происходить «со скоростью цунами».

Перед Россией и Беларуссией весьма остро стоит проблема реиндустриализации. Это хорошо понимает высшее руководство стран, о чем было многократно публично и официально заявлено.

В России, например, о необходимости ухода от сырьевой ориентации экономики говорилось в каждом президентском Послании парламенту начиная с 2000 г. и заканчивая годом нынешним.

Однако успехи на этом пути более чем скромны. Это обусловлено тем, что во власти и в экспертном сообществе в отношении реиндустриализации/неоиндустриализации в настоящее время принципиально различные подходы.

«Инерционный» подход, к сожалению, является главенствующим в хозяйственной практике современной России. Он состоит в ожидании повышения мировых цен на сырье, в первую очередь — углеводородное, с последующим переходом к росту за счет извлечения природной ренты. Программы научно-технического и инновационного развития носят имитационно-декоративный характер и осуществляются главным

образом в репутационных и пропагандистских целях.

«Государственный» подход представлен, главным образом, группой экономистов и инженеров советской школы. Он заключается в идее осуществления неоиндустриального развития за счет государственных инвестиций. Фактически это путь возврата к СССР, который при всех своих усилиях так и не смог добиться значительных результатов в области инновационного развития. При том, что, по убеждению автора, это тупиковый путь, до 70% российской экономики на сегодняшний момент так или иначе контролируется государством.

«Прагматический» подход заключается в встраивании инновационной экономики на рыночных принципах с использованием современных методов управления при активной, но не предпринимательской, а средосозидающей роли государства. Главные задачи, которые должно решить государство в рамках этого подхода:

1. Создание эффективной коммерческой финансовой системы, которая включает банковскую систему и фондовый рынок.
2. Повышение концентрации промышленного капитала.
3. Создание государственного аналитико-прогностического института большой мощности.
4. Формирование механизма согласования интересов крупного бизнеса и государства.

Неизвестно, что должно произойти, чтобы возникла критическая масса политической воли, которая бы запустила механизм перехода от сырьевого развития к инновационному или хотя бы к развитию промышленности высоких переделов. Остается только гадать, когда это будет осуществлено в реальности. Вероятно, это случится, когда возникнет реальная угроза отстать навсегда или когда отставание в общем уровне развития промышленности начнет угрожать отставанию в области военных технологий. Можно только уповать на то, что указанный процесс начнется скорее раньше, чем позже, поскольку может просто не хватить времени для осуществления необходимого перехода. Тем более, что внешнее окружение в настоящее время нельзя назвать дружелюбным, а перспективы улучшения отношений с развитым миром безоблачными.

Развитие новой индустрии в России и Беларуссии невозможно без встраивания в глобальные цепочки стоимости, поскольку никаких ресурсов



не хватит для того, чтобы охватить все направления неоиндустриального развития. Но выбрав некоторые направления неоиндустриализации и сконцентрировавшись на них, возможно встраивание в глобальные цепочки стоимости на своих условиях — разработчика принципиально новых промышленных технологий.

В настоящем материале хотелось бы рассмотреть те технологические направления, которые, по мнению экспертов, будут составлять острие технологического, а следовательно, экономического прогресса в ближайшее время. Очевидно, что реиндустриализация и включение в процесс неоиндустриализации должны осуществляться в наиболее передовых отраслях, что, во-первых, позволит приблизиться к лидерским позициям, а во-вторых, повысит шансы на вхождение в глобальные цепочки стоимости на достойных позициях, поскольку гораздо легче включиться в международное разделение труда на новом поле экономической деятельности, чем пытаться вклиниться в устоявшийся консервативный порядок в той или иной традиционной отрасли.

Кратко и достаточно исчерпывающе написал в своей статье К. Шваб, Председатель МЭФ: «Возможности миллиардов людей, связанных друг с другом при помощи мобильных устройств, обладающих беспрецедентной производительностью, возможностями накопления данных и обеспечения доступа к знаниям, являются безграничными. Эти возможности будут приумножены технологическими прорывами в таких областях, как искусственный интеллект, робототехника, автоматизированные автомобили, 3D-печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, достижения в области накопления энергии и использование квантовых компьютеров» [2].

В этой связи представляется целесообразным несколько более развернуто остановиться на некоторых направлениях неоиндустриализации.

Интернет вещей

Считается, что промышленный интернет или интернет вещей (IoT) возник в 1990 г., когда выпускник Массачусетского технологического института Д. Ромки ради забавы и повышения степени собственного комфорта подключил к Сети собственный тостер, получив возможность включать аппарат дистанционно (<http://intosoft.nl/internet-things-real-can-change-life/>). Однако уже к 2008 г. число вещей, подключенных к Ин-

тернету, превысило число живущих на Земле людей.

Основными областями внедрения интернета вещей стали городское и жилищно-коммунальное хозяйство («умный дом»), транспорт («умный транспорт»), торговля, образование, здравоохранение, автоматизированные системы управления технологическими процессами.

Современный интернет вещей представляет собой в основном изолированные сети, каждая из которых ориентирована на контроль отдельных процессов или их групп. Так, например, в «умном доме» различные сети контролируют работу водоснабжения, отопления, связи, лифтового хозяйства, вентиляции, охраны и т.д. По мнению экспертов, тенденцией развития интернета вещей станет то, что сети будут во все возрастающей мере объединяться и обмениваться информацией, тем самым предоставляя потребителю расширяющиеся возможности.

Также весьма важной тенденцией развития интернета вещей является переход датчиков в нанобласти, что позволяет безо всякого риска вживлять их в организм человека и других живых существ на клеточном уровне и на постоянной основе мониторить состояние здоровья пациентов, выводя медицину и медицинскую науку на принципиально новый уровень развития. Так, например, уже сегодня кембриджский стартап Synlogic при помощи нанодатчиков, подключенных к компьютеру, синтезирует лечебные бактерии с заданными свойствами для лечения ряда метаболических нарушений (<https://www.synlogictx.com>).

Кроме того, интернет нановещей открывает новые перспективы в области создания биокomпьютеров и искусственного интеллекта, а также человекомашинных интеллектуальных систем, где человеческий мозг и компьютер будут общаться напрямую без привычных посредующих устройств ввода/вывода.

Также развитие интернета вещей ведет к тому, что снижается стоимость передачи данных и стоимость вычислительных мощностей за счет экономии на масштабе. Интернет вещей оказывает стимулирующее воздействие на область обработки больших объемов информации (Big data).

По данным компании Research Nester, объем мирового рынка интернета вещей достиг в 2015 г. 598,2 млрд долл. США, и ожидается, что в 2023 г. его величина составит 724,2 млрд долл.



США (при среднем ежегодном росте в период с 2016 по 2023 г. 13,2%) (<http://www.researchnester.com/reports/internet-of-things-iot-market-global-demand-growth-analysis-opportunity-outlook-2023/216>).

В России, по данным компании AC&M Consulting, объем рынка Интернета вещей в 2016 г. достиг уровня в 1,2 млрд долл. США (<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/05/15/689785-rinka-interneta-veschei>).

В марте текущего года PricewaterhouseCoopers (PwC) опубликовала доклад «Перспективы развития интернета вещей в России» (https://www.pwc.ru/ru/communications/assets/the-internet-of-things/PwC_Internet-of-Things_Rus.pdf), в котором получил оценку потенциал распространения интернета вещей в различных секторах российской экономики. В докладе были приведены данные опроса представителей крупного бизнеса стран АТЭС, по мнению которых наибольшая выгода от распространения интернета вещей может быть получена в промышленности за счет повышения эффективности и экономии затрат, а в финансовой сфере — за счет роста качества обслуживания, а также в области производства потребительских товаров и развития технологий.

Авторы по-разному оценивают перспективы развития интернета вещей в различных областях и обращают внимание на то, что для его роста необходим ряд организационных преобразований.

По мнению специалистов, интернет вещей в Белоруссии пока что отстает от мирового уровня, но имеются все условия для его быстрого распространения, главным из которых является наличие значительного корпуса квалифицированных специалистов (<https://ej.by/blog/shkel/2016/10/25/kakie-perspektivy-imeet-v-belarusi-rynok-interneta-veschey.html>). Кроме того, развитие интернета вещей в Белоруссии является элементом государственной стратегии, и в ближайшее время этот сектор ждет быстрое развитие. Об этом было официально объявлено министром связи и информатизации РБ С. Попковым. В апреле 2017 г. в Белоруссии была запущена первая узкополосная сеть интернета вещей (<http://mediasat.info/2017/04/12/velcom-belarus-iot/>).

Интернет вещей не является областью, где возможно встраивание в глобальные цепочки стоимости, но эта область становится в определенной мере способом организации экономики

и общества. Без развития интернета вещей невозможно будет даже приблизиться к уровню производительности труда и эффективности мировых лидеров, а следовательно, привлекательность предприятий для организаторов глобальных цепочек стоимости будет весьма низка.

Развитие интернета вещей должно быть необходимым, если не центральным компонентом реиндустриализации и перехода к неоиндустриальному развитию.

Искусственный интеллект

Несмотря на то что область создания искусственного интеллекта граничит с научной фантастикой, важность этой проблемы велика, и ставки в гонке за первенство в данной области весьма высоки. Показательно высказывание по этому поводу президента В. Путина: «Искусственный интеллект — это будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы ...тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира» (<http://tass.ru/obschestvo/4524746>).

Не менее примечательна реакция на это высказывание предпринимателя И. Маска, который написал в своем твиттере: «Полагаю, что соревнование за превосходство в области искусственного интеллекта различных наций скорее всего вызовет Третью мировую войну» (https://twitter.com/elonmusk/status/904638455761612800?ref_src=twsrc%5Etfw&ref_url=https%3A%2F%2Frb.ru%2Fnews%2Fmusk-at-it-again%2F).

По некоторым оптимистичным оценкам специалистов Высшей школы экономики, создание искусственного интеллекта — дело 5–10 лет. Тем не менее уверенно говорить о создании искусственного интеллекта к какому-то определенному сроку сложно, поскольку «биологи, изучающие работу головного мозга, не могут понять принцип его работы. Они видят сеть переплетенных нейронов и предполагают, что они все работают одновременно. Кибернетики по этому принципу попытались создать нейронные сети, но у них тоже ничего не получается» [3].

Данная тема является животрепещущей и актуальной, время от времени провоцируя всевозможные домыслы, например, о том, что чатботы фейсбука вышли из-под контроля, хотя в действительности нестандартное поведение роботов было вызвано небрежностью в программировании.



Прогнозировать создание универсального искусственного интеллекта достаточно сложно, что не исключает создания частных решений в различных областях, где программные средства позволяют разработать устройства, заменяющие человека в ряде рутинных интеллектуальных операций, иногда даже значительно превосходящие его. Основные сферы применения таких частных решений — это клиентское обслуживание, логистика, расчеты, электронная торговля, кастомизация товаров и услуг, маркетинг.

Коммерческие инвестиции в стартапы в области искусственного интеллекта выросли с 282 млн долл. США в 2011 г. до 5,02 млрд долл. США в 2016 г. (<https://www.cbinsights.com/research/artificial-intelligence-funding-trends/>).

По прогнозам специалистов, частные решения в области искусственного интеллекта до 2021 г. дадут следующие дополнительные доходы в ведущих экономиках мира: в США — 596 млрд долл. США, в Японии — 91, в Германии — 62, в Великобритании 55 млрд долл. США [4].

В России и Белоруссии частные инвестиции в искусственный интеллект недостаточны, что связано в первую очередь с отсутствием крупных корпораций в ИТ-индустрии, подобных Фейсбуку, Гуглу, Ораклу и т.п. Такое положение создает определенные риски для конкурентоспособности промышленности и заставляет задуматься о стимулировании концентрации промышленного капитала, без которой невозможна реиндустриализация и эффективное встраивание в глобальные цепочки стоимости.

Роботизация производства

Согласно оценкам Международной федерации роботизации (IFR), на конец 2016 г. число действующих промышленных роботов в мире достигло порядка 1,6 млн единиц, а объем мирового рынка промышленных роботов достиг составил 35 млрд долл. США (<http://robotrends.ru/robopedia/novosti-prognozy-statistika-v-oblasti-promyshlennyh-robotov>).

Распределение промышленных роботов по странам выглядит следующим образом (рис. 1).

Промышленные роботы используются главным образом в автомобилестроении, электронной промышленности, фармакологии, химической индустрии. 75% всех имеющихся в мире роботов трудятся в четырех крупных секторах: электронной промышленности, общем машиностроении,

транспортном машиностроении, производстве бытовой техники и ее компонентов.

В то же время роботы применяются и в банковском деле. Структура отраслевого распределения мирового парка промышленных роботов имеет следующий вид (рис. 2).

Концентрация робототехники имеет наибольшие уровни в Южной Корее, Японии, Германии, на Тайване и в США. В среднем в мире приходится 69 промышленных роботов на 10 тыс. работников. Первое место занимает Южная Корея, где на 10 тысяч занятых приходится 478 роботов, в Японии этот показатель составляет 314, в Германии — 292. В Китае, несмотря на его лидерство по объему закупок роботов, указанный показатель равен 36, в Португалии — 42, а в Индонезии — 39.

На рис. 3 представлены лидеры в области концентрации роботизации.

В 2016 г. было совершено рекордное число покупок промышленных роботов (на 14% больше по сравнению с 2015 г.), но и в 2015 г. рост составил 15% по сравнению с 2014 г. Эксперты прогнозируют быстрый рост рынка роботов. Так, аналитики ABI Research полагают, что американский рынок роботов к 2025 г. утроится и при этом будет расти со средним темпом 16% в год.

Помимо количественного роста, эти устройства постоянно совершенствуются, обретая новые качества. Современные роботы характеризуются легкостью перепрограммирования, переналадки и возможностью многоцелевого использования.

Boston Consulting Group полагает, что цена промышленных роботов, а также программного обеспечения к ним в ближайшие 10 лет упадет на 20% при росте производительности устройств.

При этом роботы способны произвести революцию не только в производстве, но и в бытии человека. С этой точки зрения весьма показательным высказыванием на Давосском форуме 2016 г. члена парламента Дании Иды Оукен: «Добро пожаловать в 2030 год. Добро пожаловать в мой город или, скорее, „наш город“. У меня нет собственности. У меня нет автомобиля. У меня нет дома. У меня нет своей бытовой техники и одежды. Вам это покажется странным, но мы это воспринимаем как должное. Все, что вы считали продуктом, теперь стало услугой. У нас есть возможность пользоваться транспортом, жильем, питанием и всеми вещами, которые требуются для жизни. Постепенно все вещи становятся бесплатными, поэтому все кончается тем, что владеть боль-

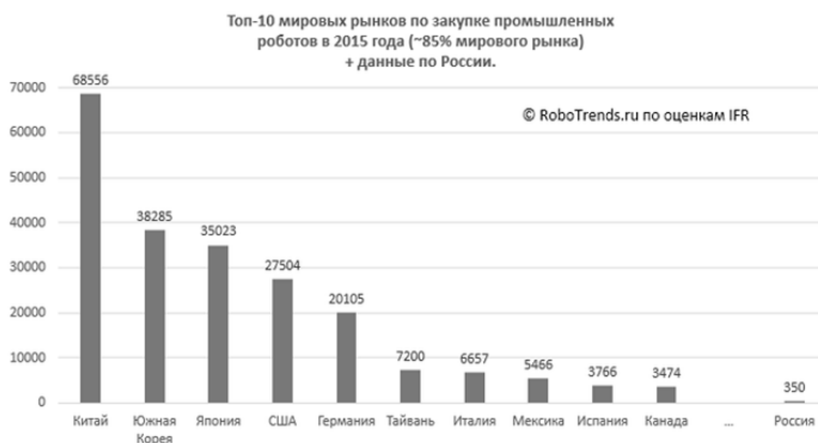


Рис. 1. Распределение промышленных роботов по странам

Источник: RoboTrends.ru.

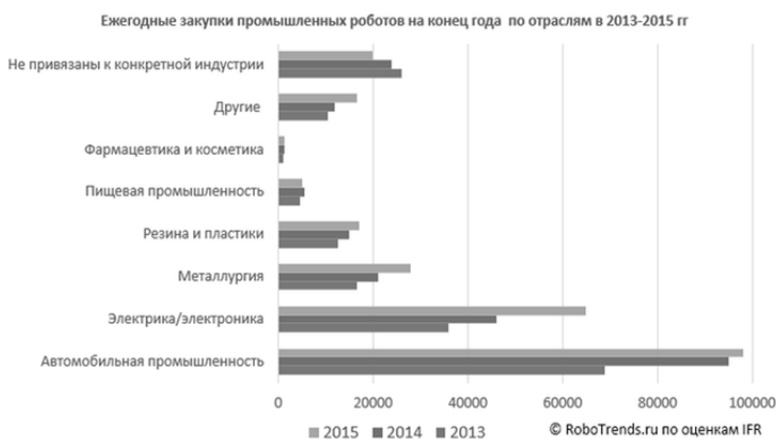


Рис. 2. Структура отраслевого распределения мирового парка промышленных роботов

Источник: RoboTrends.ru.



Рис. 3. Лидеры в области концентрации роботизации (из расчета на 10 тыс. занятых)

Источник: RoboTrends.ru.



шой собственностью становится бессмысленно» (<https://www.weforum.org/agenda/2016/11/shopping-i-can-t-really-remember-what-that-is>).

В России на 10 тыс. занятых приходится один робот, что в 70 раз меньше среднемирового значения. Годовые закупки роботов были до прошлого года на уровне 500 шт. на всю страну, но и они, по итогам 2016 г., обвалились до 316 шт. (<https://hightech.fm/2017/04/11/robosector>). Эксперты склонны объяснять такое положение вещей слабой информированностью руководителей о возможностях современных роботов, малым числом высокотехнологичных предприятий, отсутствием государственной, пусть даже имитационной, стратегии в области робототехники.

Не лучшим образом дела в области робототехники обстоят и в Белоруссии, хотя страна располагает квалифицированными кадрами в этой области. Так, на всемирной олимпиаде в области робототехники белорусская команда заняла в 2016 г. шестое место.

3D-принтинг или аддитивное производство

Аддитивное производство, появившееся в начале 1980-х гг. как средство инженерного прототипирования, с развитием техники перешагнуло порог конструкторских бюро и дизайнерских мастерских, став отдельным промышленным производством. Главное преимущество аддитивных технологий состоит в том, что сложность объекта изготовления не влияет на стоимость его изготовления, однако, в отличие от обычных производств, рост масштабов не ведет к снижению цены изготовления изделия.

Исторически 3D-принтеры использовали пластик, но относительно недавно появились объемные принтеры, использующие в качестве рабочего материала металл или керамику. В то же время принтеры, работающие с металлом и керамикой, пока что очень дороги, а следовательно, дороги и изделия. По данным компании Wohlers Associates Inc., которая специализируется на аналитике в области аддитивного производства, распределение действующих аддитивных производств по используемым материалам выглядело следующим образом: полимеры — 51%, металлы — 19,8%, комбинация металлов и полимеров 29,2% (<http://www.rapidreadytech.com/2017/04/wohlers-2017-report-on-3d-printing-industry-points-to-softened-growth>).

Число действующих компаний аддитивного производства распределено по миру следующим образом: в США и Германии — по 200, в Великобритании — 100, в Швейцарии, Австрии, Нидерландах, Бельгии, Швеции и Дании — по 50, во Франции — 80, в остальной Западной Европе — 230, в Китае и Ю. Кореи — 170 (: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-3d-printing-report-2016-full-report/\\$FILE/ey-global-3d-printing-report-2016-full-report.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-3d-printing-report-2016-full-report/$FILE/ey-global-3d-printing-report-2016-full-report.pdf)).

Эксперты отмечают следующие тенденции в современном аддитивном производстве:

- использование все более широкого спектра материалов;
- все большее внедрение аддитивного производства непосредственно в промышленность;
- более масштабное встраивание в производственные линии;
- использование аддитивных технологий для производства сложных, мелких и дорогих изделий;
- увеличение степени зависимости успеха аддитивного производства от программного обеспечения.

Объем мирового рынка пока невелик: по итогам 2016 г. он составил 6,063 млрд долл. США в соответствии с данными Wohlers Associates Inc. (<http://www.rapidreadytech.com/2017/04/wohlers-2017-report-on-3d-printing-industry-points-to-softened-growth/>). В период с 2010 по 2015 г. он демонстрировал в среднем 26% годового прироста, и только в 2016 г. прирост несколько замедлился и составил 17,4%. Исследователи рынка прогнозируют его рост до уровня свыше 20 млрд долл. США в 2020 г. По данным генерального директора Всероссийского научно-исследовательского института авиационных материалов Е. Кабалова, доля России на мировом рынке аддитивного производства составляет порядка 1,4%. В Белоруссии в настоящее время активно формируется внутренний рынок аддитивных производств и, более того, начат выпуск собственных 3D-принтеров.

Новые материалы

Индустрия новых материалов может быть представлена областью «старых» новых материалов, производство которых отлажено, и сферой производства совершенно новых материалов, мировой рынок которых находится в начальной стадии формирования.



К новым материалам, технологии производства которых отработаны и находятся в постоянном совершенствовании, относятся промышленные композиты и компаунды. Объем мирового рынка композитов или композиционных материалов составляет порядка 80–90 млрд евро или 10–12 млн тонн в физическом исчислении [5]. По мнению авторов аналитического доклада “Composites Market Forecast to 2022”, среднегодовой темп прироста на временном интервале с 2017 по 2022 г. составит 8,13% (<http://www.marketsandmarkets.com/PressReleases/composite.asp>). Несмотря на то что эти материалы известны давно, их активное внедрение в реальность происходит в наше время. Например, последняя модель аэробуса A350XWB на 53% состоит из композитных материалов, в то время как в предшествующей модели самолета их было не больше 3%.

Основными потребителями композитов являются военная и аэрокосмическая индустрия, автомобилестроение, промышленное производство оборудования для ветрогенераторов, производство труб для нефте- и газопроводов, судостроение.

Основной производитель композитов — США, доля которых на рынке составляет около 35%.

Мировые лидеры в производстве композитов — компании: Owen Corning (США), Solvay (Бельгия), SGL Group (Германия), Hexcel Corporation (США), Koninklijke Ten Cate bv (Нидерланды), Teijin Limited (Япония), Toray Industries, Inc. (Япония), Huntsman Corporation (США), Jushi Group (Китай), Gurit (Швейцария) (<http://www.marketsandmarkets.com/PressReleases/composite.asp>).

Доля России в мировом производстве композитов составляет 0,3–0,5%, объем российского рынка этих материалов не превышает 12 млрд руб. Положение в этой области охарактеризовал министр промышленности и торговли Д. Мантуров, заявив: «В советское время мы были лидерами в этой отрасли, сейчас занимаем одно из последних мест» (<https://rg.ru/2012/09/18/materiali.html>).

Особым классом новых материалов, которые могут быть использованы в различных отраслях промышленности и которые способны вызвать в ряде производств революционные изменения, являются так называемые 2D-материалы. Первым из них был графен, полученный британскими физиками российского происхождения. Помимо того, что на его базе возможно создание тран-

зисторов принципиального нового класса, этот материал способен открыть новое направление в производстве аккумуляторов, что значительно ускорит переход автомобилей на электрическую тягу и даст новый стимул развития энергетики возобновляемых источников энергии, поскольку позволит накапливать энергию, например, ветра и солнца и тем самым обеспечивать ее бесперебойную и ритмичную поставку.

Первые графеновые и графенсодержащие аккумуляторы уже появились в свободной продаже. Первый в мире литий-ионный аккумулятор с использованием графена был анонсирован компанией Huawei в декабре 2016 г. (http://www.thg.ru/technews/20161201_151727.html). Менее чем через год компания WPG вывела на рынок уже чисто графеновый аккумулятор для смартфонов. Его емкость составляет 5000 мАч, для его полной зарядки требуется 10 минут, а стоит он 26 долл. США (http://www.thg.ru/technews/20161201_151727.html).

Испанская компания Graphenano, один из мировых лидеров промышленного производства графена, близка к выводу на рынок графенового аккумулятора для электромобилей, который будет на 77% дешевле литий-ионных аккумуляторных батарей и весить в два раза меньше, чем используемые в настоящее время аккумуляторы. Время зарядки в 8 минут обеспечит автомобилю тысячекilометровый запас хода (<http://elektrik.info/main/news/1067-grafenovye-akkumulyatory-tehnologiya-kotoraya-izmenit-mir.html>).

Вслед за графеном появились иные 2D-материалы. Они имеют различное потенциальное применение, но главные надежды на них возлагают производители электронной элементной базы. Так, усилиями испанских, французских и немецких физиков был создан на основе германия графеноподобный материал германен, который с большой долей вероятности станет основой элементной базы квантовых компьютеров (<https://lenta.ru/news/2014/09/10/germanene>).

Получение материала на базе кремния, который бы имел структуру, подобную графену, удалось сначала Ги Ле Лэ, физику из университета Прованса в Марселе, а затем японским исследователям из института науки и технологий в Ишикаве. Новый материал получил название «силицен». Материал оказался весьма капризным, но тем не менее на его базе инженерам из Техаса удалось в 2015 г. создать первый транзистор.



Еще более многообещающим материалом является станен — двумерный материал на базе олова (от латинского названия этого металла stannum). Его существование было предсказано учеными Стэнфордского университета в 2013 г. В 2015 г. его синтез состоялся в стенах Шанхайского университета. Замечательным свойством материала является то, что с его помощью возможно сортировать электроны по спине, а это, в свою очередь, дает перспективу создания вычислительных схем с гораздо меньшим, чем сегодня, энергопотреблением и гораздо быстрым действием (http://medialeaks.ru/0408dalex_stanen/).

Ученые из МФТИ синтезировали в 2015 г. двумерный материал на базе бора, получивший название «борофен». Это самый прочный из двумерных материалов, он обладает ярко выраженными анизотропными свойствами и, по мнению специалистов, может быть широко использован в электронике и фотовольтаике.

Кроме того, использование нитрида бора в нанотрубках открывает возможности создания надежного и безопасного хранения водорода, а это делает возможным развитие водородной энергетики, в первую очередь — на автомобильном транспорте.

Получение так называемого белого графена учеными из американского института Райс делает возможным производство сверхтонких невидимых пленок, которые защищают металл от коррозии. Промышленное производство таких пленок будет означать качественные изменения в лакокрасочной индустрии.

Перечисленные материалы пока что не сформировали своих рынков, но некоторые новые материалы уже сегодня активно торгуются и имеют весьма многообещающую коммерческую перспективу в ближайшее время. Так, российская компания «Оксиал» производит одностенные нанотрубки. Ее генеральный директор А. Зимняков сообщил: «Первая промышленная технология изготовления одностенных углеродных нанотрубок (ОУН), которую разработала наша компания, есть только у нас, поэтому мы занимаем 95% рынка ОУН. Эта технология пока никем не скопирована, — наша цена нанотрубок (на сегодня это 3000 долл. за кг) должна обеспечивать заинтересованность клиентов и активное использование наших ОУН в производстве различных материалов, то есть распространение наших нанотрубок в мире. Они должны стоить столько, сколько готов заплатить потребитель за то, чтобы перейти от лабораторного тестирова-

ния нанотрубок к промышленным испытаниям и изготовлению опытно-промышленных партий. Поэтому основной вопрос, который мы себе задавали в течение последних лет — какова должна быть цена, чтобы мы могли тестировать данный материал в 1000 случаев применений в 1000 компаний. То есть какова должна быть цена, чтобы создать этот рынок — пока исключительно для самих себя» [6].

По мнению главы «Роснано» А. Чубайса, «Оксиал» может достичь капитализации в 40 млрд долл. США уже к 2025 г.

По ряду новых материалов Высшая школа экономики подготовила прогноз объемов мирового рынка (https://www.hse.ru/data/2015/10/19/1076595085/19_10_15_%D0%9D%D0%B0%D0%BD%D0%BE.pdf).

Рынок фуллеренов, по мнению экспертов, к 2019 г. вырастет до 7 млрд долл. США при среднегодовом темпе прироста 14%. Фуллерены представляют собой выпуклые многогранники, составленные из атомов углерода. Эти вещества применяются в спецметаллургии для создания прочных покрытий, в качестве катализаторов и для производства аккумуляторных батарей.

Рынок nanoалмазов вырастет к 2020 г. до 1,5 млрд руб. Nanoалмазы применяются для производства смазочных материалов, оптики, лазерной техники, производства покрытий, используются в медицине.

Рынок углеродных трубок, по мнению экспертов, к 2022 г. вырастет до 3,4 млрд долл. США.

Таким образом, на основании краткого обзора наиболее перспективных направлений неоиндустриализации можно сделать заключение о том, что в России и Белоруссии успехи в перечисленных сферах не очень значительны, за исключением области производства части российских наноматериалов. В то же время в обеих странах имеются определенные заделы в перечисленных областях и, что самое главное, квалифицированные кадры. В этих условиях представляется рациональным создание специального органа на уровне союзного государства, который разработал бы программу скоординированных действий в области неоиндустриализации, максимально ориентированную на создание взаимосвязанных производств в инновационной области, российско-белорусских цепочек стоимости. В дальнейшем имеет смысл продлить эти цепочки за пределы наших государств, оставив себе наиболее прибыльные их части.



Литература

1. Побываев С. А. Глобальные цепочки стоимости и их потенциальная роль в развитии российско-белорусской интеграции // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 41–50.
2. The Fourth Industrial Revolution What It Means and How to Respond By Klaus Schwab. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> (accessed 14 July 2017).
3. Бобров А. Концепция искусственного интеллекта. URL: <http://neuronus.com/stat/1326-kontsepsiya-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 14.07.2017).
4. Чернышева Е. Бизнес обогатится искусственным интеллектом // Коммерсант.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3329890> (дата обращения: 14.07.2017).
5. Исаева Е. Промышленные композиторы // Коммерсант.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2825099/> (дата обращения: 14.07.2017).
6. Федотова И. Чубайс выращивает «новый Газпром». Одностенный // Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/2017/03/6/rosnano/> (дата обращения: 18.09.2017).

References

1. Pobuvaev S. A. Global Value Chains and Their Potential Role in the Development of Russian-Belarusian Integration [Global'nye cepochki stoimosti i ih potencial'naja rol' v razvitii rossijsko-belorussoj integracii]. *Mir novoj jekonomiki – The World of New Economy*, 2016, no. 4, pp. 41–50 (In Russ.).
2. The Fourth Industrial Revolution What It Means and How to Respond By Klaus Schwab. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> (accessed 14 July 2017).
3. Bobrov A. The concept of artificial intelligence [Konceptija iskusstvennogo intellekta]. URL: <http://neuronus.com/stat/1326-kontsepsiya-iskusstvennogo-intellekta.html> (accessed 14 July 2017) (In Russ.).
4. Chernysheva E. Business will be enriched by artificial intelligence [Biznes obogatitsja iskusstvennym intellektom]. *Kommersant.ru*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3329890> (accessed 14 July 2017) (In Russ.).
5. Isaeva E. Industrial composers [Promyshlennye kompozitory]. *Kommersant.ru*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2825099/> (accessed 14 July 2017) (In Russ.).
6. Fedotova I. Chubais grows a “new Gazprom”. Single-walled [Chubajs vyrashhivaet «novyj Gazprom». Odnostennyj]. *Expert Online*. URL: <http://expert.ru/2017/03/6/rosnano/> (accessed 18 September 2017) (In Russ.).



УДК 330.34
JEL R50

Разработка модели системы региональных институтов развития в условиях формирования инновационной наукоёмкой экономики*

БОНДАРЕНКО ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ,

*д-р экон. наук, профессор, директор Пензенского филиала, Финансовый университет, Пенза, Россия
bond40@bk.ru*

ТАНИНА МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА,

*канд. экон. наук, заведующий кафедрой «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки» Пензенского филиала, Финансовый университет, Пенза, Россия
margo10@inbox.ru*

ЮДИНА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА,

*канд. экон. наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки» Пензенского филиала, Финансовый университет, Пенза, Россия
veraluzgina@yandex.ru*

ХАРИТОНОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

*канд. экон. наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки» Пензенского филиала, Финансовый университет, Пенза, Россия
haritonova_t79@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа зависимости уровня социально-экономических показателей региона (ВРП, среднедушевые денежные доходы населения, доходы консолидированного бюджета субъекта федерации и численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками) от уровня прибыльности деятельности региональных институтов развития. Разработана система региональных институтов развития, представляющая собой совокупность взаимосвязанных элементов: факторы внешней среды, субъект, объект и методы управления. Реализация данной системы позволит повысить показатели эффективности региональных институтов развития и достичь положительных социально-экономических эффектов на уровне региона. Реализация разработанной системы региональных институтов развития будет способствовать повышению уровня регионального развития субъектов Российской Федерации, позволит развивать наиболее перспективные отрасли и направления региональной экономики.

Ключевые слова: консолидированный бюджет; система региональных институтов развития; показатели эффективности деятельности региональных институтов развития.

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ 2017 г. по теме «Формирование реестра и системы показателей эффективности региональных институтов развития».



Development of Model of System of Regional Institutes of Development in the Conditions of Formation of Innovative Knowledge-Intensive Economy

BONDARENKO V.V.,

*doctor of Economics, professor, director of the Penza branch of Finunivresitet, Penza, Russia
bond40@bk.ru*

TANINA M.A.,

*PhD in Economics, Head of the Department "Management, informatics and general humanities" of the Penza branch of Finunivresitet, Penza, Russia
margo10@inbox.ru*

YUDINA V.A.,

*PhD in Economics, Associate professor of the Department "Management, informatics and general humanities" of the Penza branch of Finunivresitet, Penza, Russia
veraluzgina@yandex.ru*

KHARITONOVA T.V.,

*PhD in Economics, Associate professor of the Department "Management, informatics and general humanities" of the Penza branch of Finunivresitet, Penza, Russia
haritonova_t79@mail.ru*

Abstract. Results of the analysis of dependence of level of socio-economic indexes of the region (VRP, average per capita monetary income of the population, income of the consolidated budget of the territorial subject of the federation and number of the personnel occupied with research and development) from the level of profitability of activity of regional institutes of development are presented in article. The system of regional institutes of development representing set of the interconnected elements is developed: factors of the external environment, subject, object and methods of management. Realization of this system will allow to raise indicators of efficiency of regional institutes of development and to reach positive social and economic effects at the level of the region. Realization of the developed system of regional institutes of development will promote increase in level of regional development of subjects of the Russian Federation, will allow to develop the most perspective grow also the directions of regional economy.

Keywords: consolidated budget; system of regional institutes of development, indicators of efficiency of activity of regional institutes of development.

Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года определяет формирование инновационной наукоемкой экономики, опирающейся на новейшие технологии и интеллектуальные ресурсы, как альтернативу энергосырьевому сценарию. Необходимым условием формирования и развития отечественной инновационной наукоемкой экономики является эффективная система институтов развития, интегрирующих долгосрочные инвестиционные проекты для бизнес-структур, направленные на социально-экономическое развитие субъектов РФ.

Более того, реализация основных направлений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», Федерального закона от 03.12.2011 № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части формирования комплекса высокотехнологичных отраслей и рас-



ширения позиций на мировых рынках наукоемкой продукции, увеличения стратегического присутствия России на рынках высокотехнологичной продукции и интеллектуальных услуг, а также модернизации традиционных отраслей экономики, в том числе за счет разворачивания глобально ориентированных специализированных производств, возможна только в условиях государственной политики, направленной на создание высококонкурентной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность в отношении региональных институтов развития, выступающих территориальными центрами роста.

Таким образом, разработка модели системы региональных институтов развития является актуальной задачей в процессе формирования инновационной наукоемкой экономики.

Как показала существующая российская и мировая практика, региональные институты развития особенно эффективны при решении вопросов, связанных с развитием приоритетных направлений экономики региона, привлечением инвестиций в регион и улучшением его инвестиционного климата, поддержкой малого и среднего предпринимательства, развитием инновационной инфраструктуры [1].

По предварительным оценкам, на данный момент в 85 субъектах РФ создано более 340 региональных институтов развития.

На основе анализа теоретических подходов отечественных исследователей к понятию регионального института развития авторами было уточнено данное определение.

Региональный институт развития — это экономический субъект с государственным участием, сосредотачивающий финансовые ресурсы и направляющий их на развитие прогрессивных отраслей экономики, инновационной активности, реализацию социальных и инфраструктурных проектов. При этом региональные институты развития являются инструментами прямого государственного воздействия, направленного на стимулирование развития конкретной отрасли либо региона.

Региональные институты развития выступают в роли организационно-экономической структуры, которая содействует интенсивному использованию различных видов ресурсов с целью повышения уровня экономического роста регионов и страны в целом. При этом ключевыми характеристиками региональных институтов развития являются:

- поддержка развития и укрепление позиций частного бизнеса в стратегически важных отраслях экономики и некоммерческая направленность;

- наличие системы четкого распределения ответственности в системе региональных институтов развития с целью осуществления эффективной деятельности;

- повышение уровня экономического роста путем развития инфраструктуры, интеллектуального и человеческого капитала, внедрения инновационных технологий.

Однако эффективность деятельности региональных институтов развития не отслеживается, так же как и обеспечение социально-экономического эффекта по развитию сегментов их присутствия [2]. Анализ российской практики функционирования региональных институтов развития позволил выявить ключевые проблемы, включая координацию их деятельности, взаимодействие с федеральными и региональными органами власти, нехватку информационной открытости в отчетности корпораций и форумов, отсутствие национальной логистики в проведении мероприятий и единой централизованной площадки для сотрудничества между региональными корпорациями развития [3].

Сложившаяся на сегодняшний день система институтов представлена тремя уровнями — федеральным, региональными отделениями федеральных институтов и собственно региональными институтами. Более 70% общего числа институтов в этой системе принадлежит федеральным институтам [4].

Действующая система включает более 15 форм организаций, ориентированных на поддержку малого бизнеса (РосБР, фонды поддержки МСБ), стимулирование экспорта (АО «Росэксимбанк») и жилищного строительства (АО «АИЖК»), развитие передовых технологий (АО «Роснано», Инновационный центр «Сколково», АО «Российская венчурная корпорация»), международного инвестиционного сотрудничества (АО «Евразийский банк развития») [5].

Совокупный капитал институтов развития — более 1 трлн руб., что составляет почти 3% ВВП. В России институты развития активно используются как инструменты государственной региональной политики [6], которая сфокусирована:

- на использовании конкурентных преимуществ регионов и концепции «точек роста» посредством точечного инвестирования региональных проектов [7];

- на снижении межрегионального неравенства уровней социально-экономического развития за счет реализации региональных инфраструктурных проектов и поддержки малого и среднего предпринимательства во всех регионах России [8].

Таблица 1

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости размера ВРП Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области»

№	Год	Уровень чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области», тыс. руб. x	ВРП Пензенской области, млрд руб. y	x^2	xy	y^2	$\overline{y_x}$
1	2012	102	240,0	10404,0	24476,2	57582,0	219,9
2	2013	184	270,4	33856,0	49760,4	73136,1	229,2
3	2014	257	297,7	66049,0	76501,5	88608,3	237,4
4	2015	373	326,1	139129,0	121642,8	106354,4	250,6
5	2016	3100	362,5	9610000,0	1123621,7	131376,2	559,6
6	Сумма	4016,0	1496,6	9859438,0	1396002,6	457056,9	663,4
7	Средняя величина	803,2	299,3	1971887,6	279200,5	91411,4	299,3
8	Квадрат средней	645130,2	89598,4	3888340707033,8	77952929318,5	8356042153,7	73305,1

Источник: <http://krpo.ru/>.

Ключевыми показателями, на которые оказывает влияние деятельность региональных институтов развития, являются социально-экономические показатели конкретного региона или федерального округа:

1. Динамика валового регионального продукта (ВРП).
2. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками.
3. Доходы консолидированных региональных бюджетов.
4. Уровень жизни и доходы населения и др.

С целью проведения оценки зависимости и направления влияния деятельности региональных институтов развития на социально-экономические показатели уровня развития региона был проведен корреляционно-регрессионный анализ зависимости ВРП, среднедушевых денежных доходов населения, дохода консолидированного бюджета и численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области». Данный анализ проводился на основе методики представленной в трудах отечественного ученого Г.Л. Громыко [9].

АО «Корпорация развития Пензенской области» является региональным оператором приоритетных инвестиционных проектов правительства Пензенской области и специализированной организацией

по привлечению инвестиций и по работе с инвесторами, а также — инфраструктурой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. При этом данная организация выступает в качестве одного из ключевых региональных институтов развития (URL: <http://krpo.ru/>).

В табл. 1 представлены результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости размера ВРП Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области».

Далее для определения коэффициента корреляции (r) рассчитаем несколько промежуточных величин по формулам, представленным ниже [9, с. 298].

$$\sigma_x = \sqrt{x^2 - (\overline{x})^2}, \quad (1)$$

$$\sigma_y = \sqrt{y^2 - (\overline{y})^2}, \quad (2)$$

$$r = \frac{\overline{xy} - \overline{x}\overline{y}}{\sigma_x \sigma_y}, \quad (3)$$

$$a_1 = \frac{n \sum xy - \sum x \times \sum y}{n \sum x^2 - (\sum x)^2}, \quad (4)$$

$$a_0 = \overline{y} - a_1 \overline{x}, \quad (5)$$

$$\overline{y_x} = a_0 + a_1 x, \quad (6)$$

$$t_{\text{расч}} = \frac{r\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}}. \quad (7)$$

При этом $t_{\text{расч}}$ (t -критерий Стьюдента) должно быть больше $t_{\text{табличн}} = 2,1604$ [9, с. 458], только в этом случае полученный коэффициент корреляции r является значимым.

В соответствии с представленными формулами (1–7) получаем следующие значения промежуточных величин: $\sigma_x = 1151,85$, $\sigma_y = 42,579$, $r = 0,791$, $a_1 = 0,113$, $a_0 = 208,323$, $\bar{y}_x = 208,323 + 0,113x$, $t_{\text{расч}} = 4,656 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым.

В табл. 2 представлена интерпретация значений коэффициента корреляции.

В соответствии с данными табл. 2 найденное значение коэффициента корреляции $r = 0,791$ соответствует сильной прямой корреляционной зависимости размера ВРП Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области». То есть представленный расчет подтверждает, что уровень прибыли одного из ведущих региональных институтов развития АО «Корпорация развития Пензенской области» оказывает прямое влияние на размер получаемого валового регионального продукта.

Далее проведем корреляционно-регрессионный анализ зависимости среднедушевых денежных доходов населения Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» (табл. 3).

В соответствии с представленными формулами (1–7) получаем следующие значения промежуточных величин: $\sigma_x = 1151,85$, $\sigma_y = 2,761$, $r = 0,794$, $a_1 = 0,007$, $a_0 = 13,746$, $\bar{y}_x = 13,746 + 0,007x$, $t_{\text{расч}} = 4,705 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым.

В соответствии с данными табл. 2 найденное значение коэффициента корреляции $r = 0,794$ соответствует сильной прямой корреляционной зависимости размера среднедушевых денежных доходов населения Пензенской области от уровня чистой

прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области». Таким образом, представленный расчет подтверждает, что уровень прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» оказывает прямое влияние на размер среднедушевых денежных доходов населения Пензенской области.

В табл. 4 представлены результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости доходов консолидированного бюджета Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области».

В соответствии с представленными формулами (1–7) получаем следующие значения промежуточных величин: $\sigma_x = 1151,85$, $\sigma_y = 0,506$, $r = 0,523$, $a_1 = 0,014$, $a_0 = 35,25$, $\bar{y}_x = 35,25 + 0,014x$, $t_{\text{расч}} = 2,212 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым.

В соответствии с данными табл. 2 найденное значение коэффициента корреляции $r = 0,523$ соответствует средней прямой корреляционной зависимости доходов консолидированного бюджета Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области». Представленный расчет подтверждает, что уровень прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» оказывает среднее прямое влияние на размер доходов консолидированного бюджета Пензенской области.

Далее проведем корреляционно-регрессионный анализ зависимости численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Пензенской области, от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» (табл. 5).

В соответствии с представленными формулами (1–7) получаем следующие значения промежуточных величин: $\sigma_x = 1151,85$, $\sigma_y = 0,164$, $r = 0,71$, $a_1 = 0,002$, $a_0 = 4,227$, $\bar{y}_x = 4,227 + 0,002x$, $t_{\text{расч}} = 3,64 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым.

В соответствии с данными табл. 2 найденное значение коэффициента корреляции $r = 0,71$ соответствует сильной прямой корреляционной зависимости численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Пензенской области, от уровня чистой прибыли АО «Корпорация



Таблица 2

Интерпретация значений коэффициента корреляции

№ п/п	Значение коэффициента корреляции r	Интерпретация, характеризующая тесноту связи
1	$0 < r \leq 0,2$	Очень слабая прямая корреляционная зависимость
2	$0,2 < r \leq 0,5$	Слабая прямая корреляционная зависимость
3	$0,5 < r \leq 0,7$	Средняя прямая корреляционная зависимость
4	$0,7 < r \leq 0,9$	Сильная прямая корреляционная зависимость
5	$-0,2 \leq r < 0$	Очень слабая обратная корреляционная зависимость
6	$-0,5 \leq r < -0,2$	Слабая обратная корреляционная зависимость
7	$-0,7 \leq r < -0,5$	Средняя обратная корреляционная зависимость
8	$-0,9 \leq r < -0,7$	Сильная обратная корреляционная зависимость

Источник: [9, с. 302].

Таблица 3

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости среднедушевых денежных доходов населения Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области»

№	Год	Уровень чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области», тыс. руб. x	Среднедушевые денежные доходы населения Пензенской области, тыс. руб. в месяц, y	x^2	xy	y^2	$\frac{xy}{x}$
1	2012	102	15,924	10404,0	1624,2	253,6	14,5
2	2013	184	17,815	33856,0	3278,0	317,4	15,1
3	2014	257	19,601	66049,0	5037,5	384,2	15,7
4	2015	373	21,471	139129,0	8008,7	461,0	16,5
5	2016	3100	23,842	9610000,0	73910,2	568,4	36,8
6	Сумма	4016,0	98,7	9859438,0	91858,5	1984,6	43,7
7	Средняя величина	803,2	19,7	1971887,6	18371,7	396,9	19,7
8	Квадрат средней	645130,2	389,3	3888340707033,8	337519713,6	157544,2	4820,2

Источник: <http://krpo.ru/>.

развития Пензенской области». Таким образом, представленный расчет подтверждает, что уровень прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» оказывает прямое влияние на численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Пензенской области.

Сведем все результаты проведенного корреляционно-регрессионного анализа влияния уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» на социально-экономические показатели развития региона в табл. 6.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что рассмотренные социально-экономические показатели уровня развития региона (ВРП, среднедушевые денежные доходы населения, доходы консолидированного бюджета и численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками) непосредственно зависят от результатов деятельности региональных институтов развития (в нашем случае — АО «Корпорация развития Пензенской области»). При этом формирование эффективной системы региональных



Таблица 4

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости доходов консолидированного бюджета Пензенской области от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области»

№	Год	Уровень чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области», тыс. руб. x	Доходы консолидированного бюджета Пензенской области, млрд руб., y	x^2	xy	y^2	\bar{y}_x
1	2012	102	47,1	10404,0	4807,0	2221,0	36,7
2	2013	184	46,2	33856,0	8500,8	2134,4	7577,5
3	2014	257	46,3	66049,0	11899,1	2143,7	10591,1
4	2015	373	47,3	139129,0	17642,9	2237,3	15379,9
5	2016	3100	47,4	9610000,0	146868,4	2244,6	127958,7
6	Сумма	4016,0	234,3	9859438,0	189718,2	10981,0	165773,9
7	Средняя величина	803,2	46,9	1971887,6	37943,6	2196,2	33139,9
8	Квадрат средней	645130,2	2195,9	3888340707033,8	1439720359,8	4823320,5	26632893,1

Источник: <http://krpo.ru/>.

Таблица 5

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Пензенской области, от уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области»

№	Год	Уровень чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области», тыс. руб. x	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Пензенской области, тыс. чел. y	x^2	xy	y^2	\bar{y}_x
1	2012	102	5,427	10404,0	553,6	29,5	4,4
2	2013	184	5,583	33856,0	1027,3	31,2	4,6
3	2014	257	5,684	66049,0	1460,8	32,3	4,7
4	2015	373	5,806	139129,0	2165,6	33,7	4,9
5	2016	3100	5,894	9610000,0	18271,4	34,7	9,8
6	Сумма	4016,0	28,4	9859438,0	23478,7	161,4	11,5
7	Средняя величина	803,2	5,7	1971887,6	4695,7	32,3	5,7
8	Квадрат средней	645130,2	32,2	3888340707033,8	22049884,0	1041,7	1170,2

Источник: <http://krpo.ru/>.

Таблица 6

Сводные результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния уровня чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» на социально-экономические показатели развития региона

№ п/п	Социально-экономические показатели развития Пензенской области (Y – зависимый фактор)	Уровень чистой прибыли АО «Корпорация развития Пензенской области» (X – фактор влияния)			
		Коэффициент корреляции r	Характеристика связи	Значимость r по t-критерию Стьюдента	Уравнение регрессии $Y = A_0 + A_1 X$
1	ВРП Пензенской области, млрд руб.	0,791	Сильная прямая (0,7 < r <= 0,9)	Значимый $t_{расч} (4,656) >$ $t_{табл} (2,1604)$	$\bar{y}_x = 208,323 + 0,113x$
2	Среднедушевые денежные доходы населения Пензенской области, тыс. руб. в месяц	0,794	Сильная прямая (0,7 < r <= 0,9)	Значимый $t_{расч} (4,705) >$ $t_{табл} (2,1604)$	$\bar{y}_x = 13,746 + 0,007x$
3	Доходы консолидированного бюджета Пензенской области, млрд руб.	0,523	Средняя прямая (0,5 < r <= 0,7)	Значимый $t_{расч} (2,212) >$ $t_{табл} (2,1604)$	$\bar{y}_x = 35,25 + 0,014x$
4	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Пензенской области, тыс. чел.	0,71	Сильная прямая (0,7 < r <= 0,9)	Значимый $t_{расч} (3,648) >$ $t_{табл} (2,1604)$	$\bar{y}_x = 4,227 + 0,002x$

институтов развития в каждом субъекте России должно обеспечить рост социально-экономических показателей уровня регионального развития, что будет способствовать, в том числе, формированию наукоемкой инновационной экономики и развитию наиболее эффективных отраслей и комплексов, актуальных для того или иного региона.

Опираясь на научные результаты теоретического и прикладного исследований, систему региональных институтов развития целесообразно представить как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (см. рисунок).

Система региональных институтов развития (РИР) представляет собой совокупность элементов, взаимодействующих между собой с целью повышения показателей эффективности региональных институтов развития и достижения положительных социально-экономических эффектов на уровне региона.

При разработке системы региональных институтов развития необходимо учитывать факторы

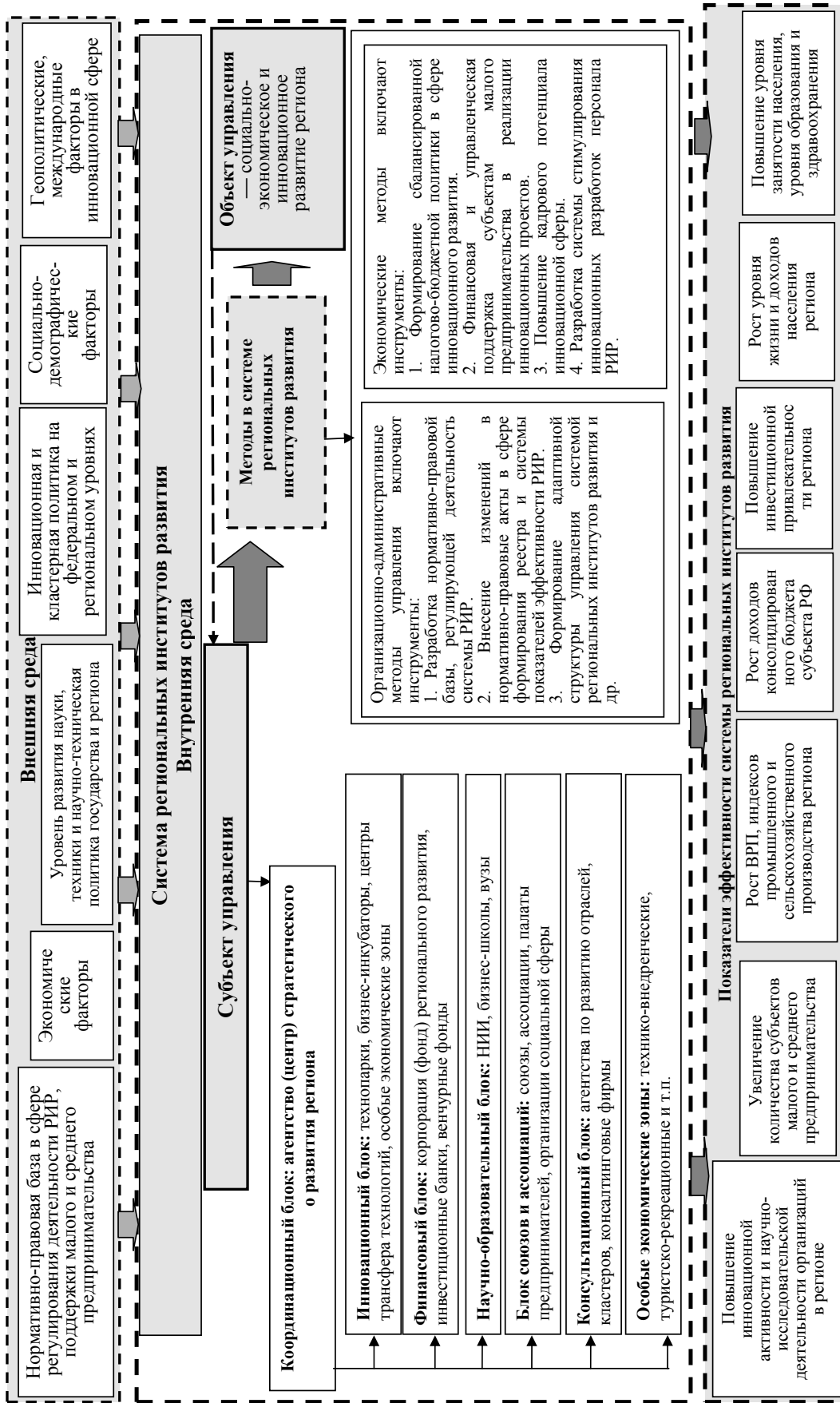
внешней среды, прямо и косвенно воздействующие на нее.

Факторы внешней среды представляют собой условия формирования системы региональных институтов развития, создаваемые внешними по отношению к данным институтам субъектами (государством, международными организациями, хозяйствующими субъектами, учебными заведениями).

К числу факторов внешней среды следует отнести:

- 1) нормативно-правовую базу в сфере регулирования деятельности РИР, поддержки малого и среднего предпринимательства;
- 2) экономические факторы;
- 3) уровень развития науки, техники и научно-техническую политику государства и региона;
- 4) инновационную и кластерную политику на федеральном и региональном уровнях;
- 5) социально-демографические факторы;
- 6) геополитические, международные факторы в инновационной сфере.

Субъектом управления системы региональных институтов развития выступают региональные ин-



Модель системы региональных институтов развития

ституты развития различных уровней и сфер деятельности. Авторы исследования согласны с мнением отечественного ученого в области региональных институтов развития М.А. Федотовой, что в систему региональных институтов развития должны входить следующие блоки: инновационный, финансовый, консультационный, научно-образовательный, блоки общественных организаций и особых экономических зон. При этом также выделяется координирующий орган управления, который может быть представлен агентством либо центром стратегического развития региона [10].

Субъект управления в системе региональных институтов развития использует в своей деятельности совокупность организационно-административных и экономических методов с целью воздействия на объект управления — социально-экономическое и инновационное развитие региона.

Процесс формирования системы региональных институтов развития, по нашему мнению, требует учета ряда методологических принципов:

1. Принцип непрерывности — означает необходимость ориентации на взаимосвязь задач формирования и обеспечения заданного уровня регионального развития.

2. Принцип эффективности — обеспечивает оптимальное соотношение результатов деятельности системы региональных институтов развития (повышение инновационной активности, увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства, рост ВРП и др.) и затрат на функционирование данных институтов (максимально допустимый уровень затрат или его снижение).

3. Принцип синергии — находит свое выражение в том, что результат интегрированного и синхронного взаимодействия совокупности элементов системы региональных институтов развития превышает сумму результатов отдельно взятых элементов.

4. Принцип комплексности — заключается в установлении единства взаимосвязанных элементов модели системы региональных институтов развития.

Таким образом, на основе исследования, проведенного в Пензенской области, было выявлено, что результаты деятельности региональных институтов развития, в частности АО «Корпорация развития Пензенской области», оказывают непосредственное влияние на уровень социально-экономических показателей регионального развития (ВРП, среднедушевые денежные доходы населения, доходы консолидированного бюджета субъекта РФ и численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками). Следовательно, формирование и реализация системы региональных институтов развития позволит повысить показатели эффективности региональных институтов развития и достичь положительных социально-экономических эффектов на уровне региона: увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства; рост ВРП, индексов промышленного и сельскохозяйственного производства региона; повышение доходов консолидированного бюджета субъекта РФ; рост инвестиционной привлекательности региона; рост уровня жизни и доходов населения региона; повышение уровня занятости населения, уровня образования и здравоохранения.

Литература

1. Бондаренко В.В., Юдина В.А., Танина М.А. Повышение инновационной активности российского предпринимательства в условиях реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Теоретико-методологические подходы к формированию системы устойчивого развития предприятий, комплексов, регионов: коллективная монография. Пенза: ПГУ, 2016. С. 13–21.
2. Бухвальд Е.М. Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 6. С. 108–114.
3. Тормышева Т.А. Развитие бизнес-инкубаторов в условиях построения российской инновационной экономики: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Тормышева Татьяна Анатольевна. М., 2013.
4. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 9–18.
5. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–59.
6. Хлебников К.В. Механизмы взаимодействия власти и бизнес-структур в реализации региональных стратегий развития: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Хлебников Кирилл Вячеславович. М., 2012.
7. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффективность институционального развития России: альтернативная оценка // Terra Economicus. 2015. № 4. Т. 13. С. 31–51.

8. Харитонов Т. В., Танина М. А. Формирование механизма управления инновационной активностью хозяйствующих структур региона // Социально-психологические факторы устойчивого социально-экономического развития: Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2016. С. 154–158.
9. Теория статистики: учебник / под ред. Г. Л. Громыко. М.: ИНФРА-М, 2015.
10. Федотова М. А. Перспективы деятельности региональных институтов развития: российский и зарубежный опыт. URL: http://www.fa.ru/institutes/efo/Documents/%D0%9A%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB_3.04.2012/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9C.%D0%90._03.04.2012.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

References

1. Bondarenko V. V., Yudina V. A., Tannina M. A. Increase in innovative activity of the Russian business in the conditions of realization of Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020»: the head in the collective monograph [Povyshenie innovacionnoj aktivnosti rossijskogo predprinimatel'stva v uslovijah realizacii Strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda»: glava v kollektivnoj monografii]. Teoretiko-metodologicheskie podhody k formirovaniju sistemy ustojchivogo razvitija predpriyatij, kompleksov, regionov: kollektivnaja monografija. Penza: PGU, 2016, pp. 13–21 (In Russ.).
2. Bukhvald E. M. Institutes of development and new priorities of regional policy in Russia [Instituty razvitija i novye prioritety regional'noj politiki v Rossii]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija — The Theory and practice of social development*, 2014, no. 6, pp. 108–114 (In Russ.).
3. Tormysheva T. A. Development of business incubators in the conditions of creation of the Russian innovative economy: abstract of the thesis of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 [Razvitie biznes-inkubatorov v uslovijah postroenija rossijskoj innovacionnoj jekonomiki: avtoreferat dissertacii kandidata jekonomicheskikh nauk: 08.00.05] / Tormysheva Tatyana Anatolyevna. Moscow, 2013 (In Russ.).
4. Tatarkin A. I., Kotlyarova S. N. Regional institutes of development as factors of economic growth [Regional'nye instituty razvitija kak faktory jekonomicheskogo rosta]. *Jekonomika regiona — Region Economy*, 2013, no. 3 (35), pp. 9–18 (In Russ.).
5. Tatarkin A. I. Formation of regional institutes of spatial development of the Russian Federation [Formirovanie regional'nyh institutov prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz — Economic and social changes: facts, tendencies, forecast*. 2012, no. 6 (24), pp. 42–59 (In Russ.).
6. Khlebnikov K. V. Mechanisms of interaction of the power and business structures in implementation of regional development strategies: abstract of the thesis of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 [Mehanizmy vzaimodejstviya vlasti i biznes-struktur v realizacii regional'nyh strategij razvitija: avtoreferat dissertacii kandidata jekonomicheskikh nauk: 08.00.05] / Khlebnikov Kirill Vyacheslavovich. Moscow, 2012 (In Russ.).
7. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Efficiency of institutional development of Russia: alternative assessment [Jeffektivnost' institucional'nogo razvitija Rossii: al'ternativnaja ocenka]. *Terra Economicus*. 2015, no. 4, vol. 13, pp. 31–51 (In Russ.).
8. Kharitonova T. V., Tannina M. A. Formation of the mechanism of management of innovative activity of the managing structures of the region [Formirovanie mehanizma upravlenija innovacionnoj aktivnost'ju hozjajstvujushhih struktur regiona]. *Social'no-psihologicheskie faktory ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Moscow, 2016, pp. 154–158 (In Russ.).
9. Theory of statistics: the textbook [Teorija statistiki: uchebnik] / ed. G. L. Gromyko. Moscow, INFRA-M, 2015 (In Russ.).
10. Fedotova M. A. Prospects of activity of regional institutes of development: Russian and foreign experience [Perspektivi deyatel'nosti regionalnih institutov razvitiya_rossiiskii i zarubejnii opit]. URL: http://www.fa.ru/institutes/efo/Documents/%D0%9A%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB_3.04.2012/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9C.%D0%90._03.04.2012.pdf (accessed 01 July 2017) (In Russ.).



УДК 332.1
JEL R53

Региональные суверенные фонды и перспективы заимствования их опыта в России

ВОРОНОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ,

*ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, директор компании «Корпус», Новосибирск, Россия
corpus-cons@ngs.ru*

Аннотация. Рассматривается возможность использования в России мирового опыта создания региональных суверенных фондов. Предполагается, что ресурсы этих фондов могут быть сформированы из трех источников: часть доходов от добычи полезных ископаемых, выделение части земельного фонда, находящегося в федеральной собственности и северные надбавки по примеру фонда Аляски. Указывается, что высокая доля земель в федеральной собственности не способствует успешному развитию региона.

Ключевые слова: региональные суверенные фонды; развитие региона; земля в федеральной собственности; источники формирования фондов; мировой опыт; доходы от добычи полезных ископаемых; северные надбавки.

Regional Sovereign Funds and Prospects for Borrowing their Experience in Russia

VORONOV YU.P.,

*leading researcher of Institute of economy and organization of industrial production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, director of the "Corpus" company, Novosibirsk, Russia
corpus-cons@ngs.ru*

Abstract. Possibility of regional sovereign funds world experience using in Russia is dealt with in article. It is expected that these funds resources might arise from three sources: part of mining revenues, part of land stock in government ownership and so called northern allowances following the example of Alaska. It is indicated that high proportion of land in government ownership does not contribute successfully to the development of region.

Keywords: regional sovereign funds; development of region; land in government ownership; funds resources; world experience; mining revenues; northern allowances.

Когда обсуждается важный вопрос перехода от сырьевой экономики к инновационной, как правило, упускается территориальная проблема. Представляется, что не имеет значения, где начнет разворачиваться инновационная экономика — на той же территории, где добывалось сырье, или вдали от нее. Если в той части страны, где добывались и уже исчерпаны полезные

ископаемые, просто бросать людей на произвол судьбы, весьма сомнительно, что в другой части страны на заработанные в сырьевых регионах средства можно перевести экономику страны на инновационные рельсы. Выведенные за пределы сырьевого региона финансовые средства воспринимаются как дармовые, что не стимулирует к инновациям.



В этом плане весьма полезен опыт США и других стран, где инновационно-территориальная проблема решается не первое десятилетие через создание региональных суверенных фондов.

Региональные (как и национальные) суверенные фонды формируются за счет профицита бюджета и тех государственных (или региональных) доходов, которые не связаны напрямую с добавленной стоимостью (например, от приватизации, иностранной помощи или продажи золотовалютных резервов). Профицит бюджета может появиться вследствие неспрогнозированных доходов от добычи и экспорта невозобновляемых природных ресурсов (чаще всего, экспорта нефти и газа). Кроме России, это происходит в Норвегии, Нигерии, Венесуэле, Азербайджане и т.д. Но есть Чили и Ботсвана, и даже штат Вайоминг (США), где суверенные фонды формируются не за счет нефтегазовых доходов, а за счет экспорта других полезных ископаемых. Кроме того, есть и несырьевые источники формирования суверенных фондов. Так, КНР формирует суверенные фонды за счет положительного внешнеторгового сальдо, которое образуется не за счет экспорта сырья. Сингапур формирует их за счет экспорта услуг (в первую очередь — финансовых).

Иные (нерегулярные) поступления в бюджет, создающие профицит бюджета, привели к образованию суверенных фондов в таких странах, как Австралия, Вьетнам, Индонезия, Ирландия, Малайзия, Франция, Южная Корея.

По классификации МВФ суверенные фонды, как национальные, так и региональные, делятся на 5 категорий:

1. Стабилизационные фонды, цель которых — защиты бюджета от колебаний мировых цен.
2. Сберегательные фонды будущих поколений, цель которых — конвертация невозобновляемых сырьевых активов в портфель диверсифицированных активов.
3. Инвестиционные компании, которые получают доходы от золотовалютных резервов и операций с ними.
4. Фонды развития, финансирующие социально-экономические проекты и модернизацию промышленности.
5. Резервные фонды, чаще всего предназначенные для компенсации дефицита пенсионных фондов в условиях старения населения.

Новейшая история суверенных фондов началась в 1953 г., когда в Кувейте был создан первый фонд, финансируемый за счет доходов от продажи нефти.

Как и Египет, Кувейт в конце XIX в. был зависим от Османской империи, хотя (как и Египет) не входил в нее. В 1871 г. один турецкий военачальник объявил Кувейт османской провинцией, подотчетной вилайету Басры (нынешний Ирак) и назначил шейха Абдаллу ас-Сабаха, главу этого вилайета, правителем Кувейта. На этом основании спустя более века, в 1990 г., Кувейт был оккупирован Ираком, что, в конце концов, стало трагическим событием для самого Ирака.

Историки, как мне думается, будут долго исследовать финансовые механизмы, порожденные на Ближнем Востоке, когда части Османской империи обрели частичный суверенитет, а бюджетные и инвестиционные процессы в них были весьма изощренными.

Первый шаг

В США суверенные фонды имеют 7 штатов из 50 (14%). История их ведется с 1854 г., когда был создан Постоянный школьный фонд Техаса (Texas Permanent School Fund). Тогда в него было перечислено 2 млн долл., а на конец 2011/2012 хозяйственного года его активы превысили 28 млрд долл. Фонд вкладывал и вкладывает свои средства в систему школьного образования штата Техас. В 1876 г. в него была вложена половина всех земель, принадлежащих штату, и с тех пор он извлекает из этих земель доходы. Фонд существует только за счет этих доходов и не претендует на доходы штата. Слово «перманентный» в названии фонда отражает его обязательство не расходовать основную часть активов, а использовать для целевой деятельности только доходы.

Кроме того, Техас, единственный из всех штатов США, обладает исключительными правами на берега судоходных рек на территории штата (исторически так получилось), и эти территории также приносят доходы фонду.

Кроме Постоянного школьного фонда, в Техасе с 1876 г. работает Постоянный университетский фонд. Он ежегодно перечисляет часть своих доходов в некоммерческий Доступный университетский фонд Техаса. Расходами Доступного фонда фактически управляет Совет ректоров университетов штата. Этот фонд не все эксперты считают суверенным, поскольку он допускает внешние воздействия на его деятельность.

Возможно ли перенять опыт, который был реализован в Техасе 137 лет назад? Для ответа на этот вопрос обратимся к статистике о структуре

Таблица 1

**Структура собственности на землю по субъектам РФ, для которых
собственность на землю более 30% (по состоянию на 01.01.2011)**

	В федеральной собственности, тыс. га	В собственности субъекта РФ, тыс. га	В муниципальной собственности, тыс. га	Всего, тыс. га	В федеральной собственности, %	В собственности субъекта РФ, %	В муниципальной собственности, %
Белгородская область	255,2	513	0	768,6	33,2	66,8	0,0
Тюменская область	95,9	83,1	1,6	180,6	53,1	46,0	0,9
Ульяновская область	186	170	14	370	50,4	45,9	3,7
Краснодарский край	741,5	434	91,5	1267	58,5	34,3	7,2
Кировская область	89,6	46,3	4,2	140,1	64,0	33,0	3,0
Тамбовская область	390,9	192	0,2	583,1	67,0	32,9	0,0

Источник: Приложение 4 к Государственному (Национальному) докладу «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году».

Примечание: нулевые доли муниципальной земельной собственности означают не ее отсутствие, а то, что права на эту собственность не оформлены надлежащим образом.

собственности на землю в нашей стране (табл. 1). 97,5% российской земли находится в федеральной собственности. Субъекты РФ располагают всего 1,8% земель, остальное — всего лишь 0,7% — принадлежат муниципалитетам.

Эффект от большой доли собственности субъекта РФ виден хотя бы по такому сопоставлению: за 8 лет перед 2012 г. валовой региональный продукт (ВРП) Белгородской области вырос в 4,5 раза, а ВРП Тамбовской области (с обратным соотношением собственности федеральной и субъекта РФ) — всего в 3,2 раза. Соотношение темпов роста ВРП так или иначе связано с обратным соотношением прав на землю. В Белгородской области на каждый гектар федеральной земли приходится два гектара региональной. В Тамбовской области (находящейся практически в тех же природно-климатических условиях) соотношение обратное. Таким образом, высокая доля региональной собственности дает превышение темпов роста ВРП на 40%.

В табл. 1 не приведены данные по республикам Северного Кавказа, где доля земель, находящихся в собственности субъекта РФ, превышает 70%. Но в восточных регионах страны нет того тренда, который заставляет республики Северного Кавказа лоббировать перевод земель из федеральной собственности в муниципальную или региональную.

В табл. 2 представлена структура собственности на землю по Сибирскому федеральному округу.

Как видно из таблицы, ситуация в Сибири принципиально отличается от той, которая сложилась в Европейской части России. Более того, даже по сравнению с российской, доля собственности на землю сибирских субъектов РФ ниже в 4,5 раза.

Самые значительные по площади три сибирских субъекта: Красноярский край, Республика Бурятия и Томская область (на них приходится почти 88% земель СФО) вполне могут претендовать на то, чтобы темпы роста их ВРП увеличились не менее чем на 40%, если судить по соотношению темпов роста Тамбовской и Белгородской областей.

Таблица 2

Структура собственности на землю по некоторым субъектам РФ (Сибирский федеральный округ, по состоянию на 01.01.2011)

	В федеральной собственности, тыс. га	В собственности субъекта РФ, тыс. га	В муниципальной собственности, тыс. га	Всего, тыс. га	В федеральной собственности, %	В собственности субъекта РФ, %	В муниципальной собственности, %
Республика Алтай	4054,9	3,3	113,4	4171,6	97,2	0,1	2,7
Республика Бурятия	29458,3	2,9	38,4	29499,6	99,9	0,0	0,1
Республика Тыва	3417	0,6	3,9	3421,5	99,9	0,0	0,1
Республика Хакасия	3990,2	0	0	3990,2	100,0	0,0	0,0
Алтайский край	1252,5	104,7	58,8	1416	88,5	7,4	4,2
Красноярский край	114889,7	148,9	60,6	115099,2	99,8	0,1	0,1
Иркутская область	1153,3	7,3	6,8	1167,4	98,8	0,6	0,6
Кемеровская область	5872,6	458,6	2,2	6333,4	92,7	7,2	0,0
Новосибирская область	346,3	1,5	0	347,8	99,6	0,4	0,0
Омская область	1099,8	29	134,9	1263,7	87,0	2,3	10,7
Томская область	28612,4	9,3	6,3	28628	99,9	0,0	0,0
Забайкальский край	1963,3	2,1	13	1978,4	99,2	0,1	0,7
Всего по СФО	196110,3	768,2	438,3	197316,8	99,4	0,4	0,2

Источник: Приложение 4 к Государственному (Национальному) докладу «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году».

**Американский опыт.
Наше время**

Суверенный региональный фонд в настоящее время представляет собой нормальный финансовый инструмент для финансирования региональных инвестиционных проектов.

Познакомившись с истоками суверенных фондов США, обратимся к практике нынешних суверенных фондов этой страны. В табл. 3 они упорядочены по убыванию размеров фонда.

Первую строчку занимает (с большим отрывом от второй) Суверенный фонд штата Аляска. В сумме это примерно 3% от федерального бюджета США, из чего следует, что из-за региональных суверенных фондов нет принципиального перераспределения бюджетных потоков. Применительно к России это означало бы наличие в региональных суверенных фондах примерно 400 млрд руб.

Вторую строчку занимает уже известный нам Суверенный школьный фонд Техаса, источником

Таблица 3

Семь региональных суверенных фондов США, имеющих высокую степень прозрачности

	Штат	Наименование фонда	Размер (млрд долл.) на июль 2013 г.	Год основания	Источник поступлений	Индекс прозрачности Линабурга-Мадзуэля
1	Аляска	Alaska permanent fund	46,8	1976	Добыча нефти	10
2	Техас	Texas permanent school fund	25,5	1854	Добыча нефти, недвижимость, земельный фонд	9
3	Нью-Мексико	New Mexico State Investment Council	17,3	1958	Добыча нефти и газа	9
4	Вайоминг	Permanent Wyoming Mineral Trust Fund	5,4	1974	Добыча минерального сырья	9
5	Алабама	Alabama Trust Fund	2,5	1985	Добыча нефти и газа	Нет данных
6	Луизиана	Louisiana Education Quality Trust Fund	1,1	1986	Добыча нефти и газа	Нет данных
7	Северная Дакота	North Dakota Legacy Fund	1	2011	Добыча нефти и газа	Нет данных
Итого 99,6						

Таблица 4

Список субъектов РФ, имеющих сырьевую ориентацию

	Европейская часть и Урал	СФО и ДВФО
Регионы, сохраняющие уровень сырьевой специализации	Республики Коми и Башкортостан, Ненецкий АО, Белгородская область	Приморский и Хабаровский края, Республика Саха Якутия
Регионы, повышающие уровень сырьевой специализации	Астраханская, Курская и Мурманская области	Алтайский, Забайкальский, Камчатский и Красноярский края, республики Бурятия, Тыва и Хакасия, Амурская, Иркутская Кемеровская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область

Примечание: Томская область по данной классификации относится к тем субъектам РФ, которые уходят от сырьевой ориентации.

Источник: [1].

средств которого теперь являются не только операции с землей и недвижимостью, но и поступления части налогов от добычи нефти и газа на территории штата.

Если учесть, что в России 89 субъектов РФ, иметь суверенные фонды (следуя американскому опыту) могли бы 12 из них, в среднем по 33 млрд руб. в каждом. Для сравнения, консолидированный бюджет Красноярского края за 2012 г. составил более 200 млрд руб., Республики (Саха) Якутия — 148 млрд руб., Новосибирской области — 129 млрд руб., Рес-

публики Бурятия — 48 млрд руб. Так что, 33 млрд руб. меньше, чем бюджет. К тому же фонд — это капитал, а реальные доходы от среднего фонда будут составлять 3–5 млрд руб. в год.

Анализ и подбор потенциальных кандидатов на создание суверенных фондов (на основе поступления части налогов от добычи сырья) можно сделать по *табл. 4*.

Таким образом, в Сибири и на Дальнем Востоке суверенные фонды по сырьевому направлению

должны бы иметь Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, республики: Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, а также Амурская, Еврейская автономная, Иркутская, Магаданская и наиболее вероятные претенденты — Кемеровская и Сахалинская области.

В Сибири возможно создание двух суверенных фондов на базе передаваемого в собственность субъектов РФ земельного фонда (Алтайский край и Республика Бурятия) и пяти суверенных фондов, источниками доходов которых будет часть налоговых поступлений от добычи полезных ископаемых (Забайкальский и Красноярский края, республики Тыва и Хакасия, Кемеровская область). Предложение создать 7 суверенных фондов, два из которых базировались бы на земельном фонде, и 5 — на доходах от добычи сырья, не должно восприниматься как догма. Вполне возможно, что часть субъектов РФ пожелают сконцентрироваться исключительно на операциях с землей. Не исключено, что и Бурятия, и Алтайский край, следуя истории суверенных фондов Техаса, начнут с земельного фонда и дополнят свои доходы частью налоговых поступлений от добычи полезных ископаемых. Точно так же неопределенным представляется и целевое назначение средств — то ли образование и наука, то ли общие задачи экономического развития.

Во всяком случае, данную проблему следует обсуждать как вполне реализуемую, хотя на нынешнем этапе она и не вполне ясна.

Аляска, бывшая часть России

В штате Аляска, на самом деле, существуют два суверенных фонда — Постоянный (сберегательный) фонд (с 1976 г.) и Стабилизационный резервный фонд (с 1990 г.). Последний был создан вследствие резкого снижения доходов от добычи нефти [2]. По конституции, в Постоянный фонд отчисляется не менее четверти доходов штата Аляска от налогов на нефтедобычу и нефтепереработку, на оборудование для добычи, на доходы нефтяных компаний, на продажи лицензий на бурение, сервитутов на нефтепровод и т.п.

Отчисления в фонд идут стабильно, независимо от положения на нефтяных и финансовых рынках. Структура инвестиций определяется самим фондом, который управляется частной (общественной) организацией — корпорацией фонда, реализующий независимый менеджмент. Любое вмешательство в дела фонда невозможно без внесения поправок

в конституцию штата. Согласно конституции четверть добываемой нефти — есть собственность населения штата. Бюджет Аляски на 80% состоит из налогов, которые платят нефтяные компании за право добывать нефть на Аляске. Население никаких налогов штату не платит.

Каждому жителю Аляски ежегодно выплачиваются дивиденды, на которые идут 42% доходов фонда. Первые чеки были выписаны в 1982 г., и каждый гражданин получил по 1000 долл. В среднем за первое десятилетие текущего века каждый из них получал в среднем 1368 долл. (пунктирная линия на рисунке). Сплошной линией показаны фактические выплаты за это десятилетие в расчете на одного жителя. Колебания выплат объясняются конъюнктурой мирового рынка углеводородов, а также этапами освоения новых месторождений и снижения добычи на старых.

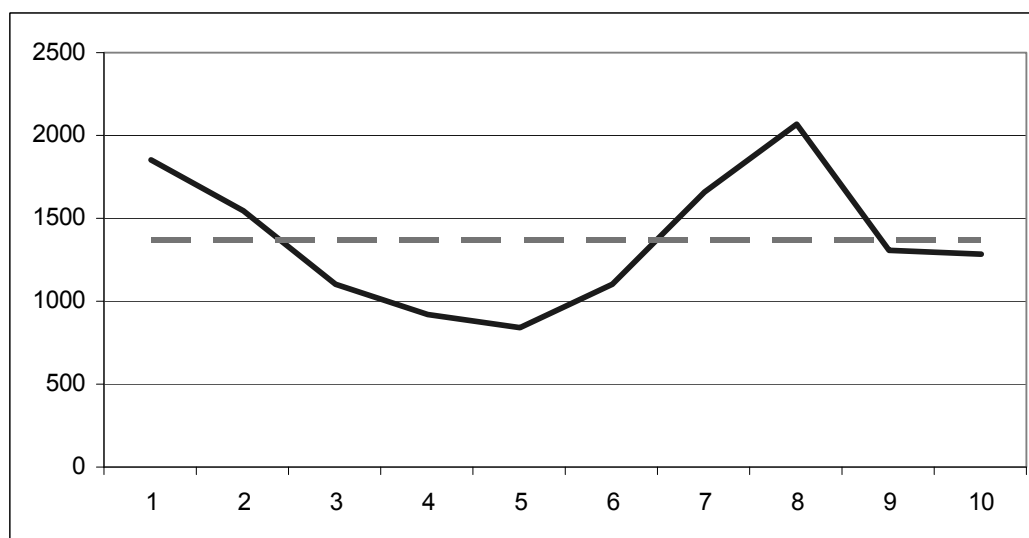
Характерно, что в период кризиса 2008 г. выплаты дивидендов не упали, а возросли. Это означает, что в кризис у фонда было меньше инвестиционных возможностей. В 2015 г. выплата составила 2037 долл.

Колебания выплат в зависимости от внешних обстоятельств и положения в экономике региона представляются более адекватными в сравнении с «северными» надбавками, которые выплачиваются гарантированно, независимо от экономической ситуации. Перекалывание рисков на федеральный уровень чревато тем, что становится невозможным выплачивать гарантированно и регулярно сами «северные» надбавки.

Должны ли быть привлекательными дивиденды суверенных фондов регионов РФ, которые распределяются равномерно между всеми жителями региона? Это вопрос неоднозначный. С одной стороны, этот бонус закрепляет население, стимулирует его к работе на данной территории. Это важно как для Аляски, так и для восточных регионов России, так как привлечь нового работника существенно дороже, чем удержать человека, уже привыкшего к местным условиям.

С другой стороны, дивиденды показывают, что сам фонд не в состоянии пустить деньги в оборот и передоверяет использование денежных средств гражданам. И тогда привлекательность фонда как инвестиционного партнера снижается. В общем, есть над чем подумать.

В настоящее время в России в этом плане действуют нормативные акты федерального уровня, которые имеют некоторое отношение к проблеме: Трудовой кодекс (ст. 313) и Федеральный закон от 19.02.1993 № 4520-I «О государственных гарантиях



Дивиденды, выплаченные каждому жителю Аляски (2000–2010 гг.)

Источник: [3].

и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (с изменениями от 02.06.1993, 08.01.1998, 27.12.2000, 06.08.2001, 30.12.2001, 10.01.2003, 22.08.2004, 29.12.2004).

Основная часть многочисленных поправок 1993–2004 гг. сводилась к тому, что Закон переставал быть законом прямого действия, основная часть полномочий передавалась исполнительной власти. Правительством РФ теперь устанавливается перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (ст. 2 Закона), размер районного коэффициента и порядок его применения для расчета заработной платы (ст. 10), размер процентной надбавки и порядок ее выплаты (ст. 11) и т.д.

Дефектом подхода к данной проблеме является исходная трактовка ее как элемента трудового права. Стимулирование жизни на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке не имеет отношения к равным для всех условиям труда, к труду как таковому. Государство, заинтересованное в сохранении населения на определенных территориях, решает геополитические задачи, а не улаживает отношения между работником и работодателем.

По этой причине часть (или даже все) северные надбавки должны выплачиваться тем, кто имеет на них право, по опыту Аляски, а не по опыту Советского Союза. Второй вариант не подходит по той причине, что северные надбавки из бюджета предполагают, что государство — главный работодатель. А в этом плане и Сибирь, и Дальний Восток, и Крайний Север

России сейчас ближе к Аляске, чем к СССР. Поэтому нужно платить дивиденды от суверенного фонда (а не дотации из бюджета) не только работникам, но и всем жителям северных территорий.

Впрочем, дивиденды — не главное, тем более, что средний душевой доход в штате Аляска — больше 30 000 долл. в год, добавка от фонда составляет лишь 4,5%. Основная задача фонда — подстраховка, компенсация возможного дефицита бюджета. По этой причине прочая часть доходов идет не столько на развитие фонда, сколько на кредитование бюджета штата. Это избавляет штат (частично, конечно) от необходимости занимать средства у банков. Предельный размер заимствований ограничен законодательством штата. Такое решение, как и определение направлений инвестиций фонда, требует согласия трех четвертей депутатов каждой из двух палат Законодательного собрания штата. Это гарантирует прозрачность всех действий фонда.

Однако сколько бы ни была привлекательна для заимствования идея всеобщей ежегодной выплаты населению дивидендов, более важным элементом следует считать прозрачность деятельности суверенных фондов. Дивиденды здесь играют роль, скорее, мотивации народного контроля за этой прозрачностью.

Прозрачность важнее государственных гарантий

Показатель прозрачности суверенных фондов был разработан сотрудниками норвежского

Института фондов национального благосостояния Карлом Линабургом и Майклом Мадуеллом с учетом практики управления Норвежским пенсионным фондом.

Индекс Линабурга-Мадуелла считается по десяти параметрам-вопросам по принципу «да-нет». За каждое «да» добавляется единица:

1. Ведется ли история фонда, включая создание, источники поступлений и структуру государственного управления фондом?
2. Своевременно ли представляются отчеты независимых аудиторов?
3. Соблюдается ли процентное соотношение размещения средств и их географическое распределение?
4. Указывается ли рыночная стоимость активов, доходы и компенсации менеджером?
5. Выдерживаются ли установленные ориентиры в отношении этических стандартов и инвестиционной политики, и становятся ли эти ориентиры более строгими?
6. Показаны ли отчетливо цели и перспективы?
7. Если таковое предусмотрено, указываются ли дочерние компании и их контактная информация?
8. Если таковое предусмотрено, сообщается ли о внешних управляющих?
9. Есть ли собственный сайт?
10. Указаны ли адрес головного офиса и другая контактная информация (телефон и факс).

Минимальный рейтинг, который рекомендуют иметь фондам, равен 8. Тогда можно быть включенным в список прозрачных фондов. По первому полугодю 2013 г. 10 баллов по индексу получили только 9 суверенных индексов мира и из них — только два региональных: Аляска по США и Абу-Даби (фонд Mubadala) по ОАЭ. Кроме них, максимально прозрачными были суверенные фонды Австралии (Австралийский фонд будущего), Азербайджана, Ирландии (Национальный пенсионный резервный фонд), Новой Зеландии, Норвегии (один из двух Государственных пенсионных фондов Норвегии — «Глобал»), Сингапура (Инвестиционная компания Temasek) и Чили. Как видим, это в основном государственные суверенные фонды. Но есть среди них и региональные. К ним эксперты зачастую менее придирчивы, чем к национальным фондам, поскольку считается, что на региональном уровне, где нет закрытых статей бюджета, проще обеспечить прозрачность фонда.

Норвегия и Альберта — чистые от подозрений

Общемировым эталоном прозрачности считается Норвежский государственный пенсионный фонд «Глобал». Сведения о его активах, обязательствах, доходности и размещении средств может свободно получить любой пользователь Интернета. Активы фонда превышают ВВП страны.

Ежегодно фонд отчитывается перед парламентом. При этом отсутствуют заранее установленные правила отчислений в фонд, а их сумма и направления расходования утверждаются парламентом также ежегодно. Правительство в лице министерства финансов имеет право на расходование только 4% накоплений фонда.

Оперативное руководство фондом ведет центральный банк Норвегии. В помощь ему был создан совет по инвестиционной стратегии, а также совет по этике. Цель последнего — запрещать инвестиции в компании, допускающей нарушение человеческих прав, коррупцию и экологический ущерб. Всего советом по этике были запрещены инвестиции в 19 компаний: 7 — за производство компонентов для ядерного оружия, 8 — за участие в производстве кассетных бомб, 4 — за нарушение социальных прав, экологических норм и требований ООН.

Из региональных фондов наиболее прозрачным считается Фонд наследия канадской провинции Альберта. Alberta's Heritage fund был основан в 1976 г. Его доходы, идущие от добычи нефти, на июль 2013 г. составляют 16,4 млрд долл. Индекс прозрачности Линабурга-Мадуелла максимален. Инвестиционным портфелем управляет департамент инвестиционного менеджмента Министерства финансов провинции Альберта, но действия департамента находятся под постоянным контролем законодателей.

Фонд был учрежден Законодательной ассамблеей провинции Альберта, которая ежегодно устанавливает размер отчислений в фонд. С 1987 г. отчисления были отменены, но фонд продолжал свою работу с ранее накопленными активами [4]. К его управлению в том же году был привлечен независимый менеджмент (частная компания).

* * *

В мире растет число суверенных фондов как национального, так и регионального уровня. Еще быстрее, чем число фондов, растут их активы. Если первоначально фонды были наиболее га-

рантированным от рисков объектом инвестиций, то в последнее время риски, принимаемые ими, более высоки.

Усиливается и их конкуренция с банками и транснациональными финансовыми компаниями. Суверенные фонды были фактически избавлены от этой конкуренции при высоких мировых ценах на сырье, а также из-за накопления многими странами значительных валютных резервов.

Три четверти суверенных фондов находятся в Азии, 17% — в Европе, по 3% — в США и странах Африки. Это свидетельствует о том, что для Азии характерен профицит государственного бюджета, а для Европы и Северной Америки — дефицит. А где бюджетный дефицит, там нет места суверенным фондам, будь они национальными или региональными. Опыт региональных суверенных фондов Европы и Америки пока медленными темпами заимствуется азиатскими странами.

Вместе с тем использование инструмента региональных суверенных фондов показало свою эффективность. Территории, располагающие та-

кими фондами, развиваются быстрее. Нелепо перекачивать все средства в федеральный центр для того, чтобы потом вернуть их обратно в регион. Суверенный фонд фактически является гарантом того, что средства не будут перераспределены в центре произвольным образом. Одновременно фонд является и гарантом целевого использования средств в регионе.

Подводя итог, можно обобщить, что для нашей страны необходимо перенять из американского и другого зарубежного опыта. В Сибири и на Дальнем Востоке должны быть созданы региональные суверенные фонды, три источника которых — реформированные северные надбавки, земельный фонд, переданный на региональный уровень, и часть налоговых поступлений от добычи полезных ископаемых. Общий надзор над этими фондами целесообразно оставить за федеральным центром, так что их суверенитет (как это обычно и происходит) будет ограниченным. Это одновременно снимет опасения, которые при первом знакомстве (без особых на то оснований) вызывает слово «суверенный».

Литература

1. Козлова О. А., Шеломенцев А. Г. Оценка влияния освоения минерально-сырьевой базы на региональное развитие // Экономика региона. 2012. № 3.
2. Краснопольский Б. Х. Правовое регулирование инвестиции постоянного (стабилизационного) фонда: опыт штата Аляска, США // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2006. № 1–2.
3. Проблемы эффективности управления государственными резервами и государственным долгом Российской Федерации / Сборник материалов Совета Федерации Федерального собрания. 2011. № 17 (429).
4. Капица П. М. Использование природной ренты на цели развития: зарубежный опыт. Мировое и национальное хозяйство. МГИМО МИД России. 2007. № 3.

References

1. Kozlova OA, Shelomentsev AG. Evaluation of the impact of mineral resource development on regional development [Ocenka vlijaniya osvoenija mineral'no-syr'evoy bazy na regional'noe razvitie]. *Jekonomika regiona — The Economy of the Region*, 2012, no. 3.
2. Krasnopolsky B. Kh. Legal regulation of the investment of a permanent (stabilization) fund: the experience of the State of Alaska, USA [Pravovoe regulirovanie investicii postojannogo (stabilizacionnogo) fonda: opyt shtata Aljaska, SShA]. *Nedvizhimost' i investicii. Pravovoe regulirovanie — Real Estate and Investments. Legal regulation*, 2006, no. 1–2.
3. Problems of the efficiency of management of state reserves and the public debt of the Russian Federation / Collected materials of the Council of the Federation of the Federal Assembly [Problemy jeffektivnosti upravlenija gosudarstvennymi rezervami i gosudarstvennym dolgom Rossijskoj Federacii / Sbornik materialov Soveta Federacii Federal'nogo sobranija]. 2011, no. 17 (429).
4. Kapitsa P. M. The use of natural rents for development: foreign experience [Ispol'zovanie prirodnoj renty na celi razvitija: zarubezhnyj opyt]. *Mirovye i nacional'noe hozjajstvo — World and national economy. MGIMO MID Rossii*, 2007, no. 3.

УДК 336
JEL G20

Реформирование банковских систем стран ЕАЭС в преддверии создания единого финансового рынка

СТАРДУБЦЕВА ЕЛЕНА БОРИСОВНА,

*д-р экон. наук, профессор Департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
evdokija59@mail.ru*

МАРКОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА,

*канд. экон. наук, доцент Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия
markova1310@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования и функционирования банковских систем стран ЕАЭС; их общие черты и особенности развития, связанные со слабой конкурентоспособностью банков отдельных стран и их вовлеченностью в создание единого банковского рынка, гармонизацией банковского законодательства и регулированием банковского бизнеса. В статье показаны направления совершенствования банковской деятельности стран ЕАЭС и развития сбалансированности банковских услуг. В заключение делается вывод, что только решение указанных проблем позволит банковским системам стран ЕАЭС перейти к созданию общего финансового рынка.

Ключевые слова: мировая экономика; банки; финансовые институты; банковская система; финансовый рынок; ЕАЭС.

Reform of the Banking Systems of the Countries of the EEU on the Eve of Creating a Single Financial Market

STARODUBTSEVA E.B.,

*Doctor of Economic, Professor of Department of world economy and international business, Financial University, Moscow, Russia
evdokija59@mail.ru*

MARKOVA O.M.,

*PhD in Economic, associate Professor, Department of financial markets and banks, Financial University, Moscow, Russia
markova1310@bk.ru*

Abstract. In the article the problems of formation and functioning of banking systems of the EAEU member States, their common features, peculiarities of development associated with the weak competitiveness of banks of individual countries and their involvement in the creation of a single banking market, harmonization of banking legislation and regulation of the banking business. This paper shows the directions of improving the banking activities of the EAEU countries and the development of the balance of banking services. In the end it is concluded that the only solution to these problems will allow the banking systems of the countries of the EEU to create the common financial market

Keywords: world economy; banks; financial institutions; banking system; financial market; EEU.

В последние годы все более заметным становится отрыв финансового и банковского секторов экономики от воспроизводственных процессов, что усугубляется несбалансированностью общенациональных и мировых интересов. Так, в экономике отдельных стран потребности в активах, необходимых для финансирования реальной экономики, покрываются не за счет роста реального ВВП, а за счет преобладания спекулятивных виртуальных сделок, связанных с получением максимальных прибылей на основе различного рода «финансовых пузырей». Не в полной мере проявлялся контроль международных финансовых органов за деятельностью банков, что обусловлено ограниченностью финансовой и ресурсной базы основных международных финансовых регуляторов (МБР, МВФ, Всемирного банка, ЕЦБ и др.), которые в условиях кризисов не смогли оказать необходимую финансовую поддержку развивающимся странам и обеспечить высокие темпы экономического роста мировой экономики.

Таким образом, указанные факторы углубляли диспропорции развития национальных экономик и общественного воспроизводства в целом, тем самым ограничивали возможности реализации интеграционной модели, связанной с повышением устойчивости развития мирового хозяйства. Кроме того, усилилась потребность реформирования международных показателей оценки финансовой устойчивости кредитных организаций; упорядочения и ужесточения форм и методов банковского регулирования и контроля; поиска новых более эффективных направлений деятельности органов межгосударственного финансового регулирования.

Следовательно, возникла необходимость существенного пересмотра моделей банковского бизнеса, связанных с внедрением новых механизмов работы финансовых институтов, опирающихся на анализ рисков финансовой устойчивости. Важность подобных подходов к оценке деятельности банковского сообщества напрямую связана с усилением роли надзорных и контрольных функций центральных банков и международных финансовых организаций путем введения более жестких требований по консолидации собственного капитала коммерческих банков, формированию резервов, страхованию рисков.

Это, в свою очередь, заставляет банки переходить к решению комплексов текущих проблем, связанных с совершенствованием структуры ресурсной базы, повышением качества и снижением рисков в управлении банковским и инвестиционным портфелями, улучшением качества банковских инвестиций и уровня

ликвидных активов, ужесточением требований в области банковского менеджмента и уровня финансовой безопасности информационных систем.

Последнее особенно важно в настоящее время, когда развитие банковских технологий достигло такого уровня, что любая хакерская атака или мошеннические действия могут привести к серьезным потерям банковских активов и информационной безопасности. К сожалению, в картах рисков риск-менеджмента многих российских банков роль информационных рисков недооценивается. В частности, в России, по данным Национального рейтингового агентства, с осени 2013 г. совокупный размер ущерба, причиненного банкам в ходе информационных атак, превысил 1,329 трлн руб. [1]. То же можно сказать и об уровне киберпреступности, мировые потери от которой ежегодно составляют около 0,5 трлн долл. США, а к 2018 г. потери российских банков в сфере информационных технологий могут превысить 2 трлн руб. (<https://rg.ru/2016/10/13/cb-poteri-bankov-ot-atak-kibermoshennikov-sostavili-2-mlrd-rublej.html>).

В этих условиях российские банки, так же, как и банки других стран ЕАЭС, готовы усилить меры безопасности в области систем защиты информации. Так, в рамках форума Finopolis-2016 ПАО Сбербанк и компания Microsoft в России подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в области кибербезопасности. В соответствии с подписанным соглашением ими предполагается создание центра киберзащиты как для оказания услуг в области информационной безопасности ПАО Сбербанк, так и для других заинтересованных в этом кредитных организаций. Еще одним примером взаимодействия в этой области является предложенная Банком России совместная с коммерческими банками борьба с финансовым мошенничеством. Следует отметить, что для России и Казахстана данная проблема носит весьма актуальный характер. Так, если в России в 2016 г. была пресечена деятельность 180 организаций, действующих по принципу пирамиды, а по факту мошеннической деятельности было возбуждено 150 уголовных дел (<https://711.ru/news/economics/21801-strany-eaes-obedinyatsya-dlya-borby-s-finansovymi-piramidami.html>), то в Казахстане в 2016 г. в производстве находилось 350 уголовных дел, а за 4 месяца 2017 г. их число уже достигло 351 (<https://www.kursiv.kz/news/finansy/v-kazahstane-prodolzaut-procvetat-finansovye-piramidy>). Для четырех других участников ЕАЭС данная проблема стоит не так остро, поскольку случаи появления пирамид в этих странах имеют единичный характер, но банки ЕАЭС поддержали данную инициативу.

В контексте трансформации финансового рынка стран ЕАЭС серьезных изменений требуют банковские системы пяти стран-членов, которые в настоящее время выступают в большей степени как разнородные участники данного рынка, различающиеся как по количественным, так и по качественным показателям. Вместе с тем речь идет не столько о создании единой банковской системы, сколько об унификации и реформировании национальных банковских систем.

В этих условиях наиболее развитой выступает банковская система России, которая превосходит другие страны по количеству банков, размерам активов, возможностям ее регулирования (*табл. 1*) [2]. Начиная с 90-х гг. XX в. банковский сектор страны развивался в основном экстенсивным путем, который в последующем стал более цивилизованным. Количество банков в настоящее время в России уменьшается, причем в последнее время практически теми же темпами, что и в конце 90-х гг. Так, в 2015 г. было отозвано 88 банковских лицензий, в 2016 г. — 114, а за 4 месяца 2017 г. — 24 банковские лицензии. На 01.05.2017 насчитывалось лишь 551 действующий банк.

Наряду с сокращением количества банков, изменяется и облик банка. Так, уставный капитал 48,7% коммерческих банков превышает 60 млн руб., в целом доля совокупных активов банковской системы в ВВП составляет 93%, собственных средств в ВВП — 11,2%. Достаточно представлены иностранные банки в виде дочерних компаний и представительств (174)*. Несмотря на уход отдельных иностранных банков из страны в результате санкций и из-за сокращающегося ВВП, на их долю приходится 16,57% совокупного уставного капитала банковской системы.

Однако, несмотря на кажущуюся положительную динамику в развитии банковской системы России, наблюдаются достаточно серьезные проблемы, связанные, как и в других странах, с притоком денежных средств, абсорбированием ликвидности, расширением клиентской базы, развитием корпоративного кредитования, формированием не только предложения, но и спроса на кредитные ресурсы и т.д. Входение в ЕАЭС усложнило возможности российской банковской системы еще и тем обстоятельством, что свобода движения капитала приводит к миграции банковского капитала в другие страны из-за лучших условий, высокого спроса на банковские услуги, появляющиеся из-за более низкого развития банковских систем. Например, в Армении дочерняя компания ВТБ занимает ведущее место по величине портфеля

потребительских кредитов, а «дочки» ПАО Сбербанк имеют влиятельные позиции в Беларуси и Казахстане.

В противовес России банковские системы оставшихся четырех стран ЕАЭС по развитию приблизительно одинаковы. Общее количество банков колеблется около 30 (в Беларуси — 24, из них 5 с государственным участием, 14 с иностранным участием, в Казахстане — 33 банка второго уровня, из них 16 с иностранным участием; в Кыргызстане — 25 банков и 17 с иностранным участием; в Армении — 22 банка). Доля активов в ВВП — свыше 50% (в Казахстане — 58%, Армении — 78,7%) за исключением Кыргызстана, где доля активов в ВВП составляет 38,8%. Именно данные показатели свидетельствуют о трудностях интеграционных процессов в банковской системе ЕАЭС (*табл. 2*).

Характеризуя банковскую систему стран — членов ЕАЭС, следует выделить некоторые важные факторы, которые в будущем будут способствовать созданию единого банковского сектора ЕАЭС во главе с единым мегарегулятором. Так, во всех рассматриваемых странах банковская система представлена двумя уровнями: на первом — центральный банк, который выполняет наряду с основными, традиционными функциями, роль мегарегулятора на финансовом рынке; на втором — коммерческие банки различной формы собственности (частной, государственной, иностранной, совместной). Справедливости ради следует отметить, что соотношение этих видов собственности различается по странам. Так, в Беларуси доля государства в совокупном уставном капитале банков составляет 75,3%. В России эта доля намного ниже. Кроме того, в течение нескольких лет планируется его сокращение. Доля иностранного капитала высока в Беларуси (14 банков) и Казахстане (16), Кыргызстане (14), но не столь серьезно представлена в России (174).

Небанковские кредитные организации имеются во всех странах, но их доля в совокупном капитале кредитных институтов не является преобладающей. Институционально они представлены кредитными союзами, микрофинансовыми организациями.

К наиболее важным особенностям банковских систем стран ЕАЭС относятся:

- формирование банковской модели финансовой системы, поскольку в пассивах доминирует банковский капитал (от 78% в Казахстане до 98% в Беларуси), и соответственно ограничена роль других финансовых посредников, в результате долговое финансирование преобладает над долевым;
- основная часть коммерческих банков представлена универсальными банками, достаточно низка роль и доля специализированных банков, которые

* Данные на 01.01.2017.

Таблица 1

Показатели банковских систем стран ЕАЭС на 01.05.2017

	Россия	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан
Количество банков	551	33	24	22	25
Капитал (млрд руб.)	9478	606,9	261,6	75,8	25,6
Активы (млрд руб.)	79 221	4502	1787	462	152,1

Таблица 2

Сравнительная характеристика показателей развития банковских систем стран – членов ЕАЭС на 01.01.2017

	Количество банков	Количество банков с иностранным участием	Доля активов в ВВП	Доля ссудного портфеля в ВВП
Армения	22		78,7	45,8
Беларусь	24	14	68	43,5
Казахстан	33	16	58,0	35
Кыргызстан	25	17	38,8	20,6
Россия	551	174	96	54,7

Источник: составлено на основе данных центральных банков стран – членов ЕАЭС.

имеют преимущественно отраслевой характер, а не операционный. При этом в большей степени они имеются в России – «Россельхозбанк», ВТБ, «Газпромбанк» и ряд других. Именно эти банки, являясь достаточно крупными по активам, смогли открыть свои филиалы и представительства в других странах ЕАЭС. В частности, ВТБ представлен в Беларуси, Казахстане, Армении; Сбербанк в Казахстане, Кыргызстане. Специализированных же местных банков мало, в Беларуси – 4, среди которых «Белорусский банк реконструкции и развития», «Беларусагропромбанк»; в Казахстане – «Казинвест», «Народный сберегательный банк Казахстана» и др. В Кыргызстане они отсутствуют и все банки только универсальные;

- общим для всех стран ЕАЭС является наличие системы страхования вкладов и отсутствие системы компенсации убытков инвесторов на рынке ценных бумаг. Они различаются лишь размерами страхового возмещения в случаях банкротства, а также видами объектов страхования. Например, в России гарантируется 100%-ная защита банковских вкладов, не превышающих суммы в 1,4 млн руб. В Беларуси отсутствует максимальное ограничение по вкладам в банках, входящих в систему страхования банковских вкладов, владельцам которых гарантируется 100%-ный возврат средств в случае банкротства кредитных организаций;

- во всех странах имеет место высокая концентрация активов и пассивов банковской системы. Доля пяти крупнейших банков в активах банковской системы колеблется в узком диапазоне – 52–59,2% (за исключением Беларуси – 79%). В 2016 г. на долю

топ-5 крупнейших российских банков приходилось 56% активов и 57% капитала банковского сектора, а на топ-200–97,9% активов и 96% капитала. Отсюда и высокая степень олигополии, поскольку в пакетах акций величиной более 20% сконцентрировано от 54 (Россия) до 91% (Армения) банковских активов (Миркин Я. М. Отчет о НИР по теме «Разработка Стратегии развития финансовых рынков государств – членов ТС и ЕЭП на период до 2025 года»);

- высока доля участия государства в банковском секторе, которое осуществляется по двум направлениям – прямое участие (в виде вклада в капитал банков – Беларусь) или косвенное (опосредованно через определенные институты, такие как Центральный банк, другие банки и организации – Россия, Казахстан); и только в Армении и Кыргызстане влияние государства достаточно мало.

Неоднородность банковских систем в государствах – членах ЕАЭС проявляется и по другим позициям. Во-первых, различаются подходы к определению видов кредитных институтов. В частности, в правовых документах разных стран существуют понятия «банки», «кредитные организации» (Россия), «банки второго уровня» (Казахстан). В Армении, Беларуси и Казахстане банки не относятся к кредитным организациям. В Армении кредитные организации – это небанковские финансовые организации, в Беларуси выделяется только понятие «небанковские финансово-кредитные организации», в Казахстане понятие «кредитная организация» не используется. В России банки являются кредитными организациями, в Кыргызстане – финансово-кредитными учреждениями

(<http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/finance/nir/reports/Documents/2015.pdf>).

Во-вторых, различаются и подходы к регулированию отдельных видов деятельности банков, в частности по регистрации и выдаче лицензий банкам, неодинаковым требованиям к минимальному уставному капиталу (в РФ — 300 млн руб., в Беларуси — 25 млн евро, в Казахстане — 5 млрд тенге, в Армении — 30 млрд драм), нормативам достаточности капитала (в Беларуси, Казахстане и России — 8%, в Армении — 10%), степени внедрения Базеля II–III, возможностям допуска иностранного капитала на внутренний рынок и т.д. [3].

В-третьих, доминирование России по объемам активов банковского сектора и по уровню его развития; значительные различия в уровне развития и роли банков в экономике между другими государствами — членами ЕАЭС — негативные тенденции в развитии банковского сектора в Казахстане и Беларуси, «догоняющий» характер развития в отдельных государствах — членах ЕАЭС (Кыргызстан, Армения).

Что касается проблем, то они также однородны, только их масштабы видятся по-разному. Так, имеют место высокие процентные ставки по кредитам (в частности, ключевая ставка Банка России составляет 8,25%, в Армении — 6%, Казахстане — 10,5%), высокая процентная маржа, относительно дорогие пассивы. В структуре банковских систем доля системообразующих банков является невысокой, что требует значительной государственной поддержки их деятельности, но тем самым ставятся в неравное положение другие банки. Унификация законодательства, требований к банкам в области надзора и контроля со стороны мегарегулятора, а также высокая открытость рынка приводят к ухудшению конкурентоспособности банков отдельных стран (Киргизия, Армения).

Следует отметить, что в современных условиях говорить о серьезном вовлечении банков в банковские секторы друг друга пока еще рано. Это дело будущего, когда разрешатся все коллизии банковского регулирования. Однако уже сейчас национальные банки отдельных стран готовы активизировать свои усилия по созданию единого банковского рынка с помощью единого мегарегулятора, а также по формированию единой правовой базы деятельности институтов финансового рынка. С этой целью требуется не только устранить имеющиеся различия в уровне оказания банковских услуг и их регулировании, но и решить имеющиеся проблемы.

В первую очередь необходимо обратить внимание на обеспеченность банковскими институтами потре-

ностей экономик отдельных стран, сбалансированное развитие банковского и небанковского секторов финансовой системы (в том числе деятельности прочих небанковских финансовых посредников). При этом важным является снижение концентрации государственного капитала в пассивах банков отдельных стран за счет увеличения частно-государственного партнерства. Однако достичь указанных мер в области банковского взаимодействия с экономиками отдельных стран возможно лишь за счет докапитализации банковского сектора за счет владельцев кредитных институтов или участия иностранного капитала.

Гармонизация законодательства и политики регулирования в банковском секторе будет способствовать повышению доверия к нему, росту доступности и диверсификации банковских услуг. Нужна унификация основных понятий и статуса кредитных организаций; перечня видов деятельности и операций, которые вправе осуществлять кредитные институты; механизмов регулирования жизненного цикла банковской деятельности, начиная от унификации лицензирования и заканчивая процедурами банкротства, что поможет в расширении взаимопроникновения банков на соседние рынки. Кроме того, важным является и реформирование самого процесса банковской деятельности путем устранения проблем, связанных с кредитованием. Это позволит проводить сбалансированное кредитование различных отраслей экономики, а не только торговли, посредством потребительского кредита; улучшать инвестиционный и финансовый климат; ориентироваться на повышение капитализации и финансовой устойчивости банковского сектора и постепенное внедрение Базеля II и III.

В соответствии с программами стабилизации МВФ финансовая устойчивость банковской системы должна обеспечиваться преимущественно способностью финансовых институтов (крупнейших банков и небанковских финансовых посредников) своевременно и с наименьшими потерями осуществлять расчеты в национальной экономике отдельных стран, нейтрализовать негативные воздействия мировых финансовых кризисов на национальную банковскую систему (в том числе путем мониторинга системных проблем и структурных диспропорций в распределении и использовании финансовых ресурсов).

Для этого национальные органы регулирования и надзора должны располагать доступными инструментами финансового воздействия на кредитные институты в интересах эффективного управления рыночными рисками в рамках отдельных экономик и учитывать новые требования в области достаточ-

сти капитала и ликвидности (Базель III), согласованные с членами Базельского комитета по банковскому надзору. В новых условиях центральный и коммерческие банки обязаны учитывать повышенные требования по увеличению покрытия кредитных и иных видов рисков капиталом банков, в том числе путем:

- ужесточения требований к покрытию капиталом кредитных рисков контрагентов при проведении операций с производными финансовыми инструментами, операциями с ценными бумагами и операциями репо;
- формирования резервов капитала банков в период экономического роста, которые могли бы быть использованы в условиях кризисов при проведении сделок с внебиржевыми активами, а также расчетов индексов соотношения собственных и заемных средств;
- введения различного рода стресс-тестов, которые позволили бы предотвратить вероятности наступления дефолта;
- введения модели формирования резервов на основе учета «ожидаемых потерь» по сравнению с действующей практикой учета «понесенных потерь».

Все это проводится с целью возможного и максимально оптимального предотвращения потерь до мо-

мента наступления возможного кризиса ликвидности в отдельно взятом банке, что, в свою очередь, будет способствовать оптимизации моделей управления бизнес-процессами отдельных банков и снижению риска в рамках банковской системы в целом.

Таким образом, данные условия позволят другим странам предотвратить поглощение более мелких и конкурентоспособных банков российскими банками, расширить свое присутствие на финансовых рынках стран-участниц в условиях действия единой лицензии на проведение банковских операций в рамках финансового рынка стран ЕАЭС. При этом заградительных мер не предусматривается, уже сейчас банковские системы стран должны быть подготовлены к этому. В качестве примера следует привести достаточно долгое и серьезное обсуждение основных требований к получению единой лицензии, обязательных нормативов по обмену сведениями, входящими в состав кредитных историй, чтобы обезопасить банки. Но при этом, если брать за основу наиболее серьезные требования, то они могут не подойти для других стран или, наоборот, низкие нормативы приведут к ухудшению положения на рынке более развитой банковской системы в плане надзора. Поэтому необходим взвешенный подход по всем направлениям унификации и создания единого финансового рынка.

Литература

1. Васин М. Информационные атаки на банки: оценка прямых потерь и долгосрочных последствий. URL: <http://bosfera.ru/bo/informacionnye-ataki-na-banki-ocenka-priamyh-poter-i-dolgosrochnyh-posledstviy>.
2. Стародубцева Е.Б. Унификация регулирования деятельности банков на финансовом рынке стран Евразийского экономического союза // Тенденции и перспективы развития евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М., 2016.
3. Стародубцева Е.Б. Перспективы наднационального мегарегулирования в рамках Евразийского экономического союза // Мировая экономика: вызовы глобального развития: научное обозрение. Т. 2 / под ред. Е.Б. Стародубцевой М.: Эдитус, 2015.

References

1. Vasin M. Information attacks on banks: assessment of direct losses and long-term consequences [Informacionnye ataki na banki: ocenka priamyh poter' i dolgosrochnyh posledstviy]. URL: <http://bosfera.ru/bo/informacionnye-ataki-na-banki-ocenka-priamyh-poter-i-dolgosrochnyh-posledstviy> (In Russ.)
2. Starodubceva E.B. Unification of the Regulation of the Activity of Banks in the Financial Market of the Countries of the Eurasian Economic Union // Trends and Prospects for the Development of the Eurasian Economic Union in the Context of the Experience of European Integration and Global Challenges [Unifikacija regulirovaniya dejatel'nosti bankov na finansovom rynke stran Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza] // Tendencii i perspektivy razvitiya evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v kontekste opyta evropejskoj integracii i global'nyh vyzovov / ed. L.N. Krasavina. Moscow, 2016 (In Russ.).
3. Starodubtseva E. B. Prospects of supranational megalgulation within the framework of the Eurasian Economic Union // World Economy: Challenges of Global Development: A Scientific Review. T.2 [Perspektivy nadnatsionalnogo megaregulirovaniya v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // Mirovaya ekonomika: vyzovy globalnogo razvitiya, Nauchnoe obozrenie, vol. 2] / ed. E.B. Starodubtseva. Moscow, Editus, 2015 (In Russ.).

УДК 336.717
JEL E400, E430, E500

Процентная политика Банка России в условиях рецессии балансовых счетов

АНДРЮШИН СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

д-р экон. наук, профессор Института экономики РАН, ответственный секретарь Комиссии РСПП по банкам и банковской деятельности, Москва, Россия
sandr956@gmail.com

КУЗНЕЦОВА ВАЛЕНТИНА ВИЛЬЕВНА,

канд. ист. наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, член Экспертной группы Комиссии РСПП по банкам и банковской деятельности, Москва, Россия
vkuz_55@mail.ru

Аннотация. В статье показано, что в условиях рецессии балансовых счетов существующая процентная политика Банка России является неэффективной. Замедление темпов инфляции в 2016–2017 гг. обусловлено не мерами монетарного воздействия Банка России, а иными факторами: притоками спекулятивного капитала и вызванного этим укреплением курса рубля, снижением потребительского и инвестиционного спроса, низкой кредитной активностью банков. В условиях финансовых санкций, сильного воздействия внешнего притока спекулятивного капитала на рубль и наличия в экономике рецессии балансовых счетов Банку России следует изменить инструментарий монетарной политики и повысить степень согласованности мер денежно-кредитной, бюджетной и долговой политики. Банку России целесообразно запустить механизм финансовых репрессий, реализуемый в рамках программы количественных послаблений, утвержденной в апреле 2017 г. Государственной Думой в третьем чтении. Это позволит в среднесрочной перспективе создать условия для перехода российской экономики к экономике роста, поставить на якорь долгосрочные инфляционные ожидания, способствовать разрешению проблемы плохих долгов и повысить кредитную активность банков в реальной экономике.

Ключевые слова: Банк России, банковский сектор; денежно-кредитная политика; дефицит/профицит ликвидности; долговой рынок; консолидация; кредитная активность; корпоративный сектор.

The Bank of Russia Interest-rate Policy in Terms of Balance Accounts Recession

ANDRYUSHIN S.A.,

Doctor of Economics, Professor, Lead researcher of the Institute of Economics RAS, Executive Secretary, RSPP Commission on Banks and Banking, Moscow, Russia
sandr956@gmail.com

KUZNETSOVA V.V.,

PhD in History, Lecturer, M.V. Lomonosov Moscow State University, Member of the Expert Group of the RSPP Commission on Banks and Banking, Moscow, Russia
vkuz_55@mail.ru

Abstract. The paper shows that the Bank of Russia current interest rate policy is not efficient in conditions of balance accounts recession. Inflation slowing in 2016–2017 is not driving by the Bank of Russia monetary

impact measures, but by such factors as speculative capitals inflows, and pressed by it ruble's revaluation, consumer and investment demand decrease, banks low credit activity. In financial sanctions situation, external inflow of speculative capitals intense pressure on ruble, and balance accounts recession the Bank of Russia should change the monetary policy tools, and enhance coherence of monetary, fiscal, and debt policies. It's desirable for the Bank of Russia to deploy the financial repression mechanism under quantitative easing program, which approved by the State Duma in the third reading in April 2017. In middle term it allows to form conditions for the Russian economy transition to economic growth, to anchor long term inflation expectations, to resolve the bad debts problem, and to induce the bank's credit activity for real economy.

Keywords: The Bank of Russia; banking sector; monetary policy; liquidity deficit/profit; debt market; consolidation; credit activity; corporate sector.

В настоящее время кредитная активность российских банков на низком уровне, хотя официально с середины 2016 г. банковский сектор находится в состоянии структурного профицита ликвидности. Оценивая результативность денежно-кредитной политики (ДКП) в 2016 г., Банк России полагает, что, благодаря осуществляемой с 2015 г. политике таргетирования инфляции, в стране созданы все необходимые условия для устойчивого экономического роста и социального благополучия. В качестве подтверждения указывается, что в феврале 2017 г. годовая инфляция снизилась до 4,6%, а на середину апреля — до 4,1%, приблизившись к установленному Банком России целевому значению в 4%. Но, несмотря на успехи дезинфляции, стоимость денег в экономике остается по-прежнему высокой, о чем свидетельствуют уровни среднерыночных номинальных кредитных процентных ставок, превышающих как минимум в 3 раза официальный темп инфляции.

Сжатие совокупного предложения кредита, наряду с сокращением спроса на кредит со стороны хозяйствующих субъектов, было одной из важных причин медленного посткризисного восстановления российской экономики — -3,7 п.п. в 2015 г. и -0,2 п.п. в 2016 г. Перспективы экономического роста во многом зависят от контекста общей стратегии макроэкономической и финансовой политики, а также от перспектив преодоления в экономике структурных ограничений, на которые Банк России может воздействовать лишь косвенно. В то же время в текущих макроэкономических условиях процентная политика Банка России по объективным причинам не стала основным катализатором экономического роста.

В условиях рецессии балансовых счетов проводимая Банком России процентная политика эффективна не как фактор, стимулирующий кредитование и модель долгового финансирования развития, а как фактор борьбы с инфляцией. Поэтому на нынешнем этапе процентная политика успешно решает в первую

очередь иную задачу — стабилизацию ситуации в бюджетной сфере и снижение инвалютного долгового бремени крупнейших национальных корпораций. Частично неэффективность процентной политики Банка России признают и его эксперты, отмечая, что в настоящее время регулятор не в состоянии воздействовать на внутренний совокупный спрос посредством изменения только одного операционного инструмента — ключевой процентной ставки [1].

Ограниченная невосприимчивость внутреннего совокупного спроса к процентной политике Центрального банка означает, что наблюдаемая в последние 1,5 года дезинфляция происходила не столько в силу монетарных мер Банка России, сколько вопреки им. Под давлением вынужденного делевериджа домашние хозяйства и предприятия снижали свои расходы, а сокращение потребительского и инвестиционного спроса оказывало сильное понижательное давление на конечные цены.

В условиях антироссийских финансовых санкций и высокого уровня инвалютного корпоративного долга Банк России оказался перед сложным выбором:

- снижать ключевую процентную ставку, чтобы поддерживать бизнес сильно закредитованных предприятий (но такая политика будет поддерживать неэффективные предприятия и способна привести к еще более суровому кризису);
- поддерживать ключевую процентную ставку на высоком уровне в целях пополнения официальных валютных резервов и облегчения возможностей крупных предприятий, которые в условиях западных финансовых санкций не могли обслуживать накопленную инвалютную задолженность, рефинансировать ее.

В силу системной значимости крупных предприятий для национальной экономики Центральный банк выбрал второй вариант процентной политики. Но ценой такого выбора стали медленное восстановление национальной экономики и снижение среднедуше-

вых доходов населения. С началом возобновления положительных темпов экономического роста Банк России несколько меняет инструментарий процентной политики, однако успех корректировки будет зависеть от согласованности мер ДКП, бюджетной и долговой политики.

В текущих условиях, как представляется, Банк России намерен применять инструменты, которые будут способствовать преодолению негативных последствий для национальной экономики жестких бюджетных ограничений у хозяйствующих субъектов. Утвержденный в третьем чтении депутатами Государственной Думы в апреле 2017 г. закон о Фонде консолидации банковского сектора содержит ряд норм, которые закладывают юридические основы для реализации программы количественных послаблений в нашей стране.

В случае успешной реализации намеченных изменений в тактике ДКП в среднесрочной перспективе будут созданы достаточные условия для перехода российской экономики к экономике роста, стабилизации долгосрочных инфляционных ожиданий, разрешения проблемы «плохих долгов» и стимулирования предложения кредитов для предприятий реального сектора экономики.

Рецессия балансовых счетов реальной экономики

В настоящее время у значительной части российских предприятий сложное финансовое положение, высокие уровни долговой нагрузки; растут объемы дебиторской и кредиторской задолженности, т.е. они находятся в состоянии, получившем в литературе по экономическому анализу название «рецессия балансовых счетов». Предприятия из-за обрушения цен на активы, увеличения долговой нагрузки, значительных макроэкономических неопределенностей и высокой стоимости заемных средств резко снизили спрос на кредиты. Большинство организаций реального сектора, чтобы остаться на рынке, сменили модель бизнеса — вместо экспансии стали сокращать текущие расходы и активно погашать накопленную задолженность, прежде всего перед коммерческими банками.

Многие российские предприятия, особенно в 2015–2016 гг., поменяли бизнес-модель своей деятельности, перейдя от модели максимизации прибыли к модели минимизации убытков (долгов). В результате погашения ранее накопленных долгов и убытков прибыль российских предприятий в последние годы неуклонно сокращалась, а из-за сжатия потребительского спроса

их потребность в дополнительном кредитовании снижалась. Впредь предприятия стараются не наращивать свою задолженность за счет новых кредитов, тем более по ставкам, превышающим их норму рентабельности. Однако, по данным Федеральной службы государственной статистики (URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/), значительная часть предприятий показывает в финансовой отчетности большие объемы как кредиторской (в том числе за счет реструктуризации ранее привлеченных кредитов), так и дебиторской задолженности. Тот факт, что дебиторская задолженность предприятий стала накапливаться быстрее кредиторской, может свидетельствовать об усилении риска развития кризиса взаимных неплатежей. Более того, в стране стала увеличиваться доля предприятий, у которых рыночная стоимость активов неуклонно сокращается или темпы роста стоимости активов существенно замедляются [2].

Смена модели бизнеса производительных предприятий привела к тому, что российские банки начиная с 2015 г. практически перестали наращивать физические объемы кредитования организаций реальной экономики. Так, за последние полтора года кредитная активность российских банков снизилась с +4,3 до –6,1 п.п., т.е. почти в 3 раза. Сокращение кредитной активности банков происходило на фоне замедления темпов экономического роста и ежегодного уменьшения реальных объемов кредитования нефинансовых предприятий и домашних хозяйств. Более того, прирост кредитования этих субъектов экономики за 2016 г. вообще был отрицательным, даже с учетом валютной переоценки кредитных портфелей российских банков (табл. 1).

Снижение спроса на кредит привело к накоплению временно свободных средств предприятий и домашних хозяйств на счетах в коммерческих банках. В результате с конца 2015 г. у банков стал накапливаться избыток ликвидности или формироваться структурный профицит ликвидности. Это свидетельствует о том, что в российских банках не только есть свободные ресурсы, но они неуклонно увеличивались за последние два года, в основном за счет притока депозитов, вкладов и остатков средств на счетах населения (домашних хозяйств).

В то же время хозяйствующие субъекты не предъявляют спрос на новые заимствования, а банки продолжают проводить консервативную кредитную политику, поддерживая на финансовом рынке высокие стандарты кредитования. При этом значительная доля вновь выданных банковских кредитов приходится не на действительное наращивание кредитного порт-

Таблица 1

Динамика кредитной активности банковского сектора РФ в условиях режима плавающего курса рубля, млрд руб.

Показатель	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017
Кредиты, предоставленные организациям нефинансового сектора и домашним хозяйствам (с учетом валютной переоценки и просроченной задолженности)	40 865,5	43 985,2	40 712,8
Прирост кредитования, ΔКрП	8409,2	3119,7	-2331,3
ВВП в текущих ценах, ВВП т.ц.	77 945,1	80 804,3	85 880,6
(ΔКрП / ВВП т.ц.) × 100, %	10,8	3,9	-2,7
Дефлятор ВВП, Дпр., %	6,5	7,7	3,4
Кредитная активность (ΔКрП / ВВП т.ц. – Дпр.), п.п.	+4,3	-3,8	-6,1

Источник: <http://www.cbr.ru/analytics/? PrtId=bnksyst>; рассчитано авторами.

феля, а представляет собой реструктуризацию ранее выданных более дорогих займов.

Так, например, доля плохих кредитов в секторе строительства в настоящее время колеблется в диапазоне 15–20%. Это, по мнению генерального директора АКРО Е.В. Трофимовой, серьезная проблема, которую в 2017 г. уже нельзя будет замаскировать реструктуризацией условий кредитных соглашений. Поэтому в ближайшее время банки будут вынуждены досоздавать резервы на возможные потери по ссудам, в результате стоимость риска в текущем году вернется к уровню 1% (по сравнению с 0,3% в 2016 г.) [3].

Помесячный анализ динамики ликвидности банковского сектора РФ за период с января 2015 по январь 2017 г. показывает, что чистая агрегированная ликвидность (кредиты минус депозиты) банковского сектора (по счетам нефинансовых организаций, домашних хозяйств, корсчетам банков в других банках и Банке России) из дефицита в 4,2 трлн руб. трансформировалась в профицит ликвидности в размере 8,7 трлн руб. (рис. 1).

Помесячная динамика чистого агрегированного дефицита/профицита ликвидности, рассчитанная по клиентам банковской системы РФ за 2015–2017 гг., показывает:

- нефинансовые организации (НФО) в течение всего анализируемого периода испытывали дефицит ликвидности (кредиты минус депозиты, минус средства на расчетных счетах), который в течение всего анализируемого периода колебался в пределах около 5,0 трлн руб.;

- домашние хозяйства (ДХ) выступали основными кредиторами организаций нефинансового сектора и российских банков, приток их сбережений способствовал формированию структурного профицита (кредиты минус депозиты) ликвидности банковского сектора, который вырос с 7,2 до 13,4 трлн руб.;

- межбанковский кредит (МБК) оставался в течение анализируемого периода в основном дефицитным, хотя объем межбанковского кредитования и увеличился почти наполовину, с 300 до 530 млрд руб.;

- рефинансирование ЦБ коммерческих банков (КБ) из чисто дефицитного (6,0 трлн руб.) стало чисто профицитным (775,4 млрд руб.). В результате начиная с августа 2016 г. российские банки стали чистыми кредиторами Банка России, задолженность которого перед ними на 1 января 2017 г. превысила 775,0 млрд руб. (рис. 2).

Таблица 2 показывает наличие слабой корреляции дефицита/профицита ликвидности в зависимости от выбранной клиентской группы банков. Исключением является корреляция между профицитом ликвидности ДХ («кредиты — депозиты ДХ») и профицитом ликвидности коммерческих банков на рынке рефинансирования ЦБ («кредиты — депозиты в ЦБ»). Последнее отношение свидетельствует о высокой линейной зависимости (0,93) между профицитом ликвидности ДХ и профицитом ликвидности коммерческих банков на рынке централизованного рефинансирования. Это значит, что в текущих макроэкономических условиях наблюдается сильная заинтересованность Банка

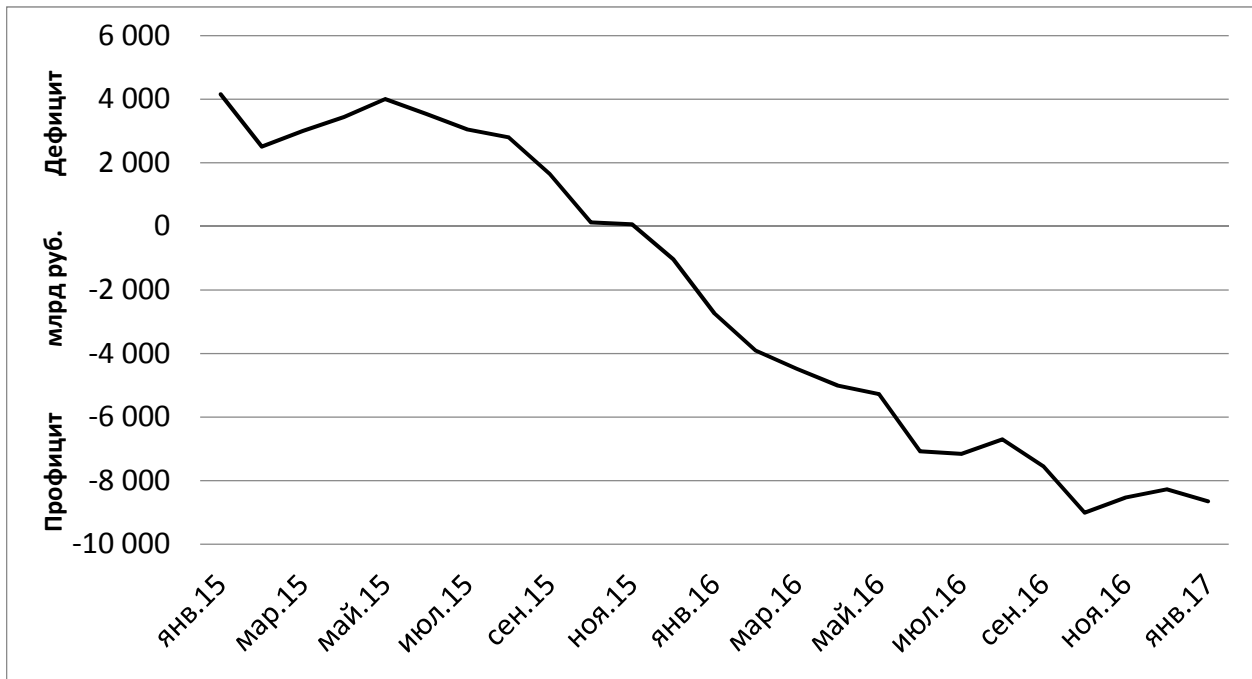


Рис. 1. Динамика чистого агрегированного дефицита/профицита ликвидности банковской системы РФ, 2015–2017 гг., млрд руб.

Источник: ЦБ РФ; расчеты авторов.

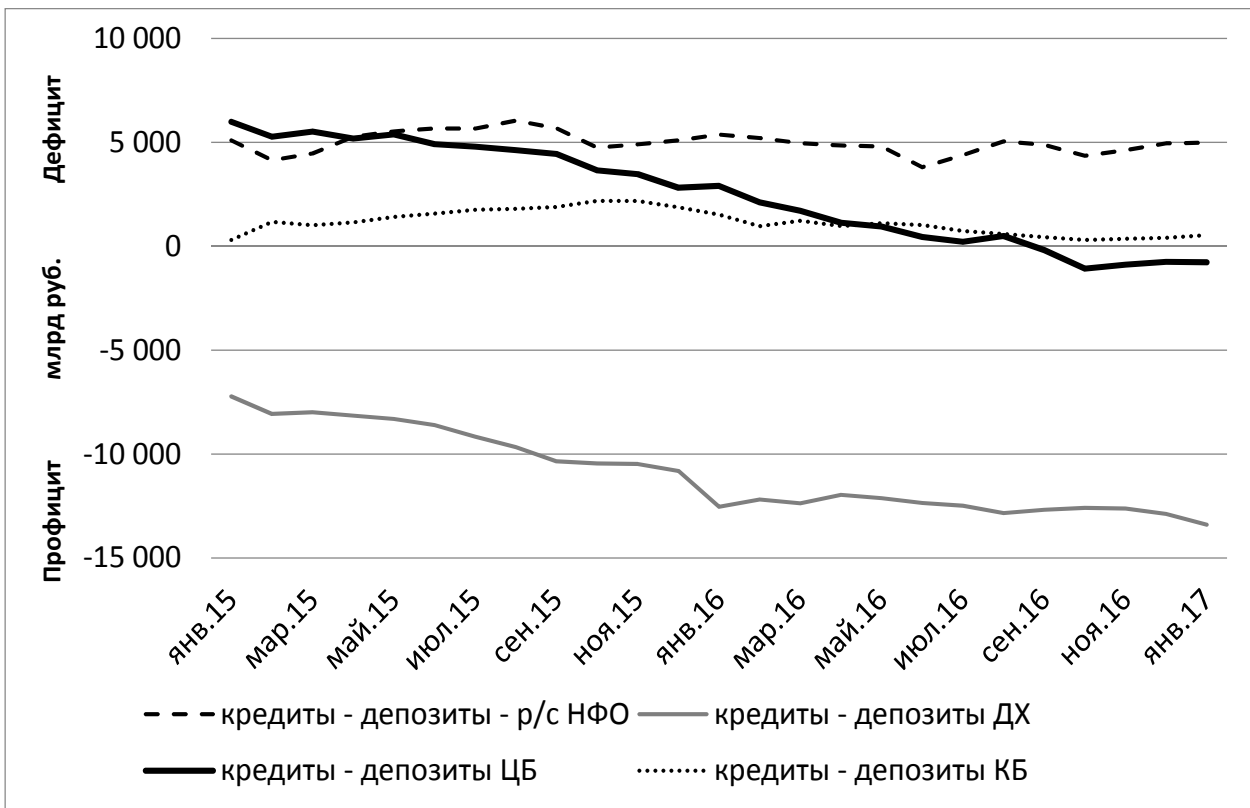


Рис. 2. Динамика чистого агрегированного дефицита/профицита ликвидности по субъектам банковской системы РФ, 2015–2016 гг., млрд руб.

Источник: ЦБ РФ; расчеты авторов.

Таблица 2

Корреляции дефицита/профицита ликвидности между субъектами банковской системы РФ, 2015–2017 гг.

Наименование	Кредиты – депозиты – р/с НФО	Кредиты – депозиты ДХ	Кредиты – депозиты ЦБ	Кредиты – депозиты КБ
Кредиты – депозиты – р/с НФО	1,00	–	–	–
Кредиты – депозиты ДХ	0,29	1,00	–	–
Кредиты – депозиты ЦБ	0,45	0,93	1,00	–
Кредиты – депозиты КБ	0,43	0,37	0,58	1,00

Источник: ЦБ РФ; расчеты авторов.

России в стимулировании среди населения сберегательной модели поведения. Хотя, как видно из данных табл. 2, средства населения слабо коррелируют с покрытием дефицита ликвидности у НФО (между ними наблюдается низкая линейная зависимость — 0,29).

В условиях сложившегося структурного профицита ликвидности потребность в кредитных инструментах постоянного действия Банка России (например, кредиты, обеспеченные нерыночными активами или поручительствами) и операциях на открытом рынке (например, недельные аукционы РЕПО) у российских банков резко снизилась. И, наоборот, потребность в инструментах абсорбирования ликвидности (например, через депозитные аукционы) начинает расти.

Реагируя на изменившиеся обстоятельства, с августа 2016 г. Банк России ввел соответствующие механизмы абсорбции избыточной ликвидности — программу депозитных аукционов сроком на 7 дней и объявил о возможности выхода на рынок с предложением облигаций Банка России (ОБР) с более длительными периодами обращения (URL: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=16092016_140459dkp2016-09-16t13_51_53.html). Их регулярное применение неизбежно отразится на целевых параметрах базового режима ДКП (таргетирование инфляции), в основу которого положена процентная политика Банка России.

Процентная политика

В системе мер ДКП, реализуемых Банком России в среднесрочной перспективе, основную и доминирующую роль приобрела процентная политика. В настоящее время Банк России использует процентную политику не только для регулирования системы процентных ставок, складывающихся на рынках денег и капиталов. Посредством процентной политики Банк России регулирует запасы ликвидности

в национальной банковской системе и объем резервов коммерческих банков, аккумулированных на их корсчетах в ЦБ. Банк России также посредством процентной политики регулирует спекулятивную активность на валютном рынке. В частности, резкое повышение ключевой процентной ставки в декабре 2014 г. первоначально позволило Банку России снизить приток рублевой ликвидности на валютный рынок. Но в последующем поддержание ее на высоком уровне стало катализатором притока в страну трансграничных спекулятивных капиталов (в настоящее время на рынке ОФЗ).

Повышение роли процентной политики в применении Банком России инструментария в целом соответствует основному тренду развития мер монетарного регулирования, реализуемых ЦБ ведущих мировых экономик. Вместе с тем следует учитывать значительные отличия экономической системы и макроэкономических условий в России от указанной группы стран. Данные отличия определяют цели и задачи ДКП, условия и механизмы ее реализации. В текущих макроэкономических условиях процентная политика ЦБ ведущих стран нацелена на преодоление рецессии и устранение опасности развития дефляции. Одновременно за счет ужесточения регулятивных требований ЦБ стимулируют процессы делевериджа хозяйствующих субъектов для восстановления устойчиво положительных темпов экономического роста (URL: <http://www.bankofengland.co.uk/markets/Pages/apf/default.aspx>).

Напротив, процентная политика Банка России в условиях режима таргетирования инфляции сосредоточена исключительно на дезинфляции. Ценой выбора данного режима ДКП является замедление темпов экономического роста и сокращение совокупного выпуска. Меры, стимулирующие экономическое раз-

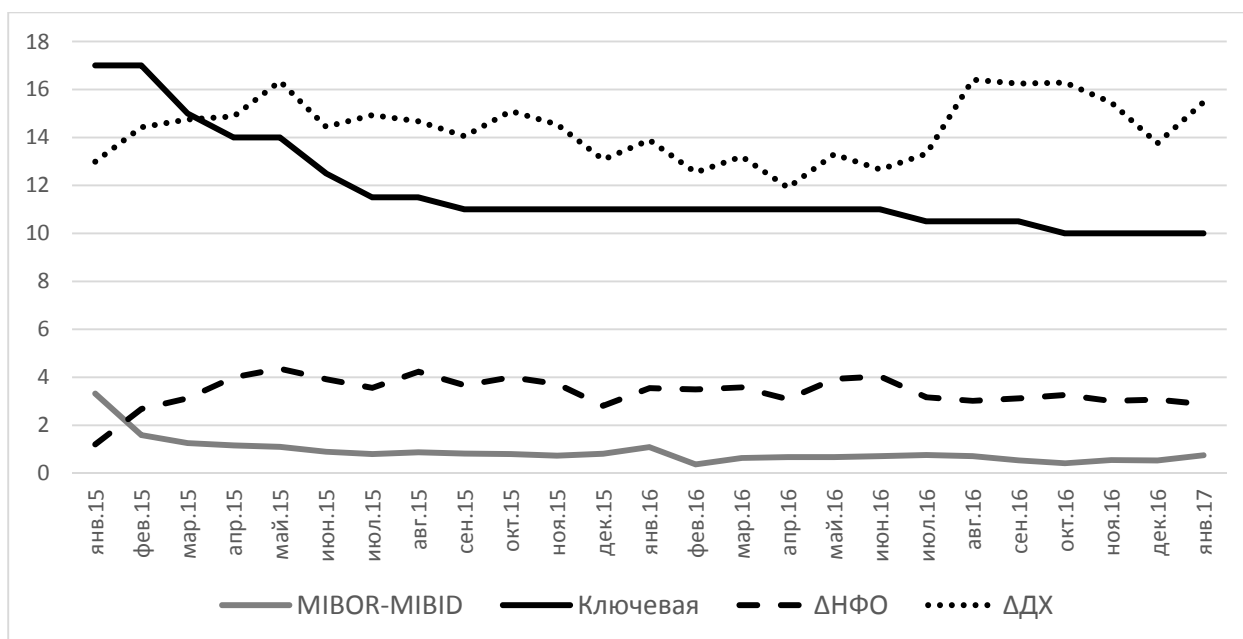


Рис. 3. Динамика процентной маржи инструментов денежного рынка и банковской системы РФ, 2015–2017 гг., п.п.

Источник: ЦБ РФ; расчеты авторов.

витие, в арсенале операционных инструментов у Банка России отсутствуют. Более того, в целях достижения объявленного целевого значения темпа инфляции Банк России последовательно и сознательно проводит умеренно жесткую ДКП. Однако в условиях рецессии балансовых счетов хозяйствующих субъектов такая политика выступает дополнительным ограничителем экономического роста.

Банк России неоднократно подчеркивал, что его основным операционным инструментом является краткосрочная ключевая процентная ставка. Ее уровень он задает, исходя из целевого показателя инфляции и оценок потенциального выпуска, одновременно учитывая условия поддержания финансовой стабильности на среднесрочном временном горизонте. Поддержание ключевой ставки в рамках заданного регулятором коридора допустимых колебаний (+/– 1,0 п.п.) предопределяет необходимость предоставлять денежную ликвидность в случае, если текущая ставка на межбанковском рынке приближается к верхней границе коридора, а в ситуации, когда ставка снижается до нижней границы процентного коридора, — абсорбировать избыточную ликвидность путем ее привлечения на депозиты в Банк России.

Это позволяет, по мнению регулятора, через звенья процентного канала воздействовать на краткосрочные ставки денежного рынка, а через них — на весь спектр процентных ставок — как на межбанковском

рынке, так и в финансовом секторе по всей длине национальной кривой доходности (от процентных ставок по облигациям до ставок по кредитам организациям нефинансового сектора) за счет наличия эффекта коинтегрированности между процентными ставками в реальной экономике [4].

Банк России утверждает, что в условиях режима таргетирования инфляции существует максимальная коинтегрированность между краткосрочными процентными ставками денежного рынка, ставками межбанковского кредитования и ставками по операциям банков с нефинансовым сектором [5]. Рисунок 3 показывает, что это утверждение далеко небесспорно, так как не соответствует реальному положению дел.

Да, конечно, существует сильная корреляция (0,83) между ставками «овернайт» (MIBOR и MIBID, 9,86 и 10,39% соответственно, на декабрь 2016 г.) денежного рынка и ключевой ставкой (10,0% на декабрь 2016 г.), ставками межбанковского рынка (MIACR и RUONIA, 10,16 и 10,50% соответственно, на декабрь 2016 г.) и ключевой ставкой процента. Но такая коинтегрированность практически отсутствует между ключевой ставкой и процентными ставками по депозитам и кредитам банковского сектора реальному сектору экономики (со ставками нефинансовым организациям и домашним хозяйствам) (табл. 3).

Данные табл. 3 показывают не очень высокую корреляцию (–0,33) между ключевой ставкой процента

Таблица 3

Корреляция между процентными ставками в экономике РФ, 2015–2017 гг.

	МIBOR-MIBID	Ключевая	ΔНФО	ΔДХ
МIBOR-MIBID	1,00			
Ключевая	0,83	1,00		
ΔНФО	-0,59	-0,33	1,00	
ΔДХ	-0,14	-0,05	0,16	1,00

(10,0% на декабрь 2016 г.) и процентной маржой НФО (3,07 п.п. на декабрь 2016 г.). Расчеты также показывают отсутствие какой-либо линейной связи (-0,05) между ключевой ставкой (10,0%) и процентной маржой ДХ (13,76 п.п. на декабрь 2016 г.). Более того, данные расчетов демонстрируют слабую зависимость (0,16) между средневзвешенными процентными ставками НФО (на декабрь 2016 г.; 11,99% — по кредитам и 8,92% — по депозитам) и ДХ (на декабрь 2016 г.: 21,24% — по кредитам и 7,48% — по депозитам). Это указывает на то, что привлекаемые банками средства населения в основном используются на иные цели, чем кредитование предприятий реальной экономики.

Главным образом ключевая процентная ставка Банка России воздействует на операции рефинансирования банковского сектора, в том числе — объемы средств, используемых коммерческими банками для взаимных расчетов в системе ЦБ. Поскольку денежные ресурсы, по операциям с которыми устанавливается ставка, близкая к ключевой, банки не направляют на кредитование нефинансовому сектору и домашним хозяйствам, то и сама ключевая ставка не используется коммерческими банками в качестве базы ценообразования на кредиты.

Для воздействия на объемы кредитования организаций нефинансового сектора и домашних хозяйств (как показывает опыт многих центральных банков) в большей степени пригоден инструментарий, отличный от политической процентной ставки, — регулирование денежного предложения, совокупного кредита, которые эндогенно формируют коммерческие банки, проводя кредитные операции. Наши расчеты показали, что ключевая ставка Банка России оказывает лишь косвенное и относительно слабое влияние на объемы банковского кредитования корпоративного сектора и домашних хозяйств (несколько более сильное на рынке кредитования НФО и очень слабое на рынке кредитования ДХ).

В условиях отказа от регулирования валютного канала ДКП и использования инструментов валютной

политики неверно настроенный уровень политической (ключевой) процентной ставки может быть триггером финансовых дисбалансов, особенно при макроэкономическом стрессе. Если во время распространения стресса она настроена выше равновесного уровня, то, с одной стороны, будет ограничивать масштабы спекулятивных операций на валютном рынке (как это было в декабре 2014 г.), а, с другой — поощрять смещение деловой активности из реального сектора в спекулятивные сегменты финансового рынка. Если же ЦБ будет продолжительное время удерживать политическую процентную ставку на завышенном уровне в условиях открытого капитального счета, то такая политика будет провоцировать приток трансграничных спекулятивных капиталов на национальный финансовый рынок. Большой процентный дифференциал усиливает спекулятивную активность на денежном рынке, волатильность притоков и оттоков трансграничных капиталов (в первую очередь, портфельных инвестиций), запуская механизм валютных и фондовых спекуляций.

Отсутствие коинтегрированности между краткосрочными процентными ставками денежного рынка и ставками по кредитам и депозитам НФО и ДХ свидетельствует о том, что на практике процентный канал ДКП работает неэффективно, активность хозяйствующих субъектов не восприимчива к изменениям в ключевой процентной ставке ЦБ. Краткосрочная процентная ставка Банка России пока не стала регулятором ценообразования на денежном, кредитном и депозитном рынках. В условиях рецессии балансовых счетов, как показывает международный опыт (в частности, японский [6]), наилучшим вариантом монетарного ответа выступает снижение процентных ставок. Но одного монетарного воздействия недостаточно для скорейшего выхода из кризисной ситуации — меры ЦБ должны быть поддержаны инструментами бюджетной и долговой политики [7]. Только их совместное воздействие способно восстановить частный спрос на свободные ресурсы банковского

сектора и направить их на реализацию мероприятий, стимулирующих устойчиво положительные темпы экономического роста.

Обоснования для изменения процентной политики

Международный опыт показывает, что низкие процентные ставки могут быть важным компонентом антикризисной политики при экономических спадах, отягощенных рецессиями балансовых счетов. Об этом свидетельствует динамика политических ставок overnight в США, Европе и Японии, экономики которых находились в состоянии рецессии балансовых счетов после острой фазы системного кризиса (URL: <https://www.bostonfed.org/news-and-events/speeches/2017/the-federal-reserve-balance-sheet-and-monetary-policy.aspx>). Так, во время финансового кризиса 2008 г. ФРС быстро снижала краткосрочные процентные ставки. Они были снижены регулятором практически до нуля, так как финансовые проблемы, вызванные банкротством Lehman, заставили ФРС развернуть масштабное увеличение резервов (денег ЦБ) в рамках программ количественных смягчений (QE, 1, 2 и 3). Их реализация сопровождалась снижением краткосрочных процентных ставок до наиболее низкого эффективного уровня. В то же время ЕЦБ на этапе острой фазы глобального финансового кризиса поддерживал краткосрочные ставки на несколько более высоком уровне дольше, чем ФРС, снизив свою ставку рефинансирования до нуля со значительным временным лагом. Банк Японии, который установил свой коридор процентных ставок на очень низком уровне еще до Великой рецессии, поддерживал длительное время ставку call на уровне, близком к нулю и даже на отрицательном уровне (-0,1%).

Все три ведущих ЦБ начиная с 2008 г. в условиях низких процентных ставок значительно нарастили свои балансовые счета, чтобы способствовать возобновлению экономического роста и замедлению дезинфляции. Возможно, в силу более агрессивного первоначального монетарного смягчения в настоящее время экономика США стала восстанавливаться быстрее. Экспансия балансовых счетов ФРС прекратилась в 2014 г. Наоборот, и Япония, и Европа еще не остановили расширение балансовых счетов ЦБ, пытаясь стимулировать экономический рост. При этом доходность по 10-летним государственными облигациям в США, Франции, Германии и Японии резко сокращалась (а, значит, снижались инфляционные ожидания). Это позволило в условиях макроэконо-

мического стресса стабилизировать долгосрочные инфляционные ожидания, хотя не смогло простимулировать восстановление национальных экономик и экономический рост.

При этом если в США ставки по 10-летним казначейским обязательствам в целом оставались на уровне чуть выше 2%, то в Японии, Германии и Франции они были значительно ниже 2%. Во многом это объясняется тем, что до сих пор ЕЦБ и Банк Японии продолжают покупать у банков рыночные и нерыночные активы, хотя США уже несколько лет (с 2014 г.) как прекратили применение мер количественных смягчений.

При выборе параметров процентной политики регулятору следует учитывать зависимость между потенциальным темпом роста экономики и реальными процентными ставками. Все, что снижает потенциальный темп роста в экономике, будет снижать стимулы к инвестированию (так как средняя реальная отдача от инвестирования будет падать при замедлении темпа потенциального роста) и увеличивать стимулы к сбережениям (так как более низкая будущая отдача сбережений предполагает потребность в больших сегодняшних сбережениях). Вместе оба эффекта будут ограничивать внутренний совокупный спрос, а его сжатие будет еще больше сокращать спрос на банковское фондирование инвестиций. Меньшие объемы инвестирования наряду со сберегательной моделью поведения населения будут понижать средние фактические процентные ставки.

Помимо уровня процентных ставок, на темпы посткризисного восстановления и/или потенциального роста экономики оказывают воздействие еще два существенных фактора. Один из них — это темпы роста производительности труда. Известно, что в российской экономике темпы роста производительности труда в 3–4 раза ниже, чем в экономиках развитых стран. Низкая производительность труда, наряду с высокими процентными ставками по кредитам, существенно увеличивает расходы на обслуживание накопленной задолженности. Другой фактор, влияющий на потенциальный рост в национальной экономике, — это демографические изменения в стране. Стабильная рождаемость, низкая смертность, миграционные потоки и рост занятости трудоспособного населения способствуют экономическому росту.

Все эти факторы в условиях слабого восстановления российской экономики требуют снижения реальной процентной ставки. В рамках целевого режима ДКП Банка России такое снижение ставки невозможно, но состояние рецессии балансовых счетов однозначно

требует такого снижения. Более эффективными, чем ключевая процентная ставка, как свидетельствует современная мировая практика, являются меры антикризисной монетарной политики, связанные с программой количественных смягчений (QE).

Процентная политика Банка России в условиях российского QE

21 апреля 2017 г. Государственная Дума РФ приняла в третьем чтении проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», регламентирующий процедуры предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, дополнительные механизмы финансового оздоровления, предусматривающие использование средств (резервов) Банка России для финансирования санации неплатежеспособных банков. Вступление в силу данного закона позволит Банку России запустить российский вариант количественных смягчений (программу QE).

Для повышения результативности санации неплатежеспособных банков и реабилитации жизнеспособных производительных предприятий-должников Банк России получает возможность создания в рамках своей организационной структуры общества с ограниченной ответственностью «Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора» (далее — Управляющая компания). Она будет наделена правом осуществлять брокерскую, депозитарную деятельность и операции по управлению ценными бумагами в соответствии с требованиями законодательства РФ.

Управляющая компания сможет:

- приобретать и отчуждать приобретенное имущество (имущественные права) кредитных организаций, а также права (требования) к кредитным организациям, в отношении которых осуществляются меры по предупреждению банкротства;
- осуществлять финансирование урегулирования срочных обязательств проблемных банков за счет средств Банка России, аккумулируемых в Фонде консолидации банковского сектора (далее — Фонд).

Средства Фонда будут формировать вложения Банка России, обособленные от остального имущества национального регулятора. За счет средств Фонда Управляющая компания будет иметь право на основании решения Совета директоров Банка России:

- приобретать акции (доли в уставном капитале) кредитных организаций, в отношении которых осуществляются меры по предупреждению банкротства, в том числе по цене выше их номинала;

- предоставлять санируемой кредитной организации субординированные кредиты (депозиты, займы, облигационные займы);
- предоставлять кредитным организациям, в отношении которых осуществляются меры по предупреждению банкротства, кредиты, размещать на их счетах депозиты, выдавать банковские гарантии по обязательствам санируемой организации;
- осуществлять продажу акций (долей в уставном капитале) кредитных организаций, в отношении которых осуществляются меры по предупреждению банкротства, в том числе по цене ниже цены их приобретения за счет средств Фонда.

При всех неопределенностях положений данного закона его принятие в третьем чтении закладывает основы для кардинальной смены характера монетарной политики Банка России — отхода от умеренно жесткой ДКП и постепенного ее смягчения, которое условно можно определить как «российскую модель количественных смягчений».

Все это позволит в условиях рецессии балансовых счетов запустить механизм так называемых финансовых репрессий [8]. В прошлом, а в ряде стран в настоящее время этот механизм охватывает широкий комплекс мер, в том числе:

1. Прямые или косвенные ограничения на процентные ставки, которые могут быть установлены при кредитовании или размещении долговых инструментов в экономике. Особенно (но не исключительно) такое регулирование затрагивает процентные ставки по государственному долгу.

Ограничения на процентные ставки могут устанавливаться разными способами:

- прямое законодательно-нормативное регулирование. Например, в США Положение Q запретило банкам начислять проценты по депозитам до востребования и устанавливало лимит процентных ставок по сберегательным депозитам;
- ограничение центральным банком ставок по кредитам, которое, с одной стороны, напрямую субсидировало бюджет, когда правительство привлекало банковские кредиты для финансирования бюджетного дефицита, с другой — позволяло стимулировать инвестиционный и потребительский спрос;
- установка министерством финансов (казначейством) потолка фиксированного купона по нерыночному долгу;
- установка центральным банком целевых уровней процентных ставок, часто на основе директив казначейства или министерства финансов.

2. Создание и поддержание кэптивной внутренней аудитории, выступающей каналами направления кредита правительству. Прежде всего, к их числу относятся национальные институциональные инвесторы и институты долгосрочного инвестирования.

Это достигается путем:

- капитальных ограничений и валютного контроля;
- высоких невознаграждаемых резервных требований, выступающих как квазианалоговый сбор с финансовых посредников;
- пруденциальных норм, регулирующих деятельность финансовых посредников и требующих, чтобы соответствующие организации хранили в своих портфелях определенные доли долговых обязательств правительства;
- транзакционных налогов на капитал, стимулирующих инвестиции в государственные долговые инструменты;
- запретов на сделки с золотом.

3. Другие общие меры, в том числе прямое или косвенное огосударствление финансовой отрасли, управление кредитной активностью банков (включая выделение прямых кредитов предприятиям определенных отраслей) или ограничения на вход в финансовый сектор.

В отличие от прошлой практики в текущих условиях инструментарий финансовых репрессий значительно расширился. К числу таких мер, например, эксперты относят:

- введение прямых регулятивных требований к финансовым посредникам (особенно институциональным инвесторам) хранить большие объемы суверенного долга;
- заниженный или нулевой вес риска для вложений финансовых посредников в государственные обязательства, номинированные в национальной валюте, при расчете собственного капитала институтов.

Центральные банки также могут применять де-стимулирующие пруденциальные меры, например, устанавливая повышенные веса риска при расчете достаточности собственного капитала финансовых посредников, если участники финансового рынка назначают процентные ставки, превышающие желательный для правительства уровень. Возможно также введение повышенных ставок налогообложения процентного дохода, косвенных валютных ограничений, оказание на участников финансового рынка «морального давления» и ряд других мер. В частности, отдельные нормы новых междуна-

родных стандартов регулирования финансового посредничества, включая Базель-3, ряд экспертов рассматривает как современный инструментарий финансовой репрессии [9].

В целом ужесточение регулятивных требований после глобального финансового кризиса было направлено на снижение подверженности финансового посредничества процентным и кредитным рискам, исходящим от частного сектора, но одновременно усиливало их подверженность рискам, порождаемым фискальной политикой и организациями общественного сектора.

Посткризисные исследования трансформации каналов трансмиссии монетарной политики показали, что даже в обычных условиях перераспределение благосостояния между сберегателями и заемщиками может быть одним из центральных каналов, через которые функционирует ДКП. Периоды монетарного ужесточения и высоких реальных процентных ставок выгодны сберегателям, а периоды ослабления монетарной политики — заемщикам (включая суверенные правительства). Как правило, данный канал перераспределения национального благосостояния не учитывается ни при стандартном макроэкономическом анализе, ни при принятии бюджетных или монетарных решений. Но в условиях применения финансовых репрессий он широко используется и выступает формой косвенного налогообложения сбережений [10].

Выводы

В настоящее время российские предприятия находятся в состоянии рецессии балансовых счетов. Многие из них в 2015–2016 гг. поменяли бизнес-модель хозяйственной деятельности, перейдя от модели максимизации прибыли к модели минимизации убытков (долгов). Основной причиной таких изменений стала высокая стоимость заемных средств, что привело к резкому снижению спроса на кредиты в реальной экономике.

Современная процентная политика Банка России используется не столько для регулирования системы процентных ставок на финансовом рынке, сколько для достижения целевого значения темпа инфляции (управления скоростью дезинфляции). Об этом свидетельствует отсутствие коинтегрированности между краткосрочными ставками Банка России и фактическими рыночными процентными ставками по банковским депозитам и кредитам, предлагаемым хозяйствующим субъектами. В условиях финансовых санкций, сильного воздействия внешнего притока

трансграничных спекулятивных капиталов на обменный курс рубля и наличия в экономике рецессии балансовых счетов, Банку России предстоит расширить инструментарий монетарного воздействия на национальную экономику, в том числе включая меры, предусмотренные в новых законодательно-нормативных актах и реализуемые в рамках программы количественных смягчений.

Литература

1. Крепцов Д., Поршков А., Селезнев С., Сияяков А. Равновесная процентная ставка: оценки для России. Серия докладов об экономических исследованиях // Банк России. 2016. Июль. № 13.
2. Андрияшин С.А., Бурлачков В.К., Кузнецова В.В., Рубинштейн А.А. Экспертное заключение по проекту документа «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов» // Банковское дело. 2016. № 11. С. 11–15.
3. Трофимова Е. Тест на прочность // Банки и деловой мир. 2017. Март. С. 8.
4. Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В., Синельникова-Мурылева Е.В. Влияние ставок процента на экономический рост // Деньги и кредит. 2016. № 9. С. 29–40.
5. Финансовое обозрение. Условия проведения денежно-кредитной политики // Банк России. 2016. № 2. С. 12–13.
6. Nelson B., Tanaka M. Dealing with a banking crisis: what lessons can be learned from Japan's experience? // *Quarterly Bulletin, Bank of England*, 2014, no. 1, pp. 36–48.
7. Ку Р. Священный Грааль макроэкономики: уроки великой рецессии в Японии: пер. с англ. М.: Мысль, 2014.
8. Reinhart C.M., Sbrancia M.B. The Liquidation of Government Debt // *IMF Working Paper*, 2015, no. 7, p. 47.
9. Reinhart C.M. The Return of Financial Repression // *Banque de France Financial Stability Review*, 2012, no. 16, April, pp. 37–48.
10. Brunnermeier M.K., Eisenbach T.M., Sannikov Y. Macroeconomics with Financial Frictions: A Survey // NBER Working Paper, 2012, May, no. 18102.

References

1. Kreptsov D., Porshkov A., Seleznev S., Sinyakov A. Equilibrium pro-rate rate: estimates for Russia. Series of reports on economic research [Ravnovesnaja procentnaja stavka: ocenki dlja Rossii. Serija dokladov ob jekonomicheskikh issledovaniyah]. *Bank Rossii — The Bank of Russia*, 2016, July, no. 13. (In Russ.).
2. Andryushin S.A., Burlachkov V.K., Kuznetsova V.V., Rubinshtein A.A. Expert opinion on the draft document «Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2017 and the Period 2018 and 2019» [Jekspertnoe zakljuchenie po proektu dokumenta «Osnovnye napravlenija edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2017 god i period 2018 i 2019 godov»]. *Bankovskoe delo — Banking*, 2016, no. 11, pp. 11–15. (In Russ.).
3. Trofimova E. Test for strength [Test na prochnost']. *Banki i delovoj mir — Banks and the business world*, 2017, March, p. 8. (In Russ.).
4. Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Bozhechkova A.V., Sinelnikova-Muryleva E.V. Influence of interest rates on economic growth [Sineln'nikova-Muryleva E.V. Vlijanie stavok procenta na jekonomicheskij rost]. *Den'gi i kredit — Money and credit*, 2016, no/ 9, pp. 29–40. (In Russ.).
5. Financial Review. Conditions for conducting monetary policy [Finansovoe obozrenie. Uslovija provedenija denezhno-kreditnoj politiki]. *Bank Rossii — The Bank of Russia*, 2016, no. 2, pp. 12–13. (In Russ.).
6. Nelson B., Tanaka M. Dealing with a banking crisis: what lessons can be learned from Japan's experience? *Quarterly Bulletin, Bank of England*, 2014, no. 1, pp. 36–48.
7. Ku R. The Sacred Grail of Macroeconomics: Lessons from the Great Recession in Japan: trans. with English [Svjashennyj Graal' makrojekonomiki: uroki velikoj recessii v Japonii: per. s angl]. Moscow, Mysl', 2014. (In Russ.).
8. Reinhart C.M., Sbrancia M.B. The Liquidation of Government Debt. *IMF Working Paper*, 2015, no. 7, p. 47.
9. Reinhart C.M. The Return of Financial Repression. *Banque de France Financial Stability Review*, 2012, no. 16, April, pp. 37–48.
10. Brunnermeier M.K., Eisenbach T.M., Sannikov Y. Macroeconomics with Financial Frictions: A Survey. *NBER Working Paper*, 2012, May, no. 18102.

УДК 327.2
JEL O51

Научная стратегия США*

МАЛИНЕЦКИЙ ГЕОРГИЙ ГЕННАДИЕВИЧ,

д-р физ-мат. наук, профессор, заведующий Отделом математического моделирования нелинейных процессов, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва, Россия
gmalin@keldysh.ru

ИВАНОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ,

член-корреспондент РАН, руководитель Информационно-аналитического центра «Наука» РАН, профессор НИЯУ МИФИ, Москва, Россия
nauka@presidium.ras.ru

Аннотация. В статье рассматривается научная стратегия США. Особое внимание уделяется экспертной роли науки в этой стране, а также роли ученых в разработке стратегических прогнозов для государственных органов и крупнейших корпораций.

Показано, что американская и мировая наука находятся в точке бифуркации, в которой делается выбор между форсированным развитием виртуального пространства и цифровой экономики и инновационными стратегиями, ориентированными на реальный сектор, окружающую среду, на человека.

Ключевые слова: научная стратегия США; стратегические прогнозы; технологический уклад; Давосский форум.

Scientific Strategy of the USA

MALINETSKY G.G.,

Doctor of Science (Physics – Mathematics), Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of Nonlinear Processes, Institute of Applied Mathematics named after M.V. Keldysh, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
gmalin@keldysh.ru

IVANOV V.V.,

Professor of the National Nuclear Research University, MEmI Member Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Head of the Information and Analytical Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nauka@presidium.ras.ru

Abstract. The article examines the scientific strategy of the United States. Particular attention is paid to the expert role of science in this country, as well as the role of scientists in the development of strategic forecasts for government agencies and major corporations.

It is shown that American and world science are at the point of bifurcation, in which a choice is made between the accelerated development of virtual space and the digital economy and innovative strategies aimed at the real sector, the environment, and the individuals.

Keywords: US scientific strategy; strategic forecasts; technological structure; Davos forum.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проекты № 15–03–00404 и № 16–23–01005) и РФФ (проект № 17–18–01326)

Выбор Трампа — схватка между Реальностями и наука
Президент — лишь наконечник копья,
а само копьё — это та элита,
которая за ним стоит.

Из выступления на политическом семинаре

Первое заявление и действия Д. Трампа ломают картину реальности, которую почти десятилетие создавала американская демократическая администрация и ориентирующиеся на нее элиты, в том числе и российские либерал-реформаторы. Вместе с этой картиной ломается и проект будущего, регулярно обсуждаемый на Всемирном экономическом форуме в Давосе, который создавали и на который работали элиты, чьи интересы отражала Демократическая партия США.

В экономической теории широко распространен подход технологических укладов [1].

Не вдаваясь в подробности, отметим, что технологический уклад — это определенный набор технологий, соответствующий уровню развития экономики. Теория рассматривает смену технологических укладов в контексте экономических трансформаций. Однако сейчас уже можно утверждать, что классическая модель капитализма близка к исчерпанию своих возможностей, и человечество вступает в новую фазу развития, определяемую как постиндустриальное общество [2]. В отличие от предыдущих общественно-экономических формаций, в постиндустриальном обществе приоритетом является не экономический рост, не накопление капитала, не технологическое развитие, а повышение качества жизни. Главной задачей науки и технологий становится создание дружелюбного по отношению к человеку технологического пространства, обеспечивающего комфортные условия жизнедеятельности [3]. В соответствии с этим формируется постиндустриальный технологический уклад, основой которого является фундаментальная наука как институт, обеспечивающий получение новых знаний для создания качественно новых технологий, развития образования, сохранения культурного наследия, а также необходимый для принятия стратегических государственных решений. Переход к следующему технологическому укладу во многих странах и на Давосском форуме трактуется как IV технологическая (или промышленная?) революция. Заметим, что в настоящее время нет единого понимания того, какую по счету промышленную революцию переживает человечество. Так, например, согласно Д. Рифкину, сейчас идет 3-я промышленная революция [4]. По-видимому, эта тема нуждается в дальнейшем обсуждении.

Одним из идеологов IV технологической революции и «дивного нового мира» является К. Шваб — основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе. По его мнению, в мировой истории не было ничего похожего по масштабу — «времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей». Это обусловлено тремя причинами.

«Темпы развития». В отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами. Это является порождением многогранного, глубокого взаимозависимого мира, в котором мы живем, а также того факта, что новая технология сама синтезирует все более передовые и эффективные технологии.

Широта и глубина. Она основана на цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме и каждой отдельной личности. Она изменяет не только „то“, „что“ и „как“ мы делаем, но и то „кем“ мы являемся.

Системное взаимодействие. Оно предусматривает целостные внешние и внутренние преобразования всех систем и по всем странам, компаниям, отраслям, обществу в целом» [5].

Эти общие направления можно конкретизировать. Одна из методик работы Давосского форума состоит в том, чтобы спрашивать руководителей и экспертов, а затем подсчитывать процент положительных ответов. Приведем результаты опроса участников Международного экспертного совета Давосского форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества. Опрос, в котором участвовали более 800 человек, был проведен в сентябре 2015 г. Участников спросили, ожидают ли они переломных моментов, связанных с четвертой технологической революцией, до 2025 г., т.е. в течение ближайших 10 лет.

В *таблице* дана формулировка 21 «поворотного момента», выделенного организаторами форума, и приведены доли участников, считающих, что они произойдут в ближайшее десятилетие.

Другими словами, можно предложить формулу: *IV технологическая революция = глобализация + интернизация + роботизация.*

Символом этой революции по праву можно считать Калифорнию и Кремниевую долину. На эту виртуальную реальность ориентировалась прежняя администрация США. Однако Трамп и его команда решили сделать крутой поворот.

По-видимому, есть для этого много веских аргументов. Обратим внимание на несколько главных. В настоящее время экономисты рассматривают

Переломные моменты IV технологической революции

Поворотный момент	%
10% людей носит одежду, подключенную к сети Интернет	91,2
90% людей имеет возможность неограниченного и бесплатного (поддерживаемого рекламой) хранения данных	91,0
1 триллион датчиков, подключенных к сети Интернет	89,2
Первый робот-фармацевт в США	86,5
10% очков для чтения подключены к сети Интернет	85,5
80% людей с цифровым присутствием в сети Интернет	84,4
Производство первого автомобиля при помощи 3D-печати	84,1
Первое правительство, заменяющее перепись населения источниками больших данных	82,9
Первый, имеющийся в продаже имплантируемый мобильный телефон	81,1
90% населения используют смартфоны	89,7
90% населения имеют регулярный доступ к сети Интернет	78,8
Беспилотные автомобили составляют 10% от общего количества автомобилей на дорогах США	78,2
Первая пересадка печени, созданной с использованием технологии 3D-печати	76,4
30% корпоративных аудиторских проверок проводит искусственный интеллект	75,4
Правительство впервые собирает налоги при помощи цепочки блоков (технологии блокчейн)	73,1
Более 50% домашнего интернет-трафика приходится на долю приложений и устройств	69,9
Превышение количества поездок/путешествий на автомобилях совместного использования над поездками на частных автомобилях	67,2
Первый город с населением более 50 000 без светофоров	63,7
10% всемирного валового внутреннего продукта хранится по технологии цепочки блоков (технологии блокчейн)	57,9
Первый робот с искусственным интеллектом в составе корпоративного совета директоров	45,2

в качестве одного из основных показателей мультифакторную производительность (труда и капитала). И, с точки зрения динамики этой производительности, итоги новейшей экономической истории неутешительны.

«Мировая экономика — вся, а не только наша, находится в кризисе производительности. Как это ни покажется странным, но в последний раз существенное для роста производительности обновление основного капитала происходило полвека назад. Массовое внедрение конвейера в невоенное производство плюс новые материалы (химия) плюс массовое использование двигателя внутреннего сгорания (и тотальная автомобилизация) — эти три взрывные инновации, получившие широкое распространение после Вто-

рой мировой войны, определили такие темпы роста мультифакторной производительности, которые не были повторены ни разу на протяжении пятидесяти лет» (<https://regnum.ru/news/2283692.html>).

В свое время широко обсуждался «компьютерный парадокс», на который обратил внимание лауреат Нобелевской премии Р. Соллоу, изучавший динамику производительности труда в различных отраслях американской экономики. Его анализ показал, что широкое внедрение компьютеров не привело к росту производительности труда ни в одной области..., кроме производства компьютеров. Но оказывается ситуация еще хуже — и все остальные технологии V уклада к существенному росту производительности труда и капитала за полвека не привели.

«Судя по всему, США, а с ними и весь остальной мир, оказались в очень коварной ловушке. Глобализация, интернет и Голливуд убедили мир в прелести общества потребления. Примерно шесть миллиардов человек претендуют на уровень жизни среднего класса Европы. Но текущая производительность капитала не дает такой возможности. Ни денег, ни ресурсов, ни людей не хватит для того, чтобы так же сытно жил весь мир. И производительность, и ресурсоемкость должны измениться многократно, в соответствии с этим запросом. Иначе мир не удержится в равновесии. И то, что сегодня все острее звучит вопрос об угрожающем неравенстве мира, не случайность. Неравенство было всегда, но глобализация и информатизация сделали его публичным. Вопрос, который стоит все более серьезно, — как мир будет решать проблему неравенства. Есть ли технологические решения или это будет война?» [6].

Итак, перед человечеством стоит дилемма: или будут разработаны технологии, обеспечивающие снижение неравенства, или дальнейшее нарастание социальных проблем наряду со стремительно набирающим обороты религиозным экстремизмом поставят мир на грань новой войны, в которой не будет победителей.

Судя по всему, Д. Трамп решил взглянуть правде в глаза. Виртуальная реальность, мир общения, услуг — это вершина, надстройка, а проблемы — в базе, в реальной экономике. Реальное мировоззрение берет верх над виртуальным.

Реализация давосского сценария несет очень серьезные социальные риски, обусловленные неконтролируемым развитием информационных технологий. Главным из них становится «прозрачность» личной жизни человека.

Мир становится «прозрачным». Существующие электронные инструменты позволяют держать «под колпаком» неограниченное число населения во всем мире [7]. Различные структуры (не только государственные, но и частные) могут полностью контролировать жизнь и деятельность каждого человека и держать его «на крючке». Пространство свободы исчезает. Психологические, социальные, культурные следствия этой новой ситуации, анализ возникающих угроз и возможных алгоритмов их парирования — серьезный вызов для гуманитарных дисциплин. В самом деле, шесть с лишним веков императивом общественного развития в Европе было стремление к свободе. И вдруг она в одночасье исчезает и гражданам объясняют, как в оруэлловской антиутопии, что «свобода есть рабство», в данном случае — электронное.

Военные разработки и императивы администрации Д. Трампа

Мнение военных не стоит ни цента, даже по военным вопросам.

Д.Д. Эйзенхауэр

С конца XIX в. великие державы стремятся решать геополитические и геоэкономические задачи, опираясь на свое превосходство в эффективности вооружений и передовую военную науку. Этим превосходством США обладают, и, конечно, администрация Трампа постарается его сохранить. Вместе с тем американские затраты на оборону, составляющие половину мировых, уже превысили разумные пределы: американская экономика таких военных расходов уже не выдерживает, а политикам все труднее становится объяснять ее необходимость. В таких условиях Д. Трамп постарается сократить военный бюджет, приостановить военные действия, в которых США участвуют за рубежом, и часть своих расходов переложить на союзников.

Судя по заявлениям Д. Трампа и членов его команды, они намерены всерьез разобраться в военном хозяйстве Америки и навести в нем порядок. Это показывает их отношение к «делу F-35». Мировым лидером по продажам вооружений (около 36 млрд долл. США в год) является компания Lockheed Martin. Именно она находится в центре скандала, связанного с провалом программы по производству легких истребителей пятого поколения F-35. Этот проект уже обошелся американским налогоплательщикам в 1,5 трлн долл. и стал самым дорогим в истории США (многократно превысив стоимость разработки атомной бомбы и лунного проекта «Аполлон»). Истребители должны были быть приняты на вооружение еще в 2005 г., а на начало 2016 г. должно было быть построено 1013 машин. Однако было поставлено только 179 истребителей, и в ходе их эксплуатации выявились многочисленные недоработки, не позволяющие обеспечить достижение заявленных тактико-технических характеристик. «Это настоящая трагедия и скандал. Все, что касается сроков выполнения работ по F-35, их стоимости и других показателей, уже давно перешагнуло пределы разумного», — заявил известный политик и заместитель руководителя комитета по вооружениям Сената США Д. Маккейн [8].

Можно ожидать, что в правление Д. Трампа будет происходить смещение от стремления создать «дорогое, но превосходное» к желанию получить «дешевое, но эффективное».

У США есть большие научные и технологические возможности. Запуск советского спутника в 1957 г. стал шоком для американских элит. И чтобы подобных неожиданностей впредь не происходило, был создан департамент перспективных исследований министерства обороны США (DARPA) [9]. Его цель — не пропустить «технологических прорывов», которые могут кардинально изменить баланс сил. Его методы — постановка «странных» задач, генерация, анализ, экспертиза «сумасшедших проектов» и проведение открытых конкурсов, в которых могут принять участие все — от студентов до крупных научных коллективов. Далее с «золотым песком», который «намыли» в ходе этой работы, начинают работать другие структуры. Кроме того, DARPA — прекрасная школа управленческих кадров для госаппарата и высокотехнологичного сектора американской экономики. Конечно, все это будет самым активным образом развиваться и при Д. Трампе.

В СССР и в России структуры подобного рода работали под руководством Академии наук. Однако в ходе реформ их роль была существенно снижена и в настоящее время они не играют заметной роли в части научного обеспечения развития оборонной техники. Попытки же создать аналогичные структуры вне РАН пока не привели к улучшению ситуации.

Судя по заявлениям Д. Трампа, усилия будут направлены на решение основной задачи — сдерживания главного геополитического оппонента США — Китая. В частности, это означает модернизацию стратегических ядерных сил и наращивание военно-морских сил в Тихом океане с целью противостоять Китаю в Восточно-Китайском море, где эта страна уже построила 7 искусственных островов и сооружает на них военные базы.

Это не худший вариант для России. Он дает время для решения наших собственных задач.

Америка в мировом научном пространстве. Исходная точка

Предсказывать очень трудно, особенно предсказывать будущее.

Нильс Бор

Если бы мы знали, что именно делаем, то это нельзя было бы назвать исследованием, не так ли?

Альберт Эйнштейн

Будем надеяться на лучшее: президентство Д. Трампа закончится без мировой войны, американская

и мировая экономика не свалятся в разрушительный мировой кризис, а, подтянув тылы, подготовятся к следующему рывку, удастся обойтись без социальных революций, которые очень дорого обходятся обществу, и мы будем находиться на эволюционной ветви развития.

Вновь вернемся к анализу состояния американской науки и попытаемся определить возможный вектор развития.

Вначале несколько общих замечаний. Во времена Ньютона международным языком науки была латынь, в начале XX в., в связи со стремительным развитием немецкой промышленности, требовавшей новых технологий и создания их научных основ, им стал немецкий. Взлет американской науки во многом связан с тем, что огромное количество ведущих мировых ученых оказались в США. А. Эйнштейн, вынужденный покинуть нацистскую Германию, предложил сделать атомную бомбу Ф. Рузвельту. А непосредственно оружие создавал интернациональный коллектив под руководством американца Р. Оппенгеймера: итальянец Э. Ферми, венгр Л. Сциллард, немец К. Фукс и т.д. Космической программой США, включая посадку на Луну, руководил немец Вернер фон Браун — создатель немецкой ракеты «V-2». Америка смогла воспользоваться потенциалом этих выдающихся людей.

Наука неоднородна. Фундаментальные исследования приходят в практику обычно через 40–50 лет. Прикладные, показывающие, как, в принципе, можно применить фундаментальные знания, работают с горизонтом в 15–20 лет. Опытно-конструкторские разработки, дающие конкретные технологии массового производства и доступные изделия, обычно планируются на несколько лет. Впрочем, война все ускоряет, и фундаментальные результаты оказываются нужны гораздо быстрее. Без каждой из этих составляющих частей наука полноценно развиваться не может (во многом с этим и связаны проблемы создания и использования собственной науки в развивающихся странах). В настоящее время в американской науке отлично развиты все три ее сегмента, и английский язык стал языком международной науки. Однако абсолютизация этого факта, перевод российской отечественной научной периодики на английский язык несут большой риск утраты научной идентичности.

Очевидны реальные прорывы американских ученых. Благодаря миссиям США к планетам Солнечной системы, телескопу Hubble и другим инструментам такого типа наши знания о Вселенной за последние десятилетия многократно расширились.

Виртуальный мир стал возможен благодаря открытиям и изобретениям ученых и инженеров США в физике твердого тела и электронике.

Кремниевая долина в Калифорнии, айфоны и айпады — наглядный пример того, как знание становится силой. Наконец, следует отметить впечатляющие успехи американской науки в области биологии и медицины.

Кроме огромного финансирования и возможности привлечения ведущих ученых из-за рубежа, здесь стоит обратить внимание на три важных обстоятельства.

Во-первых, это сильная государственная научная политика, конструктивный диалог власти и ученых, умение сосредоточить усилия ученых на ключевых направлениях. Американские президенты уже несколько десятилетий встречаются с ведущими исследователями, формулируют обычно одну задачу, в решении которой сейчас особенно заинтересована Америка, и создают условия для ее решения и использования полученных результатов.

Во-вторых, акцент на экспериментальных исследованиях, на том знании, которое может быть использовано. Типичный пример — подготовка физиков. В отечественных университетах до сих пор самые сильные ребята идут изучать теорию, те, кто послабее — на экспериментальные исследования, а самые слабые — на практику, где это знание может быть использовано. В США и ориентирующихся на них странах эта «пирамида» поставлена «с головы на ноги». Система построена так, что способность ученого находить практические воплощения фундаментальных идей ценится очень высоко.

В-третьих, огромное преимущество в Национальной инновационной системе США дает стремление создавать и использовать первоклассные научные инструменты. Это очень наглядно показывают американские космические миссии. Их ориентировали на очень долгий срок службы, а созданное программное обеспечение — на то, чтобы парировать сбои и поломки аппаратуры, выходить из нештатных ситуаций. Единственный космический аппарат, который вышел за пределы Солнечной системы, был запущен в США в 1971 г. Он продолжает работать и передавать получаемую информацию на Землю. Планируется, что он будет делать это до 2022 г., когда перестанет различать Землю на фоне звезд. Ставка на создание научных приборов и аппаратов с рекордными параметрами себя оправдала. Очевидно, эта традиция сохранится и в бытность Д. Трампа президентом США.

Для больших сложных систем характерен «парадокс Ахиллеса»: несмотря на все усилия защитить их,

в таких объектах оказываются «точки уязвимости», «слабые пункты», «окна возможностей», которые могут стать центрами их разрушения.

В США — около десятка университетов очень высокого уровня. Более того, директора американских школ имеют возможность отбирать лучших, наиболее способных учеников и направлять их в эти университеты (что разительно отличается от российской системы ЕГЭ, ориентированной на слаборазвитые страны третьего мира). Но в целом в стране престиж точных наук падает — наиболее талантливая молодежь предпочитает бизнес, юриспруденцию и медицину. Подготовленных, талантливых людей не хватает для американской системы НИОКР, а общий культурный и образовательный уровень населения страны стремительно падает. Во многих высокотехнологичных корпорациях основную часть рабочих мест занимают американцы, в то время как инженерные позиции и ряд руководящих постов — гастарбайтеры. Большие проблемы возникают в области авиационной промышленности, атомной энергетики и других, где ведутся закрытые разработки, привлечение к которым мигрантов нежелательно, а собственных кадров остро не хватает (ряд экспертов именно с этим связывает проблемы, возникающие с истребителем F-35).

Одна из причин такого положения дел — «гуманизация образования», в соответствии с которой, «нельзя заставлять учиться». Повышение доли афроамериканцев и латиноамериканцев, в культуре которых нет обычая делать домашние задания и готовиться к урокам, привел к сознательному снижению требований и упрощению программ средних школ. И это сделало американскую промышленность и науку очень уязвимыми. Заметим, что в Южной Корее, напротив, школьные программы усложняются.

Известный американский физик-теоретик М. Каку, многие книги которого были недавно переведены на русский язык, пришел к неутешительному выводу: «США имеют худшую систему образования из тех, что мне известны. Знания наших выпускников ниже, чем в странах третьего мира. Каким же образом научная элита США еще не потерпела коллапс? Мы производим поколение идиотов — посмотрите наше ТВ и реалити-шоу. И я вам скажу: у Америки есть секретное оружие, которое называется „Виза для иностранных ученых H-1B“» (<http://pandoraopen.ru/2017-02-04/pochemu-zapad-obrechen-mnenie-inzhenera-2/>).

Дональд Трамп пришел во власть с лозунгом, формулированным в свое время Л. Якокой: «Сделаем Америку снова великой» [10]. Может быть, эти амби-

ции будут распространены и на научную сферу, и мы достаточно скоро увидим новое поколение систем искусственного интеллекта, алгоритмы кардинального продления жизни или лунную базу. Хочется думать, что именно такие масштабные проекты, продвигающие вперед все человечество, а не узко понимаемые разработки, направленные на силовое доминирование, будут определять будущее американской науки. Вероятно, стратегии, замыслы и цели администрации Д. Трампа станут понятны в течение ближайшего времени. Но независимо

от этого маневр России в научной сфере уже ясен. Петр I создал научно-образовательную триаду: Академия — Университет — Гимназия. Эта система доказала свою высокую эффективность. Многочисленные реформы, проведенные методом проб и ошибок, не позволили создать ничего более эффективного. Поэтому усилия России должны быть направлены на создание современной научно-образовательной среды, восстановление академического сектора науки как глобального национального конкурентного преимущества.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.
2. Белл. Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
3. Иванов В.В. Перспективный технологический уклад: возможности, риски, угрозы // Экономические стратегии. 2013. № 4. С. 2–5.
4. Рифкин Д. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017.
6. Гурова Т., Полуни Ю. Наступление «синих воротничков» // Эксперт. 2017. № 3. С. 13–17.
7. Клепов А. Шифраторы и радиоразведка: щит и меч информационного мира. (Записки криптографа). М.: ООО «Центр Инновационных технологий», 2015.
8. Хазбиев А. Возвращение «хищника» // Эксперт. 2016. № 19. С. 37.
9. Рогозин Д.О., Шеремет И.А., Гарбук С.В., Губинский А.М. Высокие технологии в США. Опыт министерства обороны и других ведомств. М.: Изд-во Московского университета, 2013.
10. Якока Ли. Карьера менеджера. М.: Прогресс, 1991.

References

1. Glaz'ev S.YU. The theory of long-term technical and economic development [Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya]. Moscow, Vladar, 1993 (In Russ.).
2. Bell. D. The Coming Postindustrial Society. Experience of social forecasting [Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya]. Moscow, Academia, 1999 (In Russ.).
3. Ivanov V.V. Perspective Technological Structure: Opportunities, Risks, Threats [Perspektivnyj tekhnologicheskij uklad: vozmozhnosti, riski, ugrozy]. *Ehkonomicheskie strategii — Economic Strategies*, 2013, no. 4, pp. 2–5 (In Russ.).
4. Rifkin D. The Third Industrial Revolution: How Horizontal Interactions Change Energy, Economics and the World as a Whole [Tret'ya promyshlennaya revolyuciya: kak gorizonta'l'nye vzaimodejstviya menyayut ehnergetiku, ehkonomiku i mir v celom]. 2-e izd. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2015 (In Russ.).
5. SHvab K. The Fourth Industrial Revolution [Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya]. Moscow, Izdatel'stvo «EH», 2017 (In Russ.).
6. Gurova T. Polunin YU. The offensive of the “blue collar” [Nastuplenie «sinih vorotnichkov»]. *Ehkspert*, 2017, no. 3, pp. 13–17 (In Russ.).
7. Klepov A. Encoders and radio reconnaissance: the shield and the sword of the information world. (Notes of the cryptographer) [Shifratory i radiatorazvedka: shchit i mech informacionnogo mira. (Zapiski kriptografa)]. Moscow, ООО «Centr Innovacionnyh tekhnologij», 2015 (In Russ.).
8. Hazbiev A. Return of the «predator» [Vozvrashchenie «hishchnika»]. *Ehkspert*, 2016, no. 19, p. 37 (In Russ.).
9. Rogozin D. O., SHeremet I. A., Garbuk S. V., Gubinskij A. M. High technology in the USA. The experience of the Ministry of Defense and other departments [Vysokie tekhnologii v SSHA. Opyt ministerstva oborony i drugih vedomstv]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013 (In Russ.).
10. Yakoka Li. Career manager [Kar'era menedzhera]. Moscow, Progress, 1991 (In Russ.).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» ЗА 2017 Г.

№ 1

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Смирнов Ф.А., Головков А.В.

Забота об экологии Земли – стратегия будущего России и мира 6

Кузнецов Е.Б.

Проблемы перехода на инновационную модель экономики..... 15

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Куприянова Л.М.

Развитие внутреннего производства – новая траектория экономического роста..... 29

Масалимова А.М.

Формирование бюджета собственных ресурсов в МЕРКОСУР..... 37

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Философова Т.Г.

Транстихоокеанское партнерство: экономика интеграционных процессов 46

Сведенцов В.Л.

**Новые международные региональные банки развития
и интересы России 55**

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Солуянов А.А.

**Использование электронных денег
в международных расчетах и контроль со стороны государств..... 60**

Цзя Сун

Банковская система КНР в условиях мировых финансовых кризисов 64

МЕНЕДЖМЕНТ

Пащенко Д.С.

**Влияние модели бизнеса софтверной компании на модель ее производственных процессов на примере
региона Центральной и Восточной Европы..... 70**

Разомасова Е.А.

**Тенденции развития сферы потребительских услуг
в крупном городе с учетом фактических предпринимательских рисков..... 78**

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Щегольков Ю.Ю., Метелкина П.В.

Развитие туризма в малых городах России 86

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Воронов Ю.П.

О теории контрактов (о Нобелевских премиях по экономике)..... 92

№ 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Казанцев С.В.*

Методика и инструментарий оценки безопасности на национальном и региональном уровнях.....6

Архипова В.В.

Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект 13

Булавин А.В., Беляев И.И.

Сравнительный анализ основ стратегического планирования в области национальной безопасности: оценка достоверности результатов 20

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА*Котляров Н.Н.*

Взаимодействие Китая с внешним миром в условиях «новой нормальности» китайской экономики 27

Кулакова Е.В.

Возможности и перспективы интеграции ЕАЭС в финансовой сфере..... 38

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА*Зубаревич Н.В.*

Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики 46

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Винюков И.А., Маевский Е.В., Ягодский П.В.*

Финансовая состоятельность регионов РФ в 2010–2014 годах: продолжение классификационного анализа 58

Золотарюк А.В., Качибая П.С., Митюшенков А.Н.

Перспективы развития финансовой социальной сети в России..... 70

Салин В.Н., Севрук В.Т., Третьякова О.Г.

Статистические показатели оценки уровня конкуренции банковской системы..... 74

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД*Балацкий Е.В., Екимова Н.А.*

Концентрическая модель российского рынка экономических исследований 82

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ*Нуреев Р.М.*

Истоки огосударствления экономики и его последствия 93

№ 3

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА*Сильвестров С.Н., Зинченко Ю.В.***Устойчивое развитие и «зеленая»****модернизация как условия перехода****к новой промышленной революции 6***Коротков И.Г., Зубенко В.А.***Россия на рынке высокотехнологичных и интеллектуальных услуг 14***Абдикеев Н.М.***Технологии когнитивного менеджмента в цифровой экономике 24***Пащенко Д.С.***Российские тенденции в области разработки****и внедрения программного обеспечения:****результаты исследования 29****МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА***Малинецкий Г.Г., Иванов В.В.***Научные ориентиры администрации США 36***Портанский А.П.***О перспективах мегарегиональных торговых соглашений 47***Барышников П.Ю.***Тенденции экономического****и политического сотрудничества Канады****и стран Европейского союза 54****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА***Григорьев Л.М., Павлюшина В.А.***Социальное неравенство как проблема****экономической стратегии России 58****ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА***Миркин Я.М., Добашина И.В.***Слабости сильного рубля 72***Балацкий Е.В., Екимова Н.А.***Идентификация университетов мирового класса 81****ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Бобылев С.Н.***Устойчивое развитие в интересах будущих поколений:****экономические приоритеты 90****ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА***Малов В.Ю., Ершов Ю.С., Ионова В.Д.***Стратегии регионального развития: проекты полураспада 97**

№ 4

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА*Ткаченко А.А.***Проблемы общемировой цивилизации: экономические и экологические сдвиги.....6***Васильева Е.В., Деева Е.А.***Методы экспертных оценок в прикладной информационной экономике для обоснования преимуществ информационных систем и технологий 14***Подвойский Г.Л.***Мир труда: контуры будущего..... 23****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА***Казанцев С.В.***Неравенство уровней социально-экономического развития субъектов Российской Федерации 32***Екимова Н.А.***Упреждающая эконометрическая диагностика: в поисках новой парадигмы..... 40****ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Кошмаров М.Ю., Трубецкой А.Ю.***Экономические теории и эволюция пропаганды..... 48****МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА***Красавина Л.Н., Лукьянович Н.В.***Интеграционное взаимодействие государств – участников Евразийского экономического союза как фактор обеспечения их национальной экономической безопасности..... 55***Эскиндаров М.А., Перская В.В.***Инициатива большого Евразийского партнерства – новый подход к формированию международных отношений в рамках одного континента на основе сложившихся международных правовых норм и правил..... 63***Марганя Л.О.***Развитие торгово-экономических отношений России и ЕС: временные затруднения или начало долгосрочного кризиса..... 70***Побываев С.А.***Неоиндустриализация как инструмент встраивания в глобальные цепочки стоимости российских и белорусских предприятий..... 78****ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА***Бондаренко В.В., Танина М.А., Юдина В.А., Харитоновна Т.В.***Разработка модели системы региональных институтов развития в условиях формирования инновационной наукоёмкой экономики..... 88***Воронов Ю.П.***Региональные суверенные фонды и перспективы заимствования их опыта в России 99****ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА***Стародубцева Е.Б., Маркова О.М.***Реформирование банковских систем стран ЕАЭС в преддверии создания единого финансового рынка.... 108***Андрюшин С.А., Кузнецова В.В.***Процентная политика Банка России в условиях рецессии балансовых счетов 114****ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД***Малинецкий Г.Г., Иванов В.В.***Научная стратегия США 126**